

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 3 (75)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Джунджузов С. В., Ефименко М. Н.</i> Обострение военной и социально-политической обстановки в Яицком казачьем войске в период откочевки калмыков из России в январе – марте 1771 г.	5
<i>Белова Ю. А.</i> Липецкие минеральные воды: социально-медицинский и градостроительный фактор истории.....	18
<i>Майоров А. А.</i> О структуре и специфике различных потоков христианских паломников в Святую землю во второй половине XIX в.	26
<i>Жигулин И. Н.</i> Историография мобилизации в Российской империи: основные подходы и тенденции.....	39
<i>Сухова О. А., Ягов О. В.</i> Мусульманская умма в религиозной политике Советского государства в 1920-х – начале 1930-х гг.: выбор стратегии.....	49
<i>Митронина С. А.</i> Мемориальная политика партийного руководства СССР 1950–1970-х гг. в организации празднования юбилеев и памятных дат Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области).....	62
<i>Николаев Б. В., Павлова Н. А.</i> Причины и предпосылки российской инициативы по организации Гаагских конференций мира	76
<i>Митрофанов В. П.</i> Из истории семьи английского йомена середины XVII в. (по материалам дневника и завещаний).....	89
<i>Буяров Д. В., Учайкина А. Е.</i> Учет опыта распада СССР в национальной политике Китая в первой четверти XXI в. (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района).....	103

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

<i>Коблова Н. А.</i> Женская эмансипация в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: ресурс и фактор (на материалах Пензенской губернии).....	114
---	-----

<i>Панфилов Д. А.</i> Пензенская губернская конференция по изучению производительных сил 1926 г.: исторический анализ.....	128
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Карнишин В. Ю.</i> История Самарского Поволжья: новый этап исследований российского региона.....	138
<i>Ставицкий В. В.</i> Проблема интерпретации средневековых источников	148

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 3 (75)

2025

CONTENTS

HISTORY

<i>Dzhundzhuzov S.V., Efimenko M.N.</i> The aggravation of the military and socio-political situation in the Yaik Cossack army during the migration of Kalmyks from Russia in January – March 1771.....	5
<i>Belova Yu.A.</i> Lipetsk mineral waters: social-medical and urban planning factor of history	18
<i>Mayorov A.A.</i> The structure and specific features of various parts of the general flow of Christian pilgrims to the Holy Land in the second half of the 19 th century.....	26
<i>Zhigulin I.N.</i> Historiography of mobilization in the Russian Empire: main approaches and trends	39
<i>Sukhova O.A., Yagov O.V.</i> The Muslim Ummah in the religious policy of the Soviet State in the 1920s – early 1930s: choice of strategy	49
<i>Mitronina S.A.</i> Memorial policy of the party leadership of the USSR in the 1950–1970s in organizing the celebration of anniversaries and memorable dates of the Great Patriotic War (by the example of Penza region).....	62
<i>Nikolaev B.V., Pavlova N.A.</i> Reasons and prerequisites for the Russian initiative in organizing the Hague Peace Conferences	76
<i>Mitrofanov V.P.</i> From the history of the English yeoman family in the middle of the 17 th century (by the materials from the diary and wills).....	89
<i>Buyarov D.V., Uchaikina A.E.</i> Taking into account the experience of the collapse of the USSR in China's national policy in the first quarter of the 21 st century (by the example of the XUAR)	103

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

<i>Koblova N.A.</i> Female emancipation in the Russian province in the second half of the 19 th – early 20 th centuries: resource and factor (by the materials of Penza province)	114
--	-----

<i>Panfilov D.A.</i> Penza provincial conference on the study of productive forces in 1926: historical analysis	128
---	-----

CRITICAL REVIEWS

<i>Karnishin V.Yu.</i> History of Samara Volga region: new stage in research of the Russian region.....	138
<i>Stavitskiy V.V.</i> The issue of interpreting medieval sources.....	148

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 94:[316.35:357.1](470.56)"1771"
doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1

Обострение военной и социально-политической обстановки в Яицком казачьем войске в период откочевки калмыков из России в январе – марте 1771 г.

С. В. Джунджузов¹, М. Н. Ефименко²

^{1,2}Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

¹djund@yandex.ru, ²efimenkom@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В январе 1771 г. через территорию Яицкого казачьего войска прошла покидавшая пределы России многотысячная Калмыцкая орда во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши. Запоздалое распоряжение об их преследовании спровоцировало конфликт между старшинами и рядовыми казаками. Цель работы – методом критического анализа архивных источников рассмотреть причины конфликта, действия противоборствующих сторон и их последствия. *Материалы и методы.* Использованы историко-генетический, структурно-функциональный методы научного исследования. *Результаты и выводы.* Бунтарство яицких казаков стало закономерной реакцией на лишение казачьего сообщества автономии и распространения на казаков статуса военно-служилого сословия. Поводом к неповиновению послужило нежелание казаков преследовать калмыков заснеженной и обледенелой степи. Под предлогом невыплаты жалованья за предыдущие пять лет и восстановления права выбора походного атамана и старшин они отказались как от преследования калмыков, так и от направления сменной команды в Кизляр. Регулярные и нерегулярные войска, дислоцированные в Оренбургской губернии, были задействованы в походе за калмыками и не могли быть использованы против бунтующих казаков. Одержанная победа над «старшинской» партией придала уверенности рядовым казакам. Ее последствием стало кровопролитное восстание 1772 г. и участие в движении Е. И. Пугачева в 1773–1774 гг.

Ключевые слова: калмыки, обострение, Оренбургская губерния, социально-политическая обстановка, Яицкое казачье войско

Для цитирования: Джунджузов С. В., Ефименко М. Н. Обострение военной и социально-политической обстановки в Яицком казачьем войске в период откочевки калмыков из России в январе – марте 1771 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 5–17. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1

The aggravation of the military and socio-political situation in the Yaik Cossack army during the migration of Kalmyks from Russia in January – March 1771

© Джунджузов С. В., Ефименко М. Н., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

S.V. Dzhundzhuzov¹, M.N. Efimenko²

^{1,2}Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

¹djund@yandex.ru, ²efimenkom@mail.ru

Abstract. *Background.* In January 1771, thousands of Kalmyk hordes led by Ubashi, the governor of the Kalmyk Khanate, passed through the territory of the Yaik Cossack army, leaving Russia. The belated order to prosecute them provoked a conflict between the foremen and the rank-and-file Cossacks. The purpose of the work is to examine the causes of the conflict, the actions of the warring parties and their consequences using the method of critical analysis of archival sources. *Materials and methods.* The historical-genetic, structural-functional methods of scientific research and the results were used. *Results and conclusions.* The rebelliousness of the Yaik Cossacks was a natural reaction to the deprivation of the Cossack community of autonomy and the extension of the status of a military class to the Cossacks. The reason for the disobedience was the reluctance of the Cossacks to pursue the Kalmyks of the snowy and icy steppe. Under the pretext of non-payment of salaries for the previous five years and the restoration of the right to choose a marching chieftain and foremen, they refused both to persecute the Kalmyks and to send a replacement team to Kizlyar. Regular and irregular troops stationed in the Orenburg province were involved in the campaign for the Kalmyks and could not be used against the rebellious Cossacks. The victory over the “senior” party gave confidence to ordinary Cossacks. Its consequence was the bloody uprising of 1772 and participation in the movement of E.I. Pugachev in 1773–1774.

Keywords: Kalmyks, aggravation, Orenburg province, socio-political situation, Yaik Cossack army

For citation: Dzhundzhuzov S.V., Efimenko M.N. The aggravation of the military and socio-political situation in the Yaik Cossack army during the migration of Kalmyks from Russia in January – March 1771. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(3):5–17. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1

Историческая наука не располагает достоверными сведениями, откуда и в какие конкретно годы русские поселенцы пришли в низовье Яика (с 1775 г. – Яика). Однако, придерживаясь разной датировки, историки сходятся во мнении, что яицкое поселение сложилось в XVI в., к концу царствования Ивана IV [1, с. 222; 2, с. 47]. К выбору подходящей для проживания местности первые казачьи поселенцы подошли весьма рационально и практично. Яик и прибрежные воды Каспийского моря изобиловали ценными породами осетровых рыб. Рыболовство и рыботорговля стали основой хозяйственного уклада и благосостояния яицких казаков вплоть до второй половины XIX в., когда они приступили к земледельческому освоению степных уральских просторов [3–5]. Постоянная угроза нападения и стычки с многочисленными воинственными кочевниками – калмыками, казахами, каракалпаками и другими народами – закалили характер яицких казаков. Проезжавшие через Яицкий городок на рубеже 60–70-х гг. XVIII в. С. Паллас и И. Георги характеризовали их как здоровых, сильных и умелых воинов, отличающихся необузданным, решительным и храбрым нравом [6, с. 224; 7, с. 447]. К этому следует добавить свойственные вольным казачьим сообществам общинную самоорганизацию с выборными атаманами и старшинами, коллективизм, солидарность, взаимопомощь, приверженность к свободе и отстаиванию войсковых интересов.

В царствование Петра I правительство начинает встраивать казачьи войска в систему военного управления, тем самым лишая их былых автономных прав и привилегий. Высочайшим указом от 3 марта 1721 г. казачьи войска Донское, Яицкое и Гребенское были подчинены Военной коллегии. Для управления казачьими войсками в Канцелярии Военной коллегии было образовано особое отделение, первоначально названное Казачье повытье, переименованное позднее в Казачью экспедицию. Со временем выборные войсковые чиновники, бывшие прежде лишь исполнителями воли казачьего круга, начинают выделяться из массы рядового казачества. Для формирования из войсковой верхушки своей опоры государство распространяет на атаманов и старшин преимущества, свойственные чиновной бюрократии Российской империи [8, с. 35].

Государственный контроль над Яицким казачьим войском значительно усилился с образованием сначала Оренбургской экспедиции, а затем и Оренбургской губернии, когда губернская граница вплотную подошла к войсковой территории, а само войско перешло под общее управление оренбургских губернаторов.

К 1760-м г. старшинская верхушка Яицкого войска превратилась в обособленную привилегированную прослойку казачьего сообщества. За казачьим кругом сохранялось лишь право выбора сотников, есаулов, не состоявших членами Войсковой канцелярии. Следствием сосредоточения у атаманов и старшин властных полномочий, неконтролируемых казачьим кругом, стали многочисленные злоупотребления. Атаманы по своему усмотрению чинили суд, несправедливо распределяли налоги, обкладывали казаков поборами, задерживали причитавшееся им жалованье. Казаки, помнившие о былых справедливых порядках, противились нововведениям. Свое недовольство они выражали в челобитных, направляемых императорским особам, оренбургским губернаторам и в Военную коллегию. Когда же вместо ожидаемой поддержки правительство повелевало наказывать самих челобитчиков, казаки решались на открытое неповиновение войсковому начальству [9, с. 16–18].

Обострение отношений между «старшинской» и, как ее определил В. Н. Витевский, «народной» партиями в Яицком войске привели к открытому мятежу яицких казаков в 1772 г. и к поддержке пугачевского восстания годом позже. События, предшествовавшие этим глобальным катаклизмам, были и остаются в сфере внимания исследователей истории Уральского казачьего войска. Одним из них стал бунт Яицких казаков, отказавшихся от записи в корпус, предназначенный для преследования калмыков, ушедших из российского подданства. Видимо, в силу отсутствия достаточной источниковой базы в работах советских и современных историков не приводятся какие-либо подробности неповиновения казачьего круга командующему Оренбургским корпусом генерал-майору И. К. Давыдову и войсковому атаману П. В. Танбовецу. Исключение составляет фундаментальный труд известного дореволюционного исследователя В. Н. Витевского «Яицкое войско до появления Пугачева», печатавшийся в 1878 и 1879 гг. в нескольких номерах журнала «Русский архив». Исследование Витевского базируется на материалах войскового архива Уральского казачьего войска. И сам текст написан собственным дореволюционной историографии языком архивных документов. Однако материалы для него подобраны с учетом авторской позиции, выра-

жавшей сочувствие рядовым казакам и обвинявшей в некомпетентности оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и генерал-майора И. К. Давыдова, а атамана П. В. Танбовцева и Войсковую канцелярию – в злоупотреблении властью и мздоимстве [10, с. 385–396].

Относительно непредвзято рассмотреть позиции и действия оренбургской администрации и яицких войсковых старшин, с одной стороны, и представителей так называемой казачьей «народной» партии – с другой, позволяют материалы фонда «Оренбургской губернской канцелярии» (фонд 3) Объединенного государственного архива Оренбургской области. В них представлены рапорты Войсковой канцелярии Яицкого войска на имя оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и генерал-майора И. К. Давыдова и донесения самого Давыдова об уклонении казаков от участия в преследовании калмыков, неподчинении их приказам войскового начальства и случившихся на этой почве столкновениях между представителями «старшинской» и «народной» партий. Эти документы дополняются показаниями казаков, задержанных в ходе беспорядков и допрошенных в Войсковой канцелярии. Мнение рядовых казаков о нарушении их прав старшинской верхушкой и незаконных поборах содержатся в челобитной, поданной их представителями Л. Шапошниковым, Ф. Морковцевым и другими императрице Екатерине II в июле 1771 г. [10, с. 3–6].

5 января 1771 г. более 169 тыс. калмыков под предводительством наместника Калмыцкого ханства Убаши и поддержавшие его нойоны двинулись от берегов Волги к Яику. Убаши задался целью увести свой народ из России, вернуться в Джунгарию, откуда их предки ушли еще в начале XVII в., и там поселиться, приняв китайское подданство. Начальный этап калмыцкого исхода пришелся на 5–20 января. 19 января калмыцкие улусы, покрыв расстояние в 500 километров, подошли к р. Яик и начали переправляться на ее степной берег. Единственной военной силой и помехой на их пути могло стать Яицкое казачье войско, через территорию которого они прошли, если можно так выразиться, как нож сквозь подтаявшее масло. Основная часть яицких казаков в зимнее время находились либо при своих домашних хозяйствах, либо на зимнем рыболовстве – багрении. Казаки, несшие службу на форпостах Нижней яицкой линии, под натиском многократно превосходящих их калмыков вынуждены были перейти в ближайшие крепости и там держать оборону. Калмыками были разграблены и сожжены форпосты Гребенщевский, Зеленовский, Красноярский и Харкинский [11, с. 94].

Российские власти хотя и получали сигналы о готовящемся калмыцкой правящей верхушкой уходе из России, но относились к ним не более чем к пустым слухам, распространяемым враждебно настроенными к калмыкам киргиз-кайсаками (казахами). С 11 января в Войсковую канцелярию начали поступать сведения о поспешном уходе в Калмыцкую орду калмыков, состоявших казаками Яицкого войска. Атаман П. В. Танбовцев и находившийся в Яицком городке генерал-майор И. К. Давыдов ожидали распоряжений от оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа. Сам же И. А. Рейнсдорп начал проявлять активную деятельность лишь 23 января, когда было получено запоздалое донесение от помощника царицынского коменданта И. Е. Цеплетева об измене наместника Калмыцкого ханства Убаши [12, л. 58–58 об.]. Тогда же в Оренбурге было получено сообщение от генерал-майора Давыдова о начав-

шейся 19 января переправе калмыцких улусов на степную сторону р. Яик близ Калмыковой крепости и Красноярского форпоста [12, л. 56]. Уже на следующий день, 24 января, И. А. Рейнсдорп потребовал от командующего войсками Оренбургского корпуса: «Употребить все силы. В том им, калмыкам, на яицких форпостах, умножа людей, воспрепятствовать, и далее не пропустить. А притом постараться и наместника их и владельцев поймать» [12, л. 61].

28 января Канцелярия Яицкого войска сообщила о направлении в сторону нижних форпостов 1130 казаков с четырьмя пушками во главе с Алексеем Митрясовым. Дальнейшее пополнение казачьей команды предполагалось за счет казаков, находившихся на рыбной ловле. В первую очередь А. Митрясов должен был обеспечить безопасность крепостей и форпостов, подвергшихся калмыцкому нападению и, выполняя эту задачу, «над самими теми калмыками сильный воинский поиск учинить» [12, л. 70–70 об.]. В ожидании возможного нападения калмыков часть казаков были возвращены И. К. Давыдовым в Яицкий городок. В распоряжении Митрясова оставалось 730 человек [10, с. 396].

Продвигаясь вдоль линии вниз по течению Яика, А. Митрясов стремился задерживать калмыков, не успевших переправиться на степную сторону реки. Наибольшим его успехом стало склонение к отказу от переправы ниже крепости Индерских гор и возвращение на Волгу нойона Асархи и его племянника Миши с Икицохуровским улусом [11, с. 95–96], в котором, по утверждению Митрясова, насчитывалось до 2035 кибиток и «военных людей до 4 тыс. человек» [13, л. 139].

20 февраля Яицкое войско направило оренбургскому губернатору рапорт о возвращении в Яицкий городок казачьих команд А. Митрясова и И. Суетина. По итогам похода А. Митрясов составил справку, из которой следовало, что состоявшими при нем казаками были убиты «не покорившихся и вооруженных» 200 калмыков и взято в плен 230 человек, в том числе 2 зайсанга. У противника отбито 3 знамени, 152 ружья, 68 сабель, 85 сайдаков, 196 копий. Казаки также распределили по себе доставшихся им в добычу 133 верблюда, 909 лошадей, 2520 овец и баранов [12, л. 470, 477].

На втором этапе, продолжавшемся с 21 января по 18 февраля, вышедшие из повиновения Екатерины II калмыки совершили переход по степям казахов Младшего и Среднего жузов к р. Эмбе [11, с. 90]. И. А. Рейнсдорп и И. К. Давыдов справедливо считали, что мятежные калмыки далее будут следовать степью, параллельно Верхней яицкой линии, на расстоянии 200–300 верст.

Оренбургским генералитетом был составлен оперативный план перехвата и задержания беглых калмыков. В Орской крепости, располагавшейся в центре оборонительной линии, было решено сформировать экспедиционный корпус в составе регулярных (конных эскадронов) и нерегулярных (казаков, башкир и мещеряков) войск под командованием полковника М. М. фон Траубенберга [12, л. 231 об.]. Яицкие казаки должны были продолжать преследовать удаляющуюся Калмыцкую орду.

Когда стало очевидным, что основная масса калмыков покинула войсковую территорию, генерал-майор И. К. Давыдов назначил командующим казачьим корпусом полковника Бейерена (у В. Н. Виетвского – фон Бейерна). Ему была подчинена находившаяся тогда в Калмыковой крепости команда А. Мит-

рясова, для усиления которой Давыдов приказал набрать еще тысячу казаков. Вместе с казаками в поход должна была отправиться часть регулярных войск [10, с. 398]. От приезжавшего в Яицкий городок казаха была получена ориентировка, что калмыки продвинулись к впадавшей в р. Илек р. Хобде. Он утверждал, что вблизи того места у казахов произошло столкновение «с подбегавшими для воровства» калмыками. 13 февраля генерал-майор И. К. Давыдов запросил у оренбургского губернатора разрешение направить, заметим (!), несформированный еще корпус кротчайшим степным путем до Илецкого городка, а оттуда к Илецкой защите [12, л. 330].

Яицкая войсковая канцелярия и стоящее над ней начальство пребывали в уверенности, что решение о формировании казачьего корпуса обязательно будет выполнено. Более того, 12 февраля Войсковая канцелярия заверила оренбургского губернатора, что «пристойная команда с надлежащим старшиною наряжена и находится в готовности». Однако войсковой атаман и старшины считали ошибочным решение о движении корпуса в открытой степи. Выпавший снег под влиянием оттепели и дождей превратился в толстый слой льда, укрывший собою весь подножный корм для лошадей. А сами лошади, вынужденные идти по скользкой поверхности, порежуются или переломают ноги. По этим причинам Войсковая канцелярия просила И. А. Рейнсдорпа направить казаков вверх по Яицкой линии через форпосты и крепости [12, л. 470 об.].

Ахиллесовой пятой планируемого предприятия по поиску и задержанию калмыков являлось отсутствие точных сведений об их местонахождении и маршруте дальнейшего движения. Ссылкой на это обстоятельство атаман Яицкого войска П. В. Танбовцев пытался оправдать невыполнение предписания губернатора И. А. Рейнсдорпа об отправке в степь казачьей команды. В его рапорте говорилось: «Как до нынешнего времени продолжается еще великая стужа и о калмыках неизвестности и по неблизкому их от линии отдалении, ни малейшего в поиске их успеха надеяться было нельзя. Но под тем как самим посланным от помянутой стужи, так и лошадям их от глубоких снегов явный вред последовал». Тем не менее Танбовцев обязался исполнить требование оренбургского губернатора – сформировать в ближайшие дни воинскую команду, направить ее на нижние форпосты, а затем, когда будут получены сведения от разведки, и в степь [14, л. 153–153 об.].

5 марта 1771 г. генерал-майор И. К. Давыдов потребовал от Войсковой канцелярии созвать казачий круг. На нем должны были быть избраны походные командиры и через 24 часа с рядовыми казаками отправлены в корпус полковника Бейерена. Каждому казаку полагалось иметь двухмесячный запас провианта. Для усиления казачьему корпусу придавалась артиллерия из восьми пушек с ядрами и картечью. Перед отправкой казаки должны были быть ознакомлены с высочайшим указом, согласно которому им строжайше запрещалось отбирать имущество и «чинить обиды» калмыкам, выходявшим из орды с повинной и без какого-либо сопротивления. Сами казаки должны были «находиться в таком послушании... как военный артикул и воинские правила повелевают и дисциплина требует» [14, л. 123–123 об.].

На казачьи круги казаки собирались четыре раза: 9, 10, 11 и 12 марта. Для «народной» партии, поддерживаемой большей частью рядовых казаков, круг явился поводом для предъявления претензий войсковой вер-

хушке. Безусловно, правы были члены Войсковой канцелярии, когда называли главной причиной неповиновения казаков «несогласной» стороны нежелание отправиться в заснеженную степь за неизвестно в каком направлении и как далеко ушедшими калмыками. Но прямо отказаться от похода против изменников-калмыков предводители «народной» партии не могли. В таком случае они сами становились бунтовщиками, изменившими присяге и не выполнившими монарший указ. Поэтому неисполнение указа они постарались представить как реакцию на нарушение атаманом и Войсковой канцелярией дарованных казакам прав и невыплату положенного им жалованья.

Подробности переросшей в бунт конфронтации между «старшинской» и «народной» партиями, случившейся во время сбора казачьего круга, представлены, естественно, в оправдывающей их интерпретации в донесениях генерал-майора И. К. Давыдова и рапортах Канцелярии Яицкого казачьего войска.

9 марта ударами набатного колокола атаман П. В. Танбовцев известил казаков о сборе казачьего круга. Собравшимся казакам атаман объявил о предстоящей им командировке в степь за ушедшими из России волжскими калмыками. Походным атаманом был назначен старшина Яков Колпаков, а полковниками – Иван Назаров, Федор Митрясов и Кирилл Филимонов. Атаман П. В. Танбовцев руководствовался 6 и 10 пунктами Грамоты, полученной из Военной коллегии 15 декабря 1765 г. В них предписывалось «при востребовании какой важной надобности» командировать походных старшин, по рассмотрению войскового атамана и старшин, а не по войсковому выбору. За казачьим кругом оставалось право и одновременно обязанность избрать младших командиров [14, л. 229].

Войсковые старшины были уверены, что назначение Войсковой канцелярией старших командиров направлено на укрепление дисциплины и боеспособности находящихся в походе казачьих команд. Они считали, что прежде казаки избирали удобных им начальников, слабохарактерных и готовых им попустительствовать, а надежные люди «отменного достоинства и исправности... находились безвинно в напрасной их обиде» [14, л. 230].

Рядовые казаки и сотники идти в команду к назначенному им походному атаману и полковникам отказались и потребовали проведения выборов с участием их представителей. Они не соглашались с аргументами П. В. Танбовцева о том, что рядовой казак по закону старшинскую должность исполнять не должен, а казачий старшина не может находиться у него в подчинении.

Под давлением «несогласной» стороны войсковой атаман согласился рассмотреть список кандидатов на должности походных старшин из числа рядовых казаков с включением в него и оппозиционеров. Последних представляли: Савелий Фомичихин, Григорий Силкин, Кузьма Носов, Михаил Выровщиков. Причем походным атаманом казаки призывали назначить М. Выровщикова, который был недавно возвращен из сибирской ссылки, где содержался по указу из Военной коллегии [14, л. 429].

Однако на такую уступку П. В. Танбовцев идти не собирался. В представленной генерал-майору И. К. Давыдову челобитной казаки указали, что атаман их голосов не учитывал и назначал старшин по своему усмотрению. По этой причине недовольные казаки отказались избирать из своего состава сотников и есаулов и записываться в команду. Вместо справедливого разби-

рательства Давыдов приказал С. Фомичихина и других челобитчиков схватить и содержать под арестом [14, л. 2231 об.].

Как провокацию и подлог расценила Войсковая канцелярия поданную атаману П. В. Танбовцеву сотником Тимофеем Севрюгиным копию с императорского указа от 7 декабря 1770 г. об освобождении яицких казаков от службы в сформированном для участия в Русско-турецкой войне Московском легионе [15, с. 319]. По настоянию казаков атаман был вынужден зачитать вслух текст с представленной Севрюгиным копии. Она содержала формулировку: «...увольнением их от легионной службы, никуда их впредь не наряжать». Для верности П. В. Танбовцев распорядился принести копию зачитанного указа из Войсковой канцелярии. При повторном чтении выяснилось, что в копии, представленной Севрюгиным, к слову «куда» добавлена частица «ни». В оригинальном тексте речь шла только о Московском легионе, а не о полном освобождении от службы: «...увольнением их от легионной службы, куда их впредь не наряжать» [10, с. 399]. Чтение указа сопровождалось задержанием восьми наиболее активных сторонников Т. Севрюгина: сотника Петра Краденова и семи казаков. Пятеро из них, закованных в кандалы, были отбиты толпой по пути в Войсковую канцелярию [14, л. 433 об.].

Убежденность в истинности представленной Т. Севрюгиным копии указа настолько глубоко укоренилась среди сторонников «народной» партии, что даже спустя четыре месяца в поданной на высочайшее имя челобитной их представители продолжали на нее ссылаться. Самого же сотника Севрюгина они считали невинно пострадавшим: «Итак, спустя многое время, начали Севрюгина сыскивать, якобы он переписывая настоящую копию, но оные наводь от старшин ложные, дабы чем правду погубить, видя тот Севрюгин, что на него напрасно худые наводь, от того и дому своего лишился» [16, с. 5].

Вторым существенным поводом к уклонению от выступления в поход за ушедшими калмыками стала невыплата казакам заслуженного, как они считали, жалованья за предыдущие пять лет.

Уклонение от службы в условиях военного времени на основании невыплаты жалованья законодательство XVIII в. определяло как государственное преступление. В ст. 68 главы 8 Воинского артикля к солдатам и офицерам содержалось требование: в случае неисправных выплат жалованья в установленное время «имеют офицеры и рядовые службу охотно отправлять и до тех мест терпеть, пока они удовольствованы будут» [14, л. 232].

С другой стороны, невыплата жалованья также являлась серьезным должностным преступлением, и, чтобы отвести обвинение, Войсковая канцелярия вынуждена была представить погодный бухгалтерский отчет выплаченных и удержанных денежных сумм. Он подводил к следующим выводам. Казакам было предложено получить жалованье за два года. Большею части казаков (2583) оно было выдано. 2027 казаков отказались от частичной выплаты и продолжали требовать жалованье за все пять лет.

Жалованье за остальные три года по распоряжению Оренбургской губернской канцелярии было зачтено Яицкому войску по откупным обязательствам. К ним относились гурьевские учуги и питейные в Гурьеве и Яицком городке сборы, контракты на которые Войско заключило в 1750 и 1753 гг. в Военной и Каммер-коллегиях. С 1766 г. положенные по раскладке с рыбо-

ловных доходов деньги казаки либо не вносили, либо их внесению препятствовали войсковые расходы [14, л. 430 об. – 432 об.].

Из разъяснений Войсковой канцелярии выходило, что жалованье казака не превышало 2 рублей, получаемые же им доходы значительно превышали эту сумму. Так, за последнюю зиму за счет первого багрения каждый за действованный на рыболовстве казак получил по 5, а второго – 10 и более рублей. Казаки, ходившие в поход с Алексеем Митрясовым, получали «помогу» по 10 руб. К ним еще следует прибавить 8 рублей «авантажу», образовавшемуся засчет лошадей, скота и прочего имущества, отобранного или брошенного преследуемыми калмыками. По мнению В. Н. Витевского, оперируя небольшой суммой в 2 руб. удерживаемого заработка, Войсковая канцелярия не уточняет, что их следовало выплатить 4610 казакам [10, с. 401].

В адресованной императрице челобитной казаки жаловались на свою хозяйственную несостоятельность, вину за которую они возлагали на злоупотреблявших властью старшин. В челобитной указывалось, что хлебного и денежного жалованья Яицкое войско не получало с учетом 1771 г. уже шесть лет. Генерал-майор И. К. Давыдов и капитан С. Д. Дурново разрешали старшинам жестоко наказывать выражавших недовольство казаков: «заковывать в железа и плетью сечь и тем на войско немалой страх наводить». Последнее зимнее рыболовство из-за несвоевременного выхода на него казаков было неудачным и доходов не принесло. Атаман П. В. Танбовцев прошедшим летом не допустил к санным покосам недовольных им казаков, «а косил своими согласниками». Те же «согласники» были отправлены на осеннюю рыбную ловлю. Челобитная завершалась просьбой защитить казаков от незаконных поступков старшин и наглого с их стороны разорения [16, с. 3–6].

Решимость казаков в отстаивании своих интересов вылилась в заговор, направленный против генерал-майора И. К. Давыдова и войсковых старшин. Раскрыл его один из заговорщиков, писарь духовных дел Михайло Мостовщиков. 30 марта он явился с доносом к войсковому атаману. М. Мостовщиков свидетельствовал, что приходившие в его дом казаки Иван Яганов и Андрей Легошин уведомили его, что в случае созыва казачьего круга для набора команды пятьсот казаков должны будут захватить пушки, а еще пятьсот казаков расположатся в резерве вблизи собравшегося круга. Нападению, «чтобы всех побить», должны были подвергнуться генерал-майор Давыдов, штаб- и обер-офицеры, войсковой атаман со старшинами, поддерживавшие их казаки «согласной стороны» и команда регулярных войск [17, л. 34–34 об.]. На допросе он уточнил, что в гостях у него и его брата Лариона были еще казаки Дмитрий Яганов и Иван Завалев. А. Лягошин будто бы заявил, что если хоть один человек из несогласных записаться в пятисотенную команду для отправки в Кизляр будет задержан, то они старшин окружают, пушки отобьют и лучше сами умрут [17, л. 27–27 об.].

В тот же день начались аресты и допросы выявленных заговорщиков. А. Лягошин не только подтвердил слова М. Мостовщикова о намерении убить старшин и служащих регулярной команды, но и раскрыл масштабы заговора. Как выяснилось, недовольные казаки устраивали собрания человек по пятнадцать – двадцать в домах сотников Горохова, Герасимова, Кирпишникова, Артикеева, казака Кабаева и у др. Сам же заговор созрел еще зимой [17, л. 28–28 об.].

Генерал-майор И. К. Давыдов, впечатленный и напуганный размахом заговора, обратился за военной помощью к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу. Он просил перебросить в Яицкий городок в распоряжение атамана П. В. Танбовцева казачью команду и регулярные войска. В ответ И. А. Рейнсдорп ограничился разрешением направить в Яицкий городок 200 илекских казаков. Оренбургский губернатор уведомил Военную коллегию, что в его распоряжении не имеется свободных воинских контингентов. Он пояснял: «Из находящихся в ведомстве моем регулярных и нерегулярных для защищения крепостей и поиску над бегущими волжскими калмыками, такое количество выкомандировано, что ежели бы востребовались еще люди, то уже кроме башкирцов и мещеряков командировать некого, да и из них число знатное наряжено» [17, л. 33, 37–37 об.].

Как итог, яицкие казаки, за исключением учитывавшихся отдельно сакмарских и илекских казаков, не только уклонились от участия в походе за калмыками, но и не стали записываться в пятисотенную команду, формируемую для несения пограничной службы на Северном Кавказе. Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп вынужден был признать в своем бессилии каким-либо способом воздействовать на бунтующих казаков. В письме астраханскому губернатору Н. А. Бекетову от 11 ноября 1771 г. И. А. Рейнсдорп указал: «Но какого оттоль состояния войска желаемого успеха ожидать можно? Которое не только бы генералитетские определения существенно исполнять, но и по нарядам Государственной военной коллегии на службу казаков, будучи ослушно, не посылают» [18, л. 121, 132].

Описанное выше бунтарство яицких казаков следует рассматривать как закономерную реакцию на проводившуюся в их отношении государственную, имперскую по своей сути политику. Одновременно с утверждением российской власти на Южном Урале был запущен процесс превращения вольного казачьего сообщества в послушное, военно-служилое сословие. Его проводниками были определены назначаемые правительством, а не избираемые, как прежде, самими казаками атаман и войсковые старшины. Для войсковой верхушки становится нормой злоупотребление властью и мздоимство. Рядовые казаки пребывали в уверенности, что нарушение их прав инспирировано местными властями вопреки воле Екатерины II.

Прорыв через войсковую территорию многотысячной калмыцкой орды сопровождался убийством и пленением находившихся на рыболовстве яицких казаков, разграблением и сожжением линейных форпостов. Запоздалое решение оренбургского генералитета использовать Яицкое войско для преследования ушедших за Яик калмыков вызвало справедливое недовольство рядовых казаков. Движение по заснеженной и обледенелой степи неминуемо вело к травмам и гибели лошадей. Под предлогом невыплаты жалованья и лишения права избирания походных старшин и атамана «несогласные» казаки отказались как от преследования калмыков, так и от направления сменной команды в Кизляр. Без внешней военной поддержки генерал-майор И. К. Давыдов не решился принуждать бунтовщиков к порядку. Одержанная победа над «старшинской» партией придала уверенности рядовым казакам. Приведение к покорности Яицкого войска продолжалось три года. Правительству понадобились значительные воинские контингенты, чтобы в упорной борьбе сначала подавить казачье восстание 1772 г., а затем, в 1774 г., расправиться с казаками, сражавшимися на стороне Е. И. Пугачева.

Список литературы

1. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : монография : в 4 т. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1897. Т. 1. 630 с.
2. Дубовиков А. М. Уральское казачье войско как старинное казачество дореволюционной России : в 2 ч. Тольятти : Современник, 2003. Ч. 1. 300 с.
3. Бахтияров Р. С., Федорова А. В. Рыболовство на территории Уральского казачьего войска (XVIII–XIX вв.) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2020. № 4 (84). С. 316–318.
4. Бородин Н. А. Уральские казаки и их рыболовства : очерк. СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1901. 31 с.
5. Дубовиков А. М. Рыболовство как исторический феномен в повседневной культуре Уральского (Яицкого) казачьего войска // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4, № 2 (60). С. 273–280.
6. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей : в 4 т. СПб. : Императорская академия наук, 1799. Т. 4. 446 с.
7. Паллас С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб. : Имп. акад. наук, 1809. 657 с.
8. Историко-статистическое описание Оренбургского казачьего войска. Вып. 3. Оренбург : Типо-лит. Б. Бреслина, 1891. 352 с.
9. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск : Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.
10. Витевский В. Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. № 12. С. 389–414.
11. Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
12. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 114.
13. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 120.
14. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118.
15. Романюк Т. С. Участие старообрядческого населения в восстании под предводительством Е. И. Пугачева на Яике // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4 (24). С. 315–334.
16. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Наука, 1964. 575 с.
17. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119.
18. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121.

References

1. Vitevskiy V.N. I.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.: monografiya: v 4 t. = *Neplyuev and the Orenburg region in its former composition before 1758: monograph: in 4 volumes*. Kazan: Tipo-lit. V.M. Klyuchnikova, 1897;1:630. (In Russ.)
2. Dubovikov A.M. Ural'skoe kazach'e voysko kak starinnoe kazachestvo dorevolutsionnoy Rossii: v 2 ch. = *The Ural Cossack army as the ancient Cossacks of pre-revolutionary Russia: in 2 parts*. Tol'yatti: Sovremennik, 2003;(pt. 1):300. (In Russ.)
3. Bakhtiyarov R.S., Fedorova A.V. Fishing in the territory of the Ural Cossack Host (18th – 19th centuries). *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* = *Proceedings of Orenburg State Agrarian University*. 2020;(4):316–318. (In Russ.)

4. Borodin N.A. *Ural'skie kazaki i ikh rybolovstva: ocherk = Ural Cossacks and their fisheries: essay*. Saint Petersburg: Tipo-lit. M.P. Frolovoy, 1901:31. (In Russ.)
5. Dubovikov A.M. Fishing as a historical phenomenon in the everyday culture of the Ural (Yaik) Cossack army. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Saratov State Technical University*. 2011;4(2):273–280. (In Russ.)
6. Georgi I. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov. Ikh zhi-teyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispove-daniy i drugih dostopamyatnostey: v 4 t. = Description of all the peoples inhabiting the Russian state. Their daily rites, customs, clothing, housing, exercises, amusements, religions, and other attractions: in 4 parts*. Saint Petersburg: Imperatorskaya akademi-ya nauk, 1799;4:446. (In Russ.)
7. Pallas S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy Imperii = Traveling through various provinces of the Russian Empire*. Saint Petersburg: Imp. akad. nauk, 1809:657. (In Russ.)
8. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Orenburgskogo kazach'ego voyska. Vyp. 3 = Historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Issue 3*. Orenburg: Tipo-lit. B. Breslina, 1891:352. (In Russ.)
9. Kuznetsov V.A. *Irregulyarnye voyska Orenburgskogo kraja = Irregular troops of Orenburg region*. Samara; Chelyabinsk: Chelyabinskiy TsNTI, 2008:478. (In Russ.)
10. Vitevskiy V.N. The Yaik army before the appearance of Pugachev. *Russkiy arkhiv = Russian Archive*. 1879;(12):389–414. (In Russ.)
11. Dordzhieva E.V. *Iskhod kalmykov v Kitay v 1771 g. = The exodus of Kalmyks to China in 1771*. Rostov-on-Don: SKNTs VSh, 2002:210. (In Russ.)
12. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAOO). F. 3. Op. 1. D. 114 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 114*. (In Russ.)
13. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 120 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 120*. (In Russ.)
14. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 118 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 118*. (In Russ.)
15. Romanyuk T.S. Participation of the Old Believer population in the uprising led by E.I. Pogachev on the Yaik. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii = Bulletin of Yekaterinburg Theological Seminary*. 2018;(4):315–334. (In Russ.)
16. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vv.: sb. dok. i materialov = Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries: collected papers*. Alma-Ata: Nauka, 1964:575. (In Russ.)
17. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 119 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 119*. (In Russ.)
18. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 121 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 121*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Степан Викторович Джунджужов

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России,
Оренбургский государственный
педагогический университет
(Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19)

E-mail: djund@yandex.ru

Stepan V. Dzhundzhuzov

Doctor of historical sciences,
associate professor, professor of the
sub-department of Russian history,
Orenburg State Pedagogical University
(19 Sovetskaya street, Orenburg, Russia)

Марина Николаевна Ефименко

доктор философских наук,
профессор, Оренбургский
государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург,
ул. Советская, 19)

E-mail: efimenkom@mail.ru

Marina N. Efimenko

Doctor of philosophical sciences,
professor, Orenburg State Pedagogical
University (19 Sovetskaya street,
Orenburg, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.05.2025

Принята к публикации / Accepted 10.07.2025

УДК 930

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-2

Липецкие минеральные воды: социально-медицинский и градостроительный фактор истории

Ю. А. Белова

Тамбовский государственный технический университет,
Тамбов, Россия

y_minaeva90@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Вопрос об устройении Липецких минеральных вод представляется актуальным, так как лечебный источник уже к началу XIX в. пользовался популярностью среди жителей не только Тамбовской губернии, но и других регионов Российского государства. В настоящем исследовании поставлена цель изучить особенности устройства Липецких минеральных вод, провести анализ государственных мероприятий по их благоустройству, а также определить значение этого градостроительного объекта в контексте эволюции социально-медицинских показателей региона. *Материалы и методы.* Основным источником правовой информации по организации добычи и пользования минеральными водами является Полное собрание законов Российской империи. Второй блок источников – неопубликованные документы, которые находятся в Государственном архиве Тамбовской области в фонде «Канцелярия Тамбовского губернатора» (фонд 4). *Результаты.* Рассмотрены особенности устройства курорта Липецких минеральных вод в Тамбовской губернии первой половины XIX в. Выявлено взаимовлияние градостроительного фактора и эволюции социальной медицины региона. *Выводы.* Любое крупное медицинское учреждения курортного типа влекло за собой развитие общественной городской инфраструктуры: появление магазинной розничной торговли, гостиниц и постоянных дворов, столовых, больничных учреждений, мест отдыха горожан и приезжих, благоустройства улиц, рабочих мест для медицинского и технического персонала, разнообразие досуговых практик города и новых источников дохода для его жителей.

Ключевые слова: благоустройство города, градостроительство, общественное здравие, социальная медицина

Для цитирования: Белова Ю. А. Липецкие минеральные воды: социально-медицинский и градостроительный фактор истории // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 18–25. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-2

Lipetsk mineral waters: social-medical and urban planning factor of history

Yu.A. Belova

Tambov State Technical University, Tambov, Russia

y_minaeva90@mail.ru

Abstract. *Background.* The issue of the arrangement of Lipetsk mineral waters seems relevant, since by the beginning of the 19th century the healing source was popular not only among the residents of Tambov province, but also other regions of the Russian state. The

© Белова Ю. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

purpose of the work is to study the features of the structure of Lipetsk mineral waters, analyze state measures for their improvement, and determine the significance of this urban development object in the context of the evolution of socio-medical indicators of the region. *Materials and methods.* The main source of legal information on the organization of the extraction and use of mineral waters is the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLRL). The second block of sources is unpublished documents that are in the State Archives of the Tambov Region in the fund "Chancery of the Tambov Governor" (fund 4). *Results.* The article considers the features of the structure of the Lipetsk mineral waters resort in the Tambov province of the first half of the 19th century. The mutual influence of the urban development factor and the evolution of social medicine in the region is revealed. *Conclusions.* Any large medical institution of the resort type entailed the development of public urban infrastructure: the emergence of retail stores, hotels and inns, canteens, hospitals, recreation areas for city residents and visitors, street improvements, jobs for medical and technical personnel, a variety of leisure practices for the city and new sources of income for its residents.

Keywords: city improvement, urban planning, public health, social medicine

For citation: Belova Yu.A. Lipetsk mineral waters: social-medical and urban planning factor of history. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):18–25. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-2

Введение

Вопрос об устройении Липецких минеральных вод волновал Правительство Российской империи, так как лечебный источник уже к началу XIX в. пользовался популярностью среди жителей не только Тамбовской губернии, но и других регионов Российского государства. В настоящем исследовании поставлена цель изучить особенности устройства Липецких минеральных вод, провести анализ государственных мероприятий по их благоустройству, а также определить значение этого градостроительного объекта в контексте эволюции социально-медицинских показателей региона.

История Липецких минеральных вод вызывает интерес у исследователей разных научных специальностей, так как такой территориальный объект может служить предметом и исторического, историко-правового, и социально-медицинского характера – большинство из них носят метапредметный характер. Например, работа Е. Н. Меньшиковой «Пребывание женщин купеческого сословия Центрального Черноземья на бальнеологических курортах во второй половине XIX – начале XX в.», где автор исследует опыт пребывания представителей конкретного сословия – купечества – на региональных курортах с лечебными свойствами [1]. Особое внимание заслуживает работа Н. Б. Рубан «Из истории Липецких минеральных вод (по документам государственного архива Тамбовской области)», в которой автор представляет детальный анализ складывания в г. Липецк курорта минеральных вод на основе архивных документов [2]. Историю расцвета Липецких минеральных вод как одного из целительных мест России демонстрирует в своем исследовании И. Жирова «Ах, Липецк – Рай земной!» [3]. Ученый приводит подробную информацию об истории возникновения курорта, а также о роли этого места в жизни не только уроженцев Липецка, но и других жителей страны. Историографически можно также выделить пласт краеведческой литературы, частью которой является сборник документов с аналитическими очерками

«Тамбов в Полном собрании законов Российской империи» [4], суммирующий нормативные акты, которые касались Тамбовской губернии, к которой административно относился и г. Липецк.

Материалы и методы

Главными методами исследования стали анализ и сравнение исторических документов первой половины XIX в. Основным источником о правовой информации по организации добычи и пользования минеральными водами является Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ)¹. Вторым блоком источников – неопубликованные документы, которые находятся в Государственном архиве Тамбовской области в фонде «Канцелярия Тамбовского губернатора» (фонд 4). Ключевыми методами исследования стали анализ и сравнение исторических документов.

Результаты

История Липецка связана с губернской реформой 1708 г., которая была проведена Петром I. Изначально Липецкий уезд относился к Елецкой провинции, а уже в 1779 г. Липецк получил статус города в составе Тамбовской губернии. К 1851 г. Липецкий уезд наряду с Козловским был наиболее густо заселен в сравнении с другими уездами губернии. В XIX в. Липецк начинает представляться курортом, гостями которого являются дворяне, приезжающие на лечение к целебным источникам минеральных вод. Гости зачастую нуждались в жилье, что вызывало необходимость развития инфраструктуры самих источников, а также уезда в целом.

Интерес к устройству Липецких минеральных вод подтверждается государственными документами, в которых обсуждаются вопросы благоустройства данного объекта. Примером может служить доклад министра внутренних дел от 25 апреля 1805 г.² Автор документа неоднократно упоминает о популярности места среди населения Российской империи, он пишет: «Источник минеральной воды в Липецке, в последние годы получив доверие публики, привлек в множестве из разных мест людей к пользованию оными». Правительство также было заинтересовано в качестве Липецких минеральных вод, так как от этого зависели их целебные свойства. Именно поэтому было принято решение о проведении специальной проверки, которая проводилась доктором и аптекарем, наблюдающими за всеми приезжающими больными. Специалисты вели журнал, где фиксировали «действие вод в разных случаях». Образцы воды подвергались химическим испытаниям, а все полученные данные передавались Медицинскому совету. На основе собранных показателей были сделаны выводы о том, что Липецкие минеральные воды по содержанию лечебных частиц во многом превосходят лечебные воды Европы. В связи с этим вниманием к благоустройству г. Липецка возрас-

¹ Полное собрание законов Российской империи. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения: 23.01.2025).

² О предварительных мерах к устройству Липецких минеральных вод : Высочайше утвержденный доклад Министра внутренних дел от 25 апреля 1805 г. № 21 727 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. Т. XXVIII. 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1349 с.

тает, как и заинтересованность общественности к посещению источника, что, несомненно, приведет к обогащению края. Правительство разрабатывает следующие меры по устройству Липецких минеральных вод:

- 1) изыскать средства к осушению озера, которое находится рядом с водами;
- 2) найти первоначальный источник, так как по проведенному анализу выявлено, что имеющийся источник, вероятно, уступает по качеству;
- 3) благоустроить помещение вокруг источника, так как в настоящий момент времени источник окружен известковым камнем, что наносит вред качеству минеральных вод, а также устроить помещение для желающих получить воды;
- 4) необходимо выстроить рядом с источником купальни, так как многие приезжают для использования воды в виде ванн;
- 5) организовать места для отдыха и прогулок;
- 6) рядом с источником построить госпиталь для приезжающих низкого достатка, так как зачастую они не имеют пристанища в городе.

Приведенный перечень решений является градоформирующим: предполагались и стройка, и благоустройство, и планирование новых городских объектов (место для прогулок, парк, здания больничного и гостиничного назначения).

Для реализации всех представленных мер необходим был специальный человек, который не был бы занят другими вопросами, так как содержание и устройство Липецких минеральных вод в достойном состоянии требовало постоянного контроля. Необходимо было учредить должность Главного директора Липецких минеральных вод, который вел бы свою работу непосредственно с Министерством внутренних дел. Устроение Липецких минеральных вод планировалось совершенствовать на деньги местных жителей, автор документа подчеркивал: «Вообще же главнейшим правилом я почитаю, как можно меньше замешивать казну в хозяйственные тут учреждения». В научной литературе отмечается, что у Липецких минеральных вод как у учреждения был свой архитектор [5]. Липецк был уездным городом Тамбовской губернии, и, соответственно, по Строительному уставу первой половины XIX в. ему не полагался специальный городской архитектор, а во второй половине XIX в. такой специалист мог быть нанят за счет средств городской казны по желанию городских властей. Таких специалистов практически не было в уездных городах. Существовали еще ставки архитектора в ведомственных учреждениях, ведших так или иначе строительство – епархиальные, архитекторы ведомства императрицы Марии и др. Зачастую их совмещал единственный в городе специалист – губернский архитектор. Тот факт, что курортное учреждение посчитало необходимым иметь в штате такого специалиста, говорит о значительном его масштабе.

Таким образом, на основе представленных положений доклада можно сделать вывод о том, что власть Российской империи была заинтересована в благоустройстве лечебного места, понимала его ценность как для отдельного региона, так и для России в целом, стремилась развивать внутренний туризм, совершенствуя устройство курорта.

Новый градостроительный элемент необходимо было вписать в уже существующее городское пространство. Вволнованность общественности по вопросу влияния существующего пруда «Петра Великого» прослеживается

в источниках, например в деле Государственного архива Тамбовской области от 2 июня 1876 г. «О санитарном состоянии Липецких минеральных вод и о влиянии на него пруда “Петра Великого”» [6, л. 8]. О вредоносных свойствах пруда на источник отмечает Тамбовский губернский врач, который на основании осмотра инспектора Липецких минеральных вод пришел к выводу о «вредно влияющих на источники паров». Пруд «Петра Великого» еще больше ускорял распространение по городу скарлатины, оспы, холеры, так как он превратился в болото и в процессе испарения приносил вред воздуху. В отчете за сентябрь 1876 г. содержится информация о необходимости спустить пруд, а еще в августе в 1876 г. в «Тамбовских губернских ведомостях» в разделе «Объявления» говорится о безотлагательном утверждении спуска нижнего городского пруда для устройства подтопа Липецких минеральных ключей, так как подпочвенные воды наносят им вред. Тамбовский врачебный инспектор также заявляет о негативном влиянии двух городских мельниц, которые определяют дурные условия почвы и воздуха низменной части г. Липецка, в которой находятся минеральные воды.

Нормативные акты и делопроизводственные источники показывают дальнейшую организационную судьбу Липецких минеральных вод. В докладе министра внутренних дел от 1806 г. говорится о мероприятиях, которые уже были сделаны, а также о трудностях, с которыми пришлось столкнуться. Информация была передана от директора Липецких минеральных вод и содержала в себе данные о реализации намеченных программ в отношении благоустройства. Важнейшим представляется вопрос строительства госпиталя на 200 мест для приезжих больных, который при реализации планов должен был стать крупным градостроительным объектом. Однако автор отмечает, что осуществление данного мероприятия потребует большого вложения денежных средств и времени на работу, а так как проблема требует скорейшего разрешения, необходимо организовать деревянный госпиталь, состоящий из 52 кроватей. Планировалось строить больницу из ветхих строений Липецкого чугунного завода, что позволило бы сократить финансовые затраты. Следующим вопросом, требующим решения, являлась организация при минеральных колодцах ванн. Министр внутренних дел отмечал, что, по расчетам, затруднения с реализацией данного мероприятия нет. Трудности возникли с вопросом благоустройства территории под гулянья. Для данного объекта была выделена роща, принадлежавшая г. Липецку, однако городничие отдавали эти земельные участки частным людям без какого-либо юридического оформления¹.

Липецкие минеральные воды являлись объектом важного общественного значения, что подтверждает наличие Общества минеральных вод в Липецке. Общество было учреждено 22 апреля 1866 г. как акционерное. Планируемые результаты деятельности зафиксированы в уставе общества². Целью

¹ Об устройстве Липецких минеральных вод : Высочайше утвержденный доклад Министра внутренних дел от 17 апреля 1806 г. № 22 095 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. Т. XXIX. 1806–1807 гг. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1391 с.

² Высочайше утвержденный Устав Общества минеральных вод в Липецке : положение Комитета министров, Высочайше утвержденное от 22 апреля 1866 г. № 43 221 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : в 129 т. Т. XLI. Отделение 1. 1866 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. 1081 с.

общества являлось улучшение состояния Липецких минеральных вод в соответствии с требованиями современной жизни и медицинской науки. Общество учреждалось на 30 лет, а его участники должны были вносить в кассу общества по 890 руб. 37,5 коп. серебром в год, тем самым формируя сумму, которая выделялась на содержание вод из городских доходов. Устав отдельно закреплял права и свободы общества, среди которых:

- 1) устройство новых заведений Липецких минеральных вод, которые будут более удобными для посетителей;
- 2) возводя постройки, Общество должно было соблюдать все существующие правила по строительной части и техническому надзору;
- 3) общество имело возможность получать у местного начальства содействие во всех нужных случаях;
- 4) после истечения срока в 30 лет Общество должно было передать заведение Липецких минеральных вод в собственность г. Липецка безвозмездно.

Обсуждение

Представленные результаты позволяют рассмотреть особенности градостроительной политики и ее влияние на показатели общественного здоровья провинциального региона Российской империи. Полученные данные являются началом исследований на тему эволюции социально-медицинских условий жизни населения, а также влияния городского устройства на показатели качества жизни и темпы развития страны в целом.

Заключение

Таким образом, на основе анализа документов можно сделать ряд выводов и обобщений.

Объекты городской инфраструктуры, такие как общественно востребованные медицинские и парамедицинские учреждения (курорты, госпитали, общественные больницы ведомства императрицы Марии), имели значительный градоформирующий потенциал, могли становиться архитектурными доминантами. В историко-городоведческой литературе часто отмечаются культовые сооружения, которые выполняли эту роль. Это соответствовало принципам регулярного планирования, заложенным петровской и екатерининской градостроительной политикой, воплощенной в правилах Строительного устава, которые устанавливали необходимость размещения крупных культовых объектов на площадях в центральных «богатых» каменных кварталах российских городов [5]. При этом строительное законодательство и планирование, которое оценивается в современной историографии как перспективное, созданное с учетом будущего развития города и формирующее рамку, не рассматривало медицинские объекты в качестве градообразующих предприятий, что, полагаем, связано с общим уровнем развития медицины и городской санитарии.

Любое крупное медицинское учреждения курортного типа влекло за собой развитие общественной городской инфраструктуры: появление, магазинной розничной торговли, гостиниц и постоялых дворов, столовых, больничных учреждений, мест отдыха горожан и приезжих, рабочих мест для медицинского и технического персонала, благоустройство улиц, разнообразие

досуговых практик города и новых источников дохода для его жителей. Нетривиальным примером «оживления» не только Липецка, но и быта жителей сел неподалеку является тот факт, что после открытия Липецких минеральных вод и приобретения им известности приобрело новый импульс производство Романовской игрушки (производилась в с. Романово недалеко от Липецка) [7].

Отметим, что современники и участники развития курортной деятельности понимали уровень городской санитарии и медицинского дела, оценивали его как низкий и призывали улучшать его состояние, а именно контролировать качество источников, соблюдать санитарные нормы, создавать условия для комфортного использования вод для граждан, которые являются гостями курорта, видя в этом улучшение общественного здоровья в целом.

Список литературы

1. Меньшикова Е. Н. Пребывание женщин купеческого сословия Центрального Черноземья на бальнеологических курортах во второй половине XIX – начале XX в // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 т. (г. Санкт-Петербург, 4–6 апреля 2024 г.). СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 53–57.
2. Рубан Н. Б. Из истории Липецких минеральных вод (по документам Государственного архива Тамбовской области) // Наука и Образование. 2022. Т. 5, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-lipetskih-mineralnyh-vod-po-dokumentam-gosudarstvennogo-arhiva-tambovskoy-oblasti/viewer>
3. Жирова И. Ах, Липецк – рай земной! // Родина. 2004. № 1. С. 122–125.
4. Пирожкова И. Г., Красников В. В. Тамбов в Полном собрании законов Российской империи : учеб. пособие. Тамбов : Тамбовский государственный технический университет : ЭБС АСВ, 2013. URL: <https://tstu.ru/r.php?r=obuch.book.elib1&id=5&year=2013> (дата обращения: 23.01.2025).
5. Пирожкова И. Г. История строительного законодательства Российской империи. Москва : Канон + : Реабилитация, 2008. 288 с.
6. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2611.
7. Прямова Н. А. Два вида традиционной романовской глиняной игрушки // История в подробностях. 2016. № 9-10 (75–76). С. 76–83.

References

1. Men'shikova E.N. The stay of women of the merchant class of the Central Black Earth Region at balneological resorts in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Zdorov'esberezhenie v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t. (g. Sankt-Peterburg, 4–6 aprelya 2024 g.) = Health preservation in everyday life: history and modern times: proceedings of the International scientific conference: in 2 parts (Saint Petersburg, April 4–6, 2024)*. Saint Petersburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A.S. Pushkina, 2024:53–57. (In Russ.)
2. Ruban N.B. From the history of Lipetsk mineral waters (by the materials of the State Archives of Tambov region). *Nauka i Obrazovanie = Science and Education*. 2022;5(4). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-lipetskih-mineralnyh-vod-po-dokumentam-gosudarstvennogo-arhiva-tambovskoy-oblasti/viewer>
3. Zhironova I. Ah, Lipetsk – heaven on earth! *Rodina = Motherland*. 2004;(1):122–125. (In Russ.)
4. Pirozhkova I.G., Krasnikov V.V. *Tambov v Polnom sobranii zakonov Rossiyskoy imperii: ucheb. posobie = Tambov in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire:*

- textbook*. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet: EBS ASV, 2013. (In Russ.). Available at: <https://tstu.ru/r.php?r=obuch.book.elib1&id=5&year=2013> (accessed 23.01.2025).
5. Pirozhkova I.G. *Istoriya stroitel'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii = History of construction legislation in the Russian Empire*. Moscow: Kanon +: Reabilitatsiya, 2008:288. (In Russ.)
 6. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti. F. 4. Op. 1. D. 2611 = State Archive of Tambov region. Fund 4. Item 1. File 2611*. (In Russ.)
 7. Pryamkova N.A. Two types of traditional Romanov clay toys. *Istoriya v podrobnostyakh = History in detail*. 2016;(9-10):76–83. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Юлия Алексеевна Белова

ассистент кафедры истории
и философии, Тамбовский
государственный технический
университет (Россия, г. Тамбов,
ул. Советская, 106/5)

E-mail: y_minaeva90@mail.ru

Yulia A. Belova

Assistant of the sub-department
of history and philosophy, Tambov
State Technical University
(106/5 Sovetskaya street,
Tambov, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 03.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 27.04.2025

Принята к публикации / Accepted 19.05.2025

УДК 271.2+272]-57(33)"04/14/18":27-786 ИППО"18"
doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-3

О структуре и специфике различных потоков христианских паломников в Святую землю во второй половине XIX в.

А. А. Майоров

Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина,
Орел, Россия

aamajorov@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* До сих пор в отечественных исследованиях, посвященных преимущественно тематике отечественного паломничества, уделялось относительно мало внимания особенностям его генезиса, организации, функционирования и целеполагания в сопоставлении с параллельными ему паломническими потоками иных христианских номинаций в Святую землю во второй половине XIX в. К настоящему времени собран, обработан и частично опубликован источниковый материал, позволяющий предметно рассмотреть специфические черты и особенности формирования, функционирования и организации каждого из них. Цель настоящей работы – выявление особенностей ряда крупных потоков христианских паломников рассматриваемого периода, их классификация по признаку первичного и вторичного целеполагания, особенностям организации, связи с предшествующей паломнической традицией, социальной принадлежности пилигримов. *Материалы и методы.* В работе помимо общенаучных использовались и применялись историко-генетический, диахронно-исторический, историко-компаративистский и системно-исторический методы. *Результаты.* Проведенный анализ позволил выделить для второй половины XIX в. по меньшей мере три основных потока христианского паломничества в Святую землю, очевидно отличавшихся друг от друга, – внутрисманский (состоявший, в свою очередь, из греко-православного и административно армянского), российский и европейский. Описана специфика целеполагания для каждого из потоков, выявлено позиционирование каждого из христианских паломнических потоков в отношении преемственности средневековой христианской паломнической традиции. Отмечены последствия воздействия активности российского Императорского Православного Палестинского Общества на осуществление паломничества подданными Российской империи. *Выводы.* Каждый из рассмотренных потоков христианских паломников в Святую землю имел, помимо собственно паломнических, особые специфические цели и черты: внутрисманское христианское паломничество манифестировало верноподданические чувства и подтверждало необходимость сохранения высокого внутримперского статуса своего руководства; русское паломничество было первоначально нацелено на продолжение собственных восходивших к средневековым нормам правилам и порядкам, паломнических традиций и лишь с появлением Императорского Православного Палестинского Общества начало постепенно изменяться в сторону сокращения ранее обязательных «нужд и тягот»; европейское паломничество при всем обязательном религиозном антураже выступало скорее в виде ранней формы религиозного туризма.

Ключевые слова: христианское паломничество, потоки паломников, Святая земля, целеполагание, традиции и обряды, Императорское Православное Палестинское Общество

Финансирование: настоящее исследование осуществлено в рамках выполнения государственного задания по теме «Взаимодействие Русской Православной Церкви и Императорского Православного Палестинского Общества с восточными автокефалиями в конце XIX – начале XX вв. в контексте поддержки паломничества церковнослужителей в Святую землю» (рег. № 102306140008-9-6.1.1, код научной темы, присвоенный учредителем – FEEF-2024-0005).

Для цитирования: Майоров А. А. О структуре и специфике различных потоков христианских паломников в Святую землю во второй половине XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 26–38. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-3

The structure and specific features of various parts of the general flow of Christian pilgrims to the Holy Land in the second half of the 19th century

A.A. Mayorov

Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin,
Orel, Russia

aamayorov@rambler.ru

Abstract. *Background.* For a very long time in the Russian science, little attention was paid to the comparison of the features of the genesis, organization, functioning and goal-setting of parallel flows of Christian pilgrims to the Holy Land in the second half of the 19th century. By now, source material has been collected, processed and partially published, allowing us to consider in detail the specific features and characteristics of the formation, functioning and organization of each of them. The purpose of this work is to identify the characteristics of a number of large flows of Christian pilgrims during the period under consideration, their classification according to the primary and secondary goal-setting, organizational features, connections with the previous pilgrimage tradition, and the social affiliation of the pilgrims. *Materials and methods.* In addition to general scientific methods, the work used and applied historical-genetic, diachronic-historical, historical-comparativistic and system-historical methods. *Results.* The conducted analysis allowed us to identify at least three main flows of Christian pilgrimage to the Holy Land in the second half of the 19th century, which obviously differed from each other: intra-Ottoman (which in turn consisted of Greek Orthodox and administratively Armenian), Russian and European. The specifics of goal-setting for each of the flows are described, the positioning of each of the Christian pilgrimage flows in relation to the continuity of the medieval Christian pilgrimage tradition is revealed. The consequences of the influence of the activity of the Russian Imperial Orthodox Palestine Society on the implementation of pilgrimage by subjects of the Russian Empire are noted. *Conclusions.* Each of the three main flows of Christian pilgrims to the Holy Land had, in addition to the actual pilgrimage, special specific goals and features. Intra-Ottoman Christian pilgrimage manifested loyal feelings and confirmed the need to maintain the high intra-imperial status of its leadership. Russian pilgrimage was initially aimed at continuing its own pilgrimage traditions, which dated back to medieval norms, rules and orders, and only with the emergence of the Imperial Orthodox Palestine Society did it begin to gradually change in the direction of reducing the previously obligatory “needs and burdens”. European pilgrimage, with its obligatory religious entourage, acted rather as an early form of religious tourism.

Keywords: Christian pilgrimage, pilgrim flows, Holy Land, goal setting, traditions and rituals, Imperial Orthodox Palestine Society

Financing: the work was performed within State task “Interaction of the Russian Orthodox Church and the Imperial Orthodox Palestinian Society with Eastern autocephaly in the late 19th – early 20th centuries in the context of supporting the pilgrimage of clergymen to the Holy Land” (No. 102306140008-9-6.1.1, scientific topic code assigned by the founder, FEEF-2024-0005).

For citation: Mayorov A.A. The structure and specific features of various parts of the general flow of Christian pilgrims to the Holy Land in the second half of the 19th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):26–38. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-3

Во второй половине XIX в. по ряду причин наблюдается осязаемое увеличение масштабов христианского паломничества на территориях, упомянутых в Библии. Отечественные исследователи до настоящего времени вполне обоснованно значительную часть своего внимания обращают на русских паломников, начиная с последних десятилетий XVIII в. активно устремившихся в Святую землю. На долю западных паломников, активизировавшихся в Палестине и прилегающих местностях ближе к концу XIX в., пришлось ощутимо меньшая часть профессионального внимания ученых. Прочие паломники-христиане, составлявшие значительную долю пилигримов, по ряду причин лишь косвенно упоминаются в отдельных работах.

Существует различные варианты определения термина «паломничество», основанные на различии базовых подходов [1]. Автору настоящего текста представляется, что достаточно точно и непредвзято говорит об этом «Православная энциклопедия»: «Паломничество... путешествие к сакральным центрам для религ. поклонения святыням» [2, с. 338]. Определение очень широкое, охватывающее не только общехристианские, но и инокрелигиозные подходы. Вместе с тем следует помнить, что многовековая христианская практика и традиция превратили тривиальное путешествие в особый, зачастую сложный, наполненный многочисленными значимыми деталями, обязанностями и ограничениями самостоятельный ритуал [3, с. 13–27].

Внимание к вопросу паломничества представителей различных ветвей христианства способствует облегчению понимания как широты процессов, объединяемых единым термином «христианское паломничество», так и генезиса всего спектра их сходств и различий. Структурно этот формально общий поток, направлявшийся на Святую землю (или, как тогда говорили, «святые места Востока») во второй половине XIX в., может быть относительно просто разделен на три большие составные части. Первая, по разным причинам редко упоминаемая, – местное паломничество, совершавшееся христианами, проживавшими на территории Османской империи либо на землях государств, церковные власти которых находились в прямом либо косвенном административном подчинении религиозных центров, официально располагавшихся на территории Османской империи. К их числу относятся православные христиане Константинопольского (Вселенского), Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского патриархатов. Помимо них в число христиан Османской империи входила паства Армяно-Григорианского патриархата, а также административно подчиненные ему в рамках османского законодательства прочие христиане-неармяне.

Вторая часть рассматриваемого паломнического потока – русские паломники, количество которых, начиная с момента заключения Кучюк-Кайнарджийского договора 1774 г., росло постоянно и фактически непрерывно, лишь иногда сокращаясь на время очередной из длинного ряда русско-турецких войн либо очередной эпидемии.

И третья часть – европейское паломничество с небольшим вкраплением американцев, ставшее ощутимым в последней трети XIX в. Следует особо оговориться во избежание существенного искажения общей картины, что в качестве паломников во всех случаях рассматриваются лица, не имевшие прямого отношения к миссионерской деятельности, которой занимались проповедники, миссионеры, монахи многочисленных орденов и монастырей.

Объективные характеристики каждого из потоков в отдельности дают возможность выявить значительные различия между ними. При рассмотрении «местных» христиан сразу же бросается в глаза их очевидная интегрированность в существующие внутри Османской империи административно-управленческие, а также фискальные и судебные механизмы. Как известно, «в османской империи основой юридической классификации населения была классификация по религиозной принадлежности... Имперская структура предполагала наряду с административно-территориальным и конфессиональный принцип управления» [4, с. 52]. Начиная примерно с XV в. все османские христиане входили в категорию «зимми» («охраняемых») – немусульман, находившихся под защитой «договора о подчинении и защите» [5, с. 176]. Со времен падения Константинополя в 1453 г. и возникновения Османской империи функционировало три немусульманских миллета (этно-религиозных объединения), признанных властями: греко-православный «Рум» (Millet-i Rum, Millet-i Rumîyân), армянский (григорианский) (Millet-i Ermenîyân) и еврейский. Первый включал все православное население Балкан и Малой Азии, официально подчиненное Константинопольскому православному патриархату. В состав второго, возглавляемого константинопольским армянским патриархом, входили армяне-грегориане, а также представители ряда иных христианских религиозных групп и церквей, в частности египетские копты, грузины, цыгане, ассирийцы, кавказские албанцы, якобиты, марониты, несториане и даже ряд откровенных (с точки зрения всех традиционных церквей) еретиков, к примеру павликиане и богомилы [5, с. 176; 6, р. 253; 7, с. 34, 39–41]. Третий миллет, экстерриториальный и децентрализованный иудейский, включавший романиотов, ашкеназов и сефардских евреев, находится вне сферы настоящего рассмотрения.

Главами традиционных христианских миллетов были официально признаны их религиозные лидеры, в число официальных прав и обязанностей которых в качестве утверждаемых султаном «миллетбаши» (тур. Millet başı) входило не просто окормление собственной паствы, но и обеспечение соблюдения ею действующего османского законодательства – административного, уголовного, финансового, налогового и т.д. и т.п. [5, с. 176–177]. Важная деталь: произошедшая в 1821 г. греческая революция не вытеснила в сознании подавляющего большинства османских этнических эллинов представление о своей первоочередной принадлежности именно к миллету, а не к греческой нации, в результате чего они «весьма прохладно относились

к... идее» территориального расширения Греции за счет Османской империи, «к жизни в которой их предки за несколько столетий успели приспособиться» [8, с. 195–196].

В свою очередь, в условиях, когда основные вопросы функционирования христианских миллетов в Османском государстве были урегулированы вручением в руки церковного руководства не только духовных, но и вполне материальных рычагов управления и контроля своей многочисленной паствы, а в качестве «миллетбаши» во главе миллетов находились вполне лояльные патриархи, паломничества как греко-православных, так и армяно-григориан не могли не решать две основные политические задачи [9, р. 377–396]. Первая – демонстрация преданности паломников (чем многочисленнее, тем лучше) своим духовно-светским руководителям в лице патриархов. Вторая – манифестация верноподданности всего османского христианского сообщества руководству империи, что было крайне политически важно именно в момент перманентного роста числа этнических конфликтов по всему периметру государства и откровенного нарастания внутренней конфликтности вследствие активности великих держав на протяжении XVIII–XIX вв. Фактически единственным ограничением для совершения паломничества к святым местам для этой категории христиан было получение османского аналога гибрида дорожного сбора и внутренней паспортной прописки “mürûr tezkiresi” [10, р. 357–358].

Две другие значимые паломнические группировки в соответствии с основанным на шариате османским законодательством относились к категории «мюстеменов» (получивших охранную грамоту «эман») – иностранцев, временно находившихся на исламских землях с разрешения властей. Их правовое положение отличалось от «зимми» официальной подсудностью шариатскому суду и возможностью прибегать по необходимости к защите дипломатических представителей их стран [11, с. 362–364].

Формально единый юридический статус этой категории христианских паломников в реальности корректировался для русских «внешних паломников» некоторым количеством чувствительных отличий. Принципиально важным в реализации их особого положения стал русско-османский Кучук-Карнаджийский мирный договор 1774 г., давший право русским духовным и светским лицам безопасно посещать святыне места без уплаты каких-либо платежей и сборов [10, р. 359]. В отличие от них прочие христиане-иностранцы почти не оспаривали обязанности уплаты дополнительных сборов (в частности, уже упомянутого “mürûr tezkiresi”) [10, р. 365–368]. Подобное особое положение с точки зрения современных турецких исследователей явно акцентировалось во второй половине XIX в. очевидной конкуренцией за Иерусалим между различными державами и, как следствие, их поощрительными действиями в адрес своих подданных и граждан, стимулировавшими к его посещению [10, р. 356].

Большинство европейских держав в XIX в. пошло по пути организации, помимо официальных органов, формально отделенных от государства общественных структур, главной целью которых провозглашалось изучение вопросов, связанных с Палестиной, равно как и приведение в порядок паломнической активности (британский The Palestine Exploration Fund, американские American Palestine Exploration Society, American Oriental Society,

немецкие Deutsche Morgenländische Gesellschaft, Deutscher Palastina-Verein и ряд других). В случае Российской империи в 1882 г. по инициативе великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Федоровны, а также весьма многочисленной группы общественных деятелей, по распоряжению императора Александра III было создано Императорское Православное Палестинское Общество. Его организация стала венцом длительной и сложной череды действий большого числа государственных, церковных и общественных лиц, стремившихся как поддержать деятельность государственных и частных лиц в «святых местах Востока», так и упорядочить хлынувший из Российской империи, особенно после Великих реформ, полноводный поток русских народных паломников. Впервые в русской истории была предпринята попытка организации широчайшего паломнического («поклоннического», страннического, «молебненного» и т.д.) движения путем как просветительским, так и экономико-организационным. И, несмотря на новизну всего дела, попытка оказалась крайне успешной [12, 13].

Довольно скоро русские паломники начали очевидно выделяться из прочих паломников многочисленностью – по всей видимости, даже в сопоставлении с местными христианами. В частности, по данным на начало XX в., в 1900 г. в Иерусалим прибыло без малого почти 8 тыс. русских богомольцев, в 1910 г. из 15 тыс. паломников были русскими 9 тыс. (60 %), а на пасхальные богослужения 1913 г. прибыло уже 12 тыс. паломников из России [14, р. 183–184]. Количество православных паломников из России было явно выше, нежели из других стран, что турецкие исследователи справедливо объясняют деятельностью организаций, поддерживаемых Российским государством [10, р. 357, 373–374].

Кардинально различался социальный состав европейских и русских паломников. Основу контингента западных паломников составляли относительно либо вполне состоятельные люди, способные без ущерба для своего текущего положения потратить немалые средства ради длительного путешествия на малоосвоенную с точки зрения привычного бытового комфорта территорию. Судя по описаниям, это были в основном мужчины среднего и старшего возраста, относительно хорошего здоровья, обладавшие устойчивым экономическим положением, образованные, изучавшие библейские тексты, желавшие попасть в места, в них описанные, и готовые потратить немалые личные суммы для посещения Святой земли [10, р. 361]. Зарубежные и отечественные исследователи, свидетели-мемуаристы также подтверждают весьма благополучный социальный и финансовый статус европейских паломников, приезжавших из Франции и Германии отнюдь не на последние деньги [15; 16, с. 133–134; 17].

Безусловно, не все из них были богаты и щедры. В частности, турецкие архивы сохранили упоминание об австрийской группе из 500 паломников, которые просили освободить их от уплаты *mürûr tezkiresi* вследствие ощутимой бедности, на что был получен однозначно отрицательный ответ от османских властей [10, р. 365]. Подобные ситуации были отнюдь не единичны, но, в целом, устойчивость материального положения европейских паломников сомнений не вызывала.

Напротив, общее материальное положение и финансовая состоятельность подавляющего большинства паломников из России приводила осман-

ских чиновников в полное недоумение вследствие их откровенной бедности и нужды [10, р. 361]. У ряда исследователей вызывала удивление очевидная готовность русских пилигримов переносить тяготы, нужды и страдания далекого пути только ради возможности оказаться на землях, бывших свидетелями земного подвига Спасителя [15, р. 27–76, 135–306]. Многими отмечается, что большинство среди русских православных паломников представляли собой группы крестьянского происхождения, которые, как правило, были довольно стары по возрастному составу. Значительная часть членов этих групп якобы приходили в Палестину с желанием умереть: в основном они имели не очень хорошее здоровье, были неграмотны, а их бедность была очевидна всякому наблюдателю [10, р. 361].

Современные зарубежные исследователи в качестве одной из возможных причин, объясняющих столь странный состав для них русских паломников, рассматривают некие особенности мировоззрения православных христиан, которые, по их мнению, постоянно готовятся к смерти и были бы рады закончить свой земной путь именно во время паломничества на Святую землю, что должно было якобы привести их души к обязательному посмертному спасению в раю либо же способствовать возможному излечению от болезней, помощи в поиске супруга, рождению детей и росту материального благополучия [10, р. 362–367; 18, р. 132–133; 19, р. 108–112]. Подобным же размышлениям предавались и русские образованные соотечественники, писавшие о страждущих, бедных, измученных и даже асоциальных типах, типажах и представителях разных категорий русских паломников. Многими отмечалась многочисленность женщин-паломниц, абсолютно не свойственная ни западной, ни восточной традициям [13, с. 317, 326; 20; 21].

Не вдаваясь в подробное перечисление конкретных цифр, пусть иногда и противоречивых, следует признать очевидную специфичность русского паломнического потока в Святую землю. Любопытно, что уже в XIX в. имелись весьма многочисленные исследовательские и описательные работы, повествующие о «поклоннических» обычаях и привычках, бытовавших внутри Российской империи [22–24]. Даже иностранные свидетели отмечали чрезвычайную ритуализированность даже простейших действий русских паломников, их постоянное обращение к библейским событиям, индивидуальные и общие молитвы, бдения, инициативные поиски тайного и священного значения в любых, порой даже совершенно тривиальных вещах и т.д. и т.п. [25, с. 67–71, 78–94]. А потому современный исследователь, по всей видимости, должен был установить, в какой степени проявляемые в Святой земле практики были типичны для русских паломников внутри России. Сразу же могло быть выявлено их практически полное соответствие.

Имеющаяся литература указывает на существование длительной и практически непрерывной русской паломнической традиции со времен начала христианизации еще Древней Руси [26, с. 188–209; 27; 28]. В условиях невозможности для подавляющего большинства православных русских людей совершения паломничества в Святую землю была создана и активно функционировала на протяжении столетий оригинальная русская паломническая система и традиция [28, 29]. Нормы, обычаи, привычки и традиции русского странничества, в отличие от Западной и Центральной Европы, оказались фактически не затронуты Ренессансом и Реформацией, а также последующей

чередой различного рода революционных потрясений, что привело к очевидной консервации многих традиционных христианских норм и практик, особо архаичных ввиду их бытования в широкой среде низкостатусных народных масс – крестьян, мещан, низшего приходского духовенства [30]. Помимо того, внутри страны за столетия сформировались оригинальные привычки, обычаи и ритуалы, очевидно выделявшие русских православных пилигримов [31, с. 152].

Сложившиеся на основе средневековых норм и обычаев правила предполагали необходимость уподобления пути паломника крестному пути Спасителя – со всем его смирением, страданиями, терпеливым переживанием боли и унижений на пути к Вознесению. Все русские «молельщики» должны были хотя бы внешне соответствовать высокой степени аскезы и духовности, тем более покорной воле Божьей в местах земной жизни Иисуса Христа [3, 8]. Довольно часто даже использование любого транспорта и наличие элементарных удобств воспринимались в качестве отступления от сложившихся норм поведения и общественных требований. Современные исследования общероссийских и региональных особенностей паломнического движения позволяют говорить о его крайне широком распространении, доводившем единовременную численность русских «поклонников» в XIX в. до десятков и сотен тысяч человек. Столь многочисленное движение при первой же возможности не могло не выплеснуться за пределы Российской империи в стремлении достигнуть мест, связанных с жизнью Спасителя, породив очень специфичный облик и образ русского паломника, запечатленный современниками всех возможных финансовых, религиозных и социальных статусов [32; 33, с. 347].

Таким образом, рассмотрение активизировавшегося во второй половине XIX в. общего массива христианского паломничества на Святую землю, главной целью которого являлось поклонение общим христианским святыням и реликвиям, позволяет отчетливо выделить не менее трех основных его потоков, явно выделявшихся как по своему национальному составу и по содержанию наполнения, так и по ощутимо отличавшейся ритуальной части.

Первый – внутриосманское христианское паломничество, состоявшее из представителей «Румского» и «Ерменианского» миллетов, при внешней несхожести выполнявших примерно одинаковые религиозно-административные функции, нацеленные в первую очередь на сохранение, укрепление и манифестацию верноподданических чувств своих паств, а также на подтверждение необходимости сохранения высокого внутриимперского статуса своих «миллетбаши» (т.е. соответствующих патриархов).

Второй – русское православное паломничество, пронизанное многочисленными и специфическими обычаями, нормами и правилами, сформировавшимися в многовековую оригинальную русскую паломническую традицию, проявления которой стали весьма необычными и даже неожиданными не только для иностранцев, но и во многом даже для образованной европеизированной части русского общества. Учреждение Императорского Православного Палестинского Общества очевидно начало процесс его быстрой модернизации и приближения к реализации современных возможностей [34].

Третий – европейское (и в крайне малой степени американское) паломничество, восстановленное после длительного перерыва, продолжавшегося

фактически несколько веков и основанное на европейских нормах, взглядах и привычках, сформированных в европейских социумах после крайне длинного и глубокого ряда культурных, религиозных, образовательных, социальных и политических реформ. По всей видимости именно европейское паломничество того периода наиболее близко современному понятию «религиозный туризм», в отличие от прежних средневековых христианских представлений, разделившему этапы паломничества на менее значимый «путь» и собственно поклонение святыням.

Список литературы

1. Bellefeuille-Frost M. "Pilgrimage", St. Andrews Encyclopaedia of Theology / ed. by Brendan N. Wolfe [et al.]. URL: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/Pilgrimage> (дата обращения: 19.10.2024).
2. Православная энциклопедия : в 75 т. Т. 54. Павел – пасхальная хроника / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Православная энциклопедия, 2019. Т. 54. 752 с.
3. Калужникова Е. А. Паломничество как ритуал // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12. С. 13–27.
4. Олюнин С. Имперские структуры управления и этноконфессиональные общины в Османском султанате // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 1. С. 50–56.
5. Карташян А. З. Османская политика в отношении этноконфессиональных меньшинств как модель управления полиэтническим и поликонфессиональным обществом // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 175–180.
6. Stamatopoulos Dimitrios. From Millets to Minorities in the 19th – Century Ottoman Empire: an Ambiguous Modernization // Citizenship in Historical Perspective / S. G. Ellis, G. Hålfadanarson, A. K. Isaacs. Pisa : Edizioni Plus – Pisa University Press, 2006. P. 253–273.
7. Карташян А. З. Армянский миллет в Османской империи до 1870-х гг.: история изучения в России и за рубежом // История востоковедения: традиции и современность : материалы II Всерос. школы-конференции / отв. ред. И. Х. Миняжетдинов ; М. А. Пахомова ; Отдел аспирантуры ИВ РАН. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 34–48.
8. Петрунина О. Е. К вопросу о национальной самоидентификации греков в эпоху революции 1821 года // Каптеревские чтения – 11 : сб. ст. / отв. ред. М. В. Бибииков. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 192–196.
9. Burcu Taşkın. Osmanli imparatorluğu'nda gayrimüslim tebaa'nin yönetimi ve yönetimdeki gayrimüslimler // Sessiz Gemi-Bilal Eryılmaz'a Armağan, Cilt II. İstanbul : Marmara Belediyeler Birliği Kültür Yayınları, 2021. P. 377–396.
10. Gölpınar Asuman 2019 – Gölpınar Asuman. Kudüs'e gelen rus hacıların mürûr tezkiresi meselesi // Journal of Islamic jerusalem Studies. 2019. Vol. 19 (3). P. 355–374.
11. История Османского государства, общества и цивилизации : в 2 т. Т. 1: История Османского государства и общества / под ред. Э. Ихсаноглу ; Исследовательский центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) ; пер. В. Б. Феоновой ; под ред. М. С. Мейера. М. : Вост. лит., 2006. 602 с.
12. Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. / Рос. акад. наук ; Ин-т рос. истории ; Император. палестин. о-во. М. : Индрик, 2006. 510 с.
13. Хитрово В. Н. Какими путями идут русские паломники в Святую землю // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901. № 3. С. 303–327.

14. Stavrou Theofanis George. Russian interests in Palestine 1882–1914. A study of religious and educational enterprise. Thessaloniki : Institute for Balkan studies, 1963. 250 p.
15. Graham Stephen. With the Russian Pilgrims to Jerusalem. London : Macmillan and co., limited, 1913. 306 p.
16. Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / сост., ред. и пред. С. Ю. Житенёва. М. : Индрик, 2022. 956 с.
17. Житенев С. Ю. Паломничество как религиозное наследие (часть 2) // Журнал Института Наследия. 2015. № 2. URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/3/23.html> (дата обращения: 09.09.2024).
18. Bar D., Cohen-Hattab K. A. New Kind of Pilgrimage: The Modern Tourist Pilgrim of Nineteenth Century and Early Twentieth Century Palestine // Middle Eastern Studies. 2003. Vol. 39, № 2. P. 131–148.
19. Bowman Glenn W. Christian ideology and the image of a holy land: the place of Jerusalem pilgrimage in the various Christianities // Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage. Eugene, Oregon : Wipf and Stock, 2013. P. 98–121.
20. Белякова Н. А. Женское паломничество в условиях глобальных трансформаций на Ближнем Востоке, или Как затерявшиеся на Святой земле паломницы оказались в сфере интересов Советского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 8 (106). URL: <https://bogoslav.ru/article/6174122> (дата обращения: 29.09.2024).
21. Мансуров Б. Православные поклонники в Палестине. 1858 г. СПб. : Тип. Морского Министерства, 1858. 106 с.
22. Максимов С. В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1877. 467 с.
23. Миллер В. Ф. К бытине о сорока каликах со каликою // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 7. С. 465–500.
24. Прыжов И. Нищие на святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России. Казань : Тип. Л. П. Антонова, 1913. 83 с.
25. Безобразов П. Английский путешественник о русских паломниках // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1914. Т. XXV, вып. I (январь – март). С. 66–94.
26. Срезневский И. И. Русские калики древнего времени // Записки Императорской Академии наук. 1862. Т. 1, кн. 2. С. 188–209.
27. Пыпин А. Н. Древнерусское паломничество. СПб. : Издание Императорского православного палестинского общества, 1896. 77 с.
28. Житенев С. Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М. : Индрик, 2007. 480 с.
29. Поплавская Х. В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь (по материалам Рязанского края) // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М. : Наука, 2001. С. 251–300.
30. Майоров А. А. Традиции паломнического движения в России как одна из основ успешного становления Императорского Православного Палестинского общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2024. Т. 13, № 4. С. 101–114.
31. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М. : Паломник, 2000. 543 с.
32. Бушуева С. В. Паломничество и его особенности в русской истории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 127–131.
33. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб. : Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
34. Бокатов А. Ю. Эволюция образа православного паломника в российской периодике второй половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 30–44.

References

1. Bellefeuille-Frost M. "Pilgrimage", *St. Andrews Encyclopaedia of Theology*. Available at: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/Pilgrimage> (accessed 19.10.2024).
2. Patriarch Alexy II of Moscow and All Russia (ed.). *Pravoslavnaya entsiklopediya: v 75 t. T. 54.: Pavel – paskhal'naya khronika = Orthodox Encyclopedia: in 75 volumes. Volume 54: Paul – Easter Chronicle*. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2019;54:752. (In Russ.)
3. Kaluzhnikova E.A. Pilgrimage as a ritual. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki = Proceedings of Ural State University. Series 2, Humanities*. 2006;(47):13–27. (In Russ.)
4. Olyunin S. Imperial governance structures and ethno-confessional communities in the Ottoman Sultanate. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy = Journal of International Law and International Relations*. 2012;(1):50–56. (In Russ.)
5. Kartashyan A.Z. Ottoman policy towards ethno-confessional shadows as a model of governance of a multi-ethnic and multi-confessional society. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal = Kazan pedagogical journal*. 2015;(6):175–180. (In Russ.)
6. Stamatopoulos Dimitrios. From Millets to Minorities in the 19th – Century Ottoman Empire: an Ambiguous Modernization. *Citizenship in Historical Perspective*. Pisa: Edizioni Plus – Pisa University Press, 2006:253–273.
7. Kartashyan A.Z. The Armenian Millet in the Ottoman Empire until the 1870s: a history of research in Russia and abroad. *Istoriya vostokovedeniya: traditsii i sovremennost': materialy II Vseros. shkoly-konferentsii = History of oriental studies: traditions and modernity: proceedings of the 2nd All-Russian school conference*. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2015:34–48. (In Russ.)
8. Petrunina O.E. On the issue of national self-identification of the Greeks during the 1821 revolution. *Kapterevskie chteniya – 11: sb. st. = Kapterev Readings – 11: collected articles*. Moscow: IVI RAN, 2013:192–196. (In Russ.)
9. Burcu Taşkın. Osmanlı imparatorluğu'nda gayrimüslim tebaa'nin yönetimi ve yönetimdeki gayrimüslimler. *Sessiz Gemi-Bilal Eryılmaz'a Armağan, Cilt II*. İstanbul: Marmara Belediyeler Birliği Kültür Yayınları, 2021:377–396.
10. Gölpınar Asuman 2019 – Gölpınar Asuman. Kudüs'e gelen rus hacilarin mürûr tezkiyesi meselesi. *Journal of Islamic jerusalem Studies*. 2019;19(3):355–374.
11. Ikhsanoglu E. (ed.). *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii: v 2 t. T. 1: Istoriya Osmanskogo gosudarstva i obshchestva = History of the Ottoman State, Society and Civilization: in 2 volumes. Volume 1: History of the Ottoman State and Society*. Moscow: Vost. lit, 2006:602. (In Russ.)
12. Lisovoy N.N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoy Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. = Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th centuries*. Moscow: Indrik, 2006:510. (In Russ.)
13. Khitrovo V.N. What routes do Russian pilgrims take to the Holy Land? *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva = Messages from the Imperial Orthodox Palestine Society*. 1901;(3):303–327. (In Russ.)
14. Stavrou Theofanis George. *Russian interests in Palestine 1882–1914. A study of religious and educational enterprise*. Thessaloniki: Institute for Balkan studies, 1963:250.
15. Graham Stephen. *With the Russian Pilgrims to Jerusalem*. London: Macmillan and co., limited, 1913:306.
16. *Entsiklopediya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: 1882–2022 gg. 140-letiyu IPPPO posvyashchaetsya = Encyclopedia of the Imperial Orthodox Palestine Society: 1882–2022 dedicated to the 140th anniversary of the IOPS*. Compilation, editing, and preface by S.Yu. Zhitenyov. Moscow: Indrik, 2022:956.

17. Zhitenev S.Yu. Pilgrimage as a religious heritage (part 2). *Zhurnal Instituta Naslediya = Heritage Institute Journal*. 2015;(2). (In Russ.). Available at: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/3/23.html> (accessed 09.09.2024).
18. Bar D., Cohen-Hattab K.A. New Kind of Pilgrimage: The Modern Tourist Pilgrim of Nineteenth Century and Early Twentieth Century Palestine. *Middle Eastern Studies*. 2003;39(2):131–148.
19. Bowman Glenn W. Christian ideology and the image of a holy land: the place of Jerusalem pilgrimage in the various Christianities. *Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage*. Eugene, Oregon: Wipf and Stock, 2013:98–121.
20. Belyakova N.A. Women's pilgrimage in the context of global transformations in the Middle East, or how pilgrims lost in the Holy Land found themselves in the sphere of interest of the Soviet State. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» = Electronic scientific and educational journal "History"*. 2021;12(8). (In Russ.). Available at: <https://bogoslav.ru/article/6174122> (accessed 29.09.2024).
21. Mansurov B. *Pravoslavnye poklonniki v Palestine. 1858 g. = Orthodox worshipers in Palestine. 1858*. Saint Petersburg: Tip. Morskogo Ministerstva, 1858:106. (In Russ.)
22. Maksimov S.V. *Brodyachaya Rus' Khristaradi = Wandering Russia for Christ's sake*. Saint Petersburg: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1877:467. (In Russ.)
23. Miller V.F. To the epic about forty pilgrims with a pilgrim. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 1899;(7):465–500. (In Russ.)
24. Pryzhov I. *Nishchie na svyatoy Rusi. Materialy dlya istorii obshchestvennogo i narodnogo byta v Rossii = Beggars in Holy Russia: Materials for the History of Social and Folk Life in Russia*. Kazan: Tip. L.P. Antonova, 1913:83. (In Russ.)
25. Bezobrazov P. An English traveler about Russian pilgrims. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva = Essays from the Imperial Orthodox Palestine Society*. 1914;XXV(I):66–94. (In Russ.)
26. Sreznevskiy I.I. Russian pilgrims of ancient times. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk = Notes of the Imperial Academy of Sciences*. 1862;1(bk. 2):188–209. (In Russ.)
27. Pypin A.N. *Drevnerusskoe palomничество = Old Russian pilgrimage*. Saint Petersburg: Izdanie Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva, 1896:77. (In Russ.)
28. Zhitenev S.Yu. *Istoriya russkogo pravoslavnogo palomничества v X–XVII vekakh = The history of Russian Orthodox pilgrimage in the 5th – 17th centuries*. Moscow: Indrik, 2007:480. (In Russ.)
29. Poplavskaya Kh.V. Pilgrimage, hospitality, and veneration of shrines (by the materials of Ryazan region). *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan KhIKh–KhKh vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy = Orthodox life of Russian peasants of the 19th – 20th centuries: Results of ethnographic research*. Moscow: Nauka, 2001:251–300. (In Russ.)
30. Mayorov A.A. The traditions of the pilgrimage movement in Russia as one of the foundations for the successful development of the Imperial Orthodox Palestine Society. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Bulletin of State and Municipal Administration*. 2024;13(4):101–114. (In Russ.)
31. Gromyko M.M., Buganov A.V. *O vozzreniyakh russkogo naroda = On the views of the Russian people*. Moscow: Palomnik, 2000:543. (In Russ.)
32. Bushueva S.V. Pilgrimage and its features in Russian history. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2008;(4):127–131. (In Russ.)
33. Bernshtam T.A. *Prihodskaya zhizn' russkoy derevni: Ocherki po tserkovnoy etnografii = Parish life in the Russian village: essays on church ethnography*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2005:416. (In Russ.)
34. Bokotov A.Yu. The evolution of the image of the Orthodox pilgrim in Russian periodicals of the second half of the 19th century. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures*. 2020;56:30–44. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Анатолий Александрович Майоров

доктор исторических наук,
исполняющий обязанности
заведующего кафедрой истории,
философии и русского языка,
Орловский государственный аграрный
университет имени Н. В. Парахина
(Россия, г. Орел, ул. Генерала Родина, 69)

E-mail: aamajorov@rambler.ru

Anatoliy A. Mayorov

Doctor of historical sciences,
acting head of the sub-department
of history, philosophy and the Russian
language, Orel State Agrarian University
named after N.V. Parakhin
(69 Generala Rodina street, Orel, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.06.2025

Принята к публикации / Accepted 29.06.2025

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-4

Историография мобилизации в Российской империи: основные подходы и тенденции

И. Н. Жигулин

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

Ilia.jigulin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цель.* Вопросы мобилизационной подготовки и мобилизации всегда актуальны, ведь население России систематически подвергалось внешним угрозам и для отражения этих угроз необходимо было иметь организованную армию. Цель исследования – проанализировать историографию мобилизации в Российской империи и выявить ее основные подходы и тенденции. *Материалы и методы.* Анализируются работы таких авторов, как Д. Ф. Масловский, А. К. Байов, А. Л. Сидоров, Е. З. Барсуков, А. М. Анфимов, О. Р. Айрапетов, Л. И. Бородин и Е. Ю. Сергеев. Методологическая база охватывает основополагающие принципы научного исследования, такие как историзм и объективность. Герменевтика используется как способ интерпретации текста, а историко-ситуационный анализ позволяет оценивать события и явления, опираясь на конкретную историческую обстановку. Это в определенной мере освобождает исследователя от воздействия устоявшихся научных представлений и методологических клише. *Результаты.* Проанализировано отражение вопроса мобилизации в Российской империи в отечественной историографии. Рассмотрены основные этапы развития историографии начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным этапом. *Выводы.* Анализ литературы представлен в исторической ретроспективе. Выявлена специфика научных трактовок на том или ином временном отрезке.

Ключевые слова: историография, мобилизация, военная мобилизация, государственная политика

Для цитирования: Жигулин И. Н. Историография мобилизации в Российской империи: основные подходы и тенденции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 39–48. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-4

Historiography of mobilization in the Russian Empire: main approaches and trends

I.N. Zhigulin

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Ilia.jigulin@yandex.ru

Abstract. *Background.* Issues of mobilization preparation and mobilization are always relevant, since the Russian population was systematically exposed to external threats, and to repel these threats, it was necessary to have an organized army. The purpose of the study is to analyze the historiography of mobilization in the Russian Empire and identify its main approaches and trends. *Materials and methods.* The works of such authors as

D.F. Maslovsky, A.K. Bayov, A.L. Sidorov, E.Z. Barsukov, A.M. Anfimov, O.R. Airapetov, L.I. Borodkin and E.Yu. Sergeev are analyzed. The methodological framework encompasses fundamental principles of scientific research, such as historicism and objectivity. Hermeneutics is used as a method for interpreting text, and historical-situational analysis allows for the evaluation of events and phenomena based on a specific historical context. This, to a certain extent, frees the researcher from the influence of established scientific ideas and methodological clichés. *Results.* This article analyzes the reflection of the issue of mobilization in the Russian Empire in Russian historiography. The main stages of historiography's development, from the pre-revolutionary period to the modern era, are examined. *Conclusions.* The literature review is presented in a historical perspective. Specific features of scientific interpretations at various time periods are identified.

Keywords: historiography, mobilization, military mobilization, public policy

For citation: Zhigulin I.N. Historiography of mobilization in the Russian Empire: main approaches and trends. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(3):39–48. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-4

Введение

Мобилизация как процесс мобилизации ресурсов, людских и материальных, для достижения военных, экономических или политических целей играла ключевую роль в истории Российской империи. Историография этой темы охватывает широкий спектр исследований, которые можно разделить на несколько этапов, отражающих эволюцию научных подходов и методологий.

Историография мобилизации в Российской империи: дореволюционный период (до 1917 г.)

Изучение мобилизации в Российской империи в дореволюционный период было тесно связано с военной историей и практическими задачами управления государством. Основное внимание уделялось вопросам организации армии, рекрутским наборам, обеспечению войск и подготовке к войнам. Историография этого периода характеризуется описательным подходом, использованием официальных данных и акцентом на военно-административные аспекты мобилизации. Ее можно классифицировать по следующим тематическим направлениям:

- 1) военная мобилизация и рекрутские наборы;
- 2) мобилизация во время войн;
- 3) экономические аспекты мобилизации.

Одной из ключевых тем в дореволюционной историографии была система рекрутских наборов, введенная Петром I в 1705 г. Эта система оставалась основой комплектования армии вплоть до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. Историки и военные теоретики анализировали ее эффективность, недостатки и влияние на общество.

Важным трудом, посвященным этой теме, является работа Д. Ф. Масловского «Записки по истории военного искусства в России» (1891) [1]. Автор подробно описывает эволюцию военной системы, включая рекрутские наборы, и их роль в укреплении армии. Масловский подчеркивает, что рекрутская система была тяжелым бременем для крестьянского населения, но при этом обеспечивала армию необходимыми людскими ресурсами.

Другой значительный вклад в изучение мобилизации внес А. К. Байов, известный военный историк. В своей работе «Курс истории русского военного искусства» (1909) [2] Байов анализирует опыт мобилизации во время войн XVIII–XIX вв., включая Отечественную войну 1812 г. Он подчеркивает, что успех мобилизации зависел не только от административных мер, но и от морального духа армии и поддержки населения.

Особое внимание в дореволюционной историографии уделялось мобилизации в период крупных военных конфликтов. Например, Крымская война (1853–1856) стала важным этапом в развитии мобилизационных механизмов Российской империи. В работе А. М. Зайончковского «Военные реформы 1860–1870-х гг. в России» (1952) [3], хотя она написана уже в советский период, используются многочисленные дореволюционные источники, которые позволяют понять, как оценивались мобилизационные усилия России в тот период.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. также стала объектом изучения. В труде Н. П. Михневича «Стратегические очерки» (1889) [4] анализируются мобилизационные усилия России, включая мобилизацию резервистов и подготовку тыла. Михневич подчеркивает, что, несмотря на успехи на фронте, мобилизационная система оставалась архаичной и не соответствовала требованиям современной войны.

В дореволюционный период начали появляться работы, посвященные экономическим аспектам мобилизации. Например, И. С. Блиох в своей книге «Финансы России XIX столетия» (1882) [5] рассматривает вопросы финансирования войн и мобилизации финансовых ресурсов. Автор отмечает, что Российская империя часто сталкивалась с дефицитом бюджета во время войн, что вынуждало правительство прибегать к займам и увеличению налогов.

Несмотря на значительный вклад дореволюционных авторов, их работы имели ряд ограничений. Во-первых, они опирались преимущественно на официальные данные, что не всегда позволяло объективно оценить эффективность мобилизации. Во-вторых, социальные и культурные аспекты мобилизации, такие как влияние мобилизации на крестьянство или национальные меньшинства, оставались за рамками исследований. В-третьих, многие работы носили описательный характер и не ставили целью глубокий анализ причин и последствий мобилизационных процессов.

Таким образом, дореволюционная историография мобилизации в Российской империи заложила основы для дальнейшего изучения этой темы. Работы таких авторов, как Д. Ф. Масловский, А. К. Байов и Н. П. Михневич, остаются важными источниками для понимания мобилизационных процессов в имперский период. Однако поверхностный характер многих исследований и ограниченность источниковой базы не позволяла дореволюционным историкам в полной мере раскрыть сложность и многогранность мобилизации как социального и экономического явления.

Историография мобилизации в Российской империи: советский период (1917–1991)

Советская историография мобилизации в Российской империи развивалась в рамках марксистско-ленинской методологии, которая делала акцент на критике имперской системы и ведущей роли трудящихся в государственной

и общественной деятельности. Исследования этого периода были тесно связаны с идеологическими установками, что накладывало определенные ограничения на интерпретацию исторических процессов. Однако советские историки внесли значительный вклад в изучение мобилизации, особенно в контексте экономических и социальных аспектов.

К основным направлениям исследований в этот период можно отнести следующие: кризис имперской системы мобилизации; роль рабочего класса и крестьянства; экономическая мобилизация; национальные окраины и мобилизация; культурная и идеологическая мобилизация.

Советские историки активно изучали кризис мобилизационной системы Российской империи, особенно в период Первой мировой войны. Одним из ключевых трудов в этой области является работа А. Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы Первой мировой войны» (1973) [6]. Автор подробно анализирует, как экономическая отсталость и неэффективность государственного управления привели к срыву мобилизационных планов. Сидоров подчеркивает, что недостатки в организации промышленности, транспорта и снабжения армии стали одной из причин революционных событий 1917 г.

Другой важный труд – книга Е. З. Барсукова «Русская артиллерия в мировую войну» (1938) [7], где автор рассматривает проблемы мобилизации военных ресурсов, включая производство оружия и боеприпасов. Барсуков отмечает, что имперская система мобилизации не смогла обеспечить армию необходимыми средствами для ведения современной войны.

Советская историография уделяла особое внимание роли рабочего класса и крестьянства в мобилизационных процессах. В работе Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии» (1928) [8] анализируется влияние мобилизации на социальные группы, включая крестьян, которые составляли основную массу армии. Романов подчеркивает, что рекрутские наборы и мобилизация ресурсов ложились тяжелым бременем на крестьянство, что способствовало росту недовольства.

В монографии А. М. Анфимова «Крестьянское хозяйство Европейской России в конце XIX – начале XX века» (1980) [9] рассматривается влияние мобилизации на сельское хозяйство. Автор показывает, как мобилизация рабочей силы и лошадей для нужд армии подрывала экономику деревни, что стало одной из причин социального кризиса.

Советские исследователи активно изучали экономические аспекты мобилизации, включая мобилизацию промышленности и транспорта. В книге П. В. Волобуева «Экономическая политика Временного правительства» (1962) [10] анализируются попытки модернизации экономики в условиях войны. Автор отмечает, что имперское правительство не смогло эффективно организовать мобилизацию промышленности, что привело к дефициту вооружений и снаряжения.

Важным вкладом в изучение транспортной мобилизации стала работа Л. М. Спирина «Железные дороги России в Первой мировой войне» (1959) [11]. Автор показывает, как слабость транспортной системы стала одним из ключевых факторов срыва мобилизационных планов.

Советская историография также обращалась к вопросу мобилизации в национальных окраинах империи. В работе М. К. Рожковой «Экономическая

политика царского правительства на Среднем Востоке в период Первой мировой войны» (1949) [12] анализируется, как мобилизация ресурсов в регионах Средней Азии и Кавказа влияла на местное население. Автор подчеркивает, что мобилизация часто сопровождалась репрессиями и вызывала сопротивление.

Хотя культурные аспекты мобилизации не были основным направлением исследований, некоторые работы затрагивали эту тему. Например, в книге Н. Н. Яковлева «1 августа 1914 г.» (1974) [13] рассматривается роль пропаганды и патриотических настроений в мобилизации населения. Автор показывает, как правительство пыталось использовать идеологические инструменты для поддержки войны.

Несмотря на значительные достижения, советская историография имела ряд ограничений. Во-первых, исследования часто носили идеологизированный характер, что приводило к упрощенным интерпретациям. Во-вторых, многие работы опирались на ограниченный круг источников, что не позволяло в полной мере раскрыть сложность мобилизационных процессов. В-третьих, социальные и культурные аспекты мобилизации оставались недостаточно изученными.

В целом, советская историография мобилизации в Российской империи внесла важный вклад в изучение этой темы, особенно в контексте экономических и социальных аспектов. Работы таких авторов, как А. Л. Сидоров, Е. З. Барсуков и А. М. Анфимов, остаются ценными источниками для понимания мобилизационных процессов. Однако идеологические ограничения и узость методологии не позволили советским историкам в полной мере раскрыть многогранность этой темы.

Историография мобилизации в Российской империи: современный период (с 1991 г.)

Современная историография мобилизации в Российской империи, начиная с 1990-х гг., характеризуется значительным расширением тематики, методологии и источниковой базы. Исследования этого периода отличаются междисциплинарным подходом, использованием новых архивных материалов и критическим переосмыслением ранее сложившихся концепций. Современные историки уделяют внимание не только военным и экономическим аспектам мобилизации, но и ее социальным, культурным и региональным измерениям. Среди основных тематических направлений выделяются следующие: военная мобилизация; экономическая мобилизация; социальная мобилизация; культурная и символическая мобилизация; региональные аспекты мобилизации.

Современные исследования военной мобилизации сосредоточены на анализе эффективности, организационных механизмов и влияния на ход войн. Одним из ключевых трудов в этой области является работа О. Р. Айрапетова «Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917)» (2014) [14]. Автор подробно анализирует мобилизационные планы империи, их реализацию и причины срывов. Айрапетов подчеркивает, что слабость транспортной инфраструктуры и недостатки в управлении ресурсами стали ключевыми факторами неудач.

Другой важный труд – книга А. В. Олейникова «Россия в Первой мировой войне: мобилизация и экономика» (2016) [15], где автор рассматривает взаимосвязь между мобилизацией армии и экономическими процессами. Олейников показывает, как мобилизация людских и материальных ресурсов повлияла на экономику страны и способствовала ее дестабилизации.

Современные историки активно изучают экономические аспекты мобилизации, включая мобилизацию промышленности, транспорта и финансов. В работе Л. И. Бородкина и В. А. Виноградова «Экономическая история России: XIX – начало XX века» (2010) [16] анализируется, как мобилизация ресурсов в условиях войн влияла на экономическое развитие страны. Авторы подчеркивают, что имперская система мобилизации не была адаптирована к вызовам индустриальной эпохи.

Важным вкладом в изучение транспортной мобилизации стала книга А. С. Сенявского «Железные дороги России в войнах и революциях» (2017) [17]. Автор показывает, как слабость транспортной системы стала одним из ключевых факторов срыва мобилизационных планов в период Первой мировой войны.

Современные исследования уделяют значительное внимание социальным аспектам мобилизации, включая ее влияние на различные группы населения. В работе П. П. Щербинина «Крестьянство и война: социальные последствия мобилизации в Российской империи» (2005) [18] анализируется, как мобилизация рабочей силы и ресурсов повлияла на жизнь крестьянства. Автор показывает, что мобилизация стала одним из факторов роста социальной напряженности в деревне.

Другой важный труд – книга Е. Ю. Сергеева «Нация и мобилизация: Первая мировая война и российское общество» (2014) [19], где автор рассматривает, как мобилизация влияла на национальные меньшинства и их отношение к имперской власти. Сергеев подчеркивает, что мобилизация часто сопровождалась репрессиями и вызывала сопротивление.

Современные историки активно изучают культурные аспекты мобилизации, включая роль пропаганды, образования и религии. В работе А. Б. Асташова «Русский фронт в 1914–1917 годах: война и общество» (2018) [20] анализируется, как пропаганда и патриотические настроения влияли на мобилизацию населения. Автор показывает, что культурная мобилизация играла важную роль в поддержании боевого духа армии.

Другой важный труд – книга О. С. Поршневой «Война и общество: культурные аспекты мобилизации в России (1914–1917)» (2015) [21], где автор рассматривает, как мобилизация влияла на культурную жизнь страны, включая литературу, искусство и образование.

Современные исследования уделяют значительное внимание региональным аспектам мобилизации, включая ее влияние на национальные окраины. В работе Д. А. Аманжоловой «Национальные окраины Российской империи в Первой мировой войне» (2016) [22] анализируется, как мобилизация ресурсов и людских сил повлияла на жизнь народов Средней Азии, Кавказа и других регионов. Автор подчеркивает, что мобилизация часто сопровождалась репрессиями и вызывала сопротивление.

Современная историография мобилизации в Российской империи продолжает развиваться. Одной из ключевых дискуссий остается вопрос о том,

насколько эффективной была мобилизационная система империи. Некоторые исследователи подчеркивают ее слабости и неспособность адаптироваться к вызовам XX в., другие отмечают успехи в отдельных областях, таких как железнодорожное строительство. Перспективным направлением является изучение региональных аспектов мобилизации, включая роль национальных окраин и их вклад в общие усилия империи. Также актуальным остается вопрос о влиянии мобилизации на революционные процессы начала XX в.

В итоге современная историография мобилизации в Российской империи отличается широким охватом тем, использованием новых источников и междисциплинарным подходом. Работы таких авторов, как О. Р. Айрапетов, Л. И. Бородин и Е. Ю. Сергеев, значительно углубили наше понимание мобилизационных процессов. Однако многие аспекты этой темы остаются малоизученными, что открывает широкие возможности для будущих исследований.

Таким образом, изучение мобилизации в Российской империи прошло несколько этапов, каждый из которых внес свой вклад в понимание этого сложного и многогранного процесса. От описательных работ дореволюционного периода до современных междисциплинарных исследований историография мобилизации постоянно развивалась, раскрывая новые аспекты и углубляя наше понимание роли мобилизации в судьбе империи.

В дореволюционный период основное внимание уделялось военно-административным аспектам мобилизации, таким как рекрутские наборы и организация армии. Историки и военные теоретики, такие как Д. Ф. Масловский и А. К. Байов, сосредоточились на вопросах управления армией и ее роли в войнах. Их труды, хотя и ограниченные официальными данными, заложили фундамент для дальнейшего изучения темы. Однако эти работы часто носили описательный характер и не учитывали социальные и экономические последствия мобилизации.

Советская историография, развиваясь в рамках марксистско-ленинской методологии, сместила акцент на классовые противоречия и роль трудящихся масс в мобилизационных процессах. Исследования А. Л. Сидорова, Е. З. Барсукова и А. М. Анфимова позволили глубже понять кризис имперской системы, особенно в контексте Первой мировой войны. Советские историки подчеркивали, что мобилизация ресурсов в условиях войны усугубила социальные и экономические проблемы, что в конечном итоге привело к революции 1917 г. Однако идеологические рамки часто ограничивали объективность исследований, оставляя за пределами внимания многие аспекты мобилизации.

Современный этап историографии, начавшийся в 1990-х гг., характеризуется расширением тематики и использованием новых методологических подходов. Современные исследователи, такие как О. Р. Айрапетов, Е. Ю. Сергеев и Л. И. Бородин, уделяют внимание не только военным и экономическим аспектам мобилизации, но и ее социальным, культурным и региональным измерениям. Благодаря доступу к ранее закрытым архивным материалам удалось пересмотреть многие устоявшиеся концепции и раскрыть новые грани мобилизационных процессов. Например, значительное внимание уделяется роли национальных окраин, влиянию мобилизации на крестьянство и рабочий класс, а также культурным и символическим аспектам мобилизации, включая пропаганду и патриотические настроения.

Несмотря на значительные достижения, многие аспекты мобилизации в Российской империи остаются недостаточно изученными. Например, региональные особенности мобилизации, включая ее влияние на национальные меньшинства, требуют дальнейшего исследования. Также малоизученными остаются культурные и символические аспекты мобилизации, такие как роль образования, религии и искусства в мобилизации населения. Перспективным направлением является изучение мобилизации в контексте глобальных процессов, таких как индустриализация и модернизация, которые оказывали значительное влияние на имперскую систему. Историография мобилизации в Российской империи продолжает развиваться, открывая новые горизонты для исследований. Углубленное изучение этой темы позволит не только лучше понять прошлое, но и извлечь важные уроки для современности, особенно в контексте управления ресурсами в условиях кризисов и войн.

Список литературы

1. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1891. 320 с.
2. Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1909. 480 с.
3. Зайончковский А. М. Военные реформы 1860–1870-х гг. в России. М. : Воениздат, 1952. 368 с.
4. Михневич Н. П. Стратегические очерки. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1889. 256 с.
5. Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 420 с.
6. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М. : Наука, 1973. 512 с.
7. Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну. М. : Воениздат, 1938. 280 с.
8. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1928. 400 с.
9. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России в конце XIX – начале XX века. М. : Наука, 1980. 360 с.
10. Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М. : Наука, 1962. 320 с.
11. Спирин Л. М. Железные дороги России в Первой мировой войне. М. : Трансжелдориздат, 1959. 240 с.
12. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке в период Первой мировой войны. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. 280 с.
13. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 года. М. : Молодая гвардия, 1974. 320 с.
14. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М. : Кучково поле, 2014. 640 с.
15. Олейников А. В. Россия в Первой мировой войне: мобилизация и экономика. М. : Вече, 2016. 480 с.
16. Бородкин Л. И., Виноградов В. А. Экономическая история России: XIX – начало XX века. М. : РОССПЭН, 2010. 560 с.
17. Сенявский А. С. Железные дороги России в войнах и революциях. М. : РОССПЭН, 2017. 400 с.
18. Щербинин П. П. Крестьянство и война: социальные последствия мобилизации в Российской империи. М. : РОССПЭН, 2005. 320 с.
19. Сергеев Е. Ю. Нация и мобилизация: Первая мировая война и российское общество. М. : Новый хронограф, 2014. 480 с.
20. Асташов А. Б. Русский фронт в 1914–1917 годах: война и общество. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 520 с.

21. Поршнева О. С. Война и общество: культурные аспекты мобилизации в России (1914–1917). М. : РОССПЭН, 2015. 360 с.
22. Аманжолова Д. А. Национальные окраины Российской империи в Первой мировой войне. М. : Институт российской истории РАН, 2016. 400 с.

References

1. Maslovskiy D.F. *Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii = Notes on the history of military art in Russia*. Saint Petersburg: Tip. V.S. Balasheva, 1891:320. (In Russ.)
2. Bayov A.K. *Kurs istorii russkogo voennogo iskusstva = Course in the history of Russian military art*. Saint Petersburg: Tip. S. Suvorina, 1909:480. (In Russ.)
3. Zayonchkovskiy A.M. *Voennye reformy 1860–1870-kh gg. v Rossii = Military reforms of the 1860–1870s in Russia*. Moscow: Voenizdat, 1952:368. (In Russ.)
4. Mikhnevich N.P. *Strategicheskie ocherki = Strategic essays*. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1889:256. (In Russ.)
5. Bliokh I.S. *Finansy Rossii XIX stoletiya = Finances of Russia in the 19th century*. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1882:420. (In Russ.)
6. Sidorov A.L. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny = The economic situation in Russia during the First World War*. Moscow: Nauka, 1973:512. (In Russ.)
7. Barsukov E.Z. *Russkaya artilleriya v mirovoy voynu = Russian artillery in World War*. Moscow: Voenizdat, 1938:280. (In Russ.)
8. Romanov B.A. *Rossiya v Man'chzhurii = Russia in Manchuria*. Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1928:400. (In Russ.)
9. Anfimov A.M. *Krest'yanskoe khozyaystvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX veka = Peasant farming in European Russia in the late 19th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1980:360. (In Russ.)
10. Volobuev P.V. *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva = Economic policy of the Provisional Government*. Moscow: Nauka, 1962:320. (In Russ.)
11. Spirin L.M. *Zheleznye dorogi Rossii v Pervoy mirovoy voyne = Russian Railways in World War I*. Moscow: Transzheldorizdat, 1959:240. (In Russ.)
12. Rozhkova M.K. *Ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitel'stva na Srednem Vostoke v period Pervoy mirovoy voyny = The economic policy of the tsarist government in the Middle East during the World War I*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949:280. (In Russ.)
13. Yakovlev N.N. *1 avgusta 1914 goda = August 1, 1914*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1974:320. (In Russ.)
14. Ayrapetov O.R. *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917) = Participation of the Russian Empire in World War I (1914–1917)*. Moscow: Kuchkovo pole, 2014:640. (In Russ.)
15. Oleynikov A.V. *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne: mobilizatsiya i ekonomika = Russia in World War I: mobilization and the economy*. Moscow: Veche, 2016:480. (In Russ.)
16. Borodkin L.I., Vinogradov V.A. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XIX – nachalo XX veka = Economic history of Russia: 19th – early 20th century*. Moscow: ROSSPEN, 2010:560. (In Russ.)
17. Senyavskiy A.S. *Zheleznye dorogi Rossii v voynakh i revolyutsiyakh = Russian Railways in Wars and Revolutions*. Moscow: ROSSPEN, 2017:400. (In Russ.)
18. Shcherbinin P.P. *Krest'yanstvo i vojna: sotsial'nye posledstviya mobilizatsii v Rossiyskoy imperii = The peasantry and war: the social consequences of mobilization in the Russian Empire*. Moscow: ROSSPEN, 2005:320. (In Russ.)
19. Sergeev E.Yu. *Natsiya i mobilizatsiya: Pervaya mirovaya vojna i rossiyskoe obshchestvo = Nation and mobilization: World War I and Russian society*. Moscow: Novyy khronograf, 2014:480. (In Russ.)

20. Astashov A.B. *Russkiy front v 1914–1917 godakh: voyna i obshchestvo* = *Russian Front in 1914–1917: War and Society*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018:520. (In Russ.)
21. Porshneva O.S. *Voyna i obshchestvo: kul'turnye aspekty mobilizatsii v Rossii (1914–1917)* = *War and society: cultural aspects of mobilization in Russia (1914–1917)*. Moscow: ROSSPEN, 2015:360. (In Russ.)
22. Amanzholova D.A. *Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne* = *National outskirts of the Russian Empire in World War I*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2016:400. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Илья Николаевич Жигулин

аспирант, Оренбургский
государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург,
ул. Советская, 19)

E-mail: Ilia.jigulin@yandex.ru

Ilia N. Zhigulin

Postgraduate student, Orenburg
State Pedagogical University
(19 Sovetskaya street, Orenburg,
Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.04.2025

Принята к публикации / Accepted 17.08.2025

УДК 94(470.40)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-5

**Мусульманская умма в религиозной политике
Советского государства в 1920-х – начале 1930-х гг.:
выбор стратегии**

О. А. Сухова¹, О. В. Ягов²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹savtemp@yandex.ru, ²yagovdom@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность предложенной к обсуждению темы обусловлена необходимостью научного осмысления цикличности постсекулярного общества и возрождения религиозного сознания в современном мире. Цель исследования заключается в изучении исторического опыта разработки стратегии государственно-конфессионального взаимодействия для обеспечения устойчивого развития и мобилизации ресурсов духовной сферы (на материалах Советской России / СССР в 1920-х – начале 1930-х гг.). *Материалы и методы.* Основу доказательной базы исследования составили документы, раскрывающие специфику государственной политики в отношении ислама и мусульманской уммы в 1920-х гг. и представленные в фондах Российского государственного архива новейшей истории и Государственного архива Российской Федерации. Выбор методологического инструментария связан с теорией социального конструкционизма П. Бергмана и Т. Лукмана, рассматривающей процесс формирования и институционализации социальных феноменов посредством социальных же интеракций, а также новой культурной истории, акцентирующей проблемы формирования идентичности и социальных представлений. *Результаты.* Проанализированы результаты разработки истории мусульманской уммы в советский период в отечественной историографии, выявлены основные циклы эволюции государственно-конфессиональной политики в Советской России / СССР. Важнейшим аспектом проблемы стала реконструкция движения религиозной самоорганизации мусульманских общин в условиях крушения империи и становления сепарационной парадигмы религиозной политики. *Выводы.* На рубеже XIX–XX вв. мусульманская умма России, будучи вовлеченной в процессы либерализации и формирования гражданского общества, вступает в период активных поисков новых форм самоорганизации и самоопределения. Факторами модернизации выступили становление парламентаризма и крушение империи, а ресурсами – развитие просвещения, печати и формирование политических объединений. Захват власти большевиками радикально изменил характер сепарационной модели. Коммунистическое богоборчество («воинствующий атеизм») рассматривалось инструментом мобилизационной парадигмы, что обеспечило утверждение авторитарно-репрессивного характера отношений власти и церкви в СССР. Вместе с тем активное и пассивное массовое сопротивление мусульман (сохранение и деятельность незарегистрированных общин, религиозных школ, петиционное движение в защиту вероучения, проведение съездов мусульманского духовенства, соблюдение обрядов, сохранение традиций организации религиозной жизни) вынуждало власти идти на временные уступки и исподволь ограничивало административный нажим. Выбор стратегии государственно-конфессиональной политики, кризисно-циклический каркас которой сложился в 1920–1930-е гг., доказал свою историческую несостоятельность к концу XX в.

Ключевые слова: мусульманская умма, Всероссийские съезды мусульманского духовенства, политика большевиков по отношению к исламу, Объединенное государственное политическое управление, Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК

Для цитирования: Сухова О. А., Ягов О. В. Мусульманская умма в религиозной политике Советского государства в 1920-х – начале 1930-х гг.: выбор стратегии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 49–61. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-5

The Muslim Ummah in the religious policy of the Soviet State in the 1920s – early 1930s: choice of strategy

O.A. Sukhova¹, O.V. Yagov²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹savtemp@yandex.ru, ²yagovdom@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the topic proposed for discussion is due to the need for scientific understanding of the cyclicity of post-secular society and the revival of religious consciousness in the modern world. The purpose of the work is to study the historical experience of developing a strategy for state-confessional interaction to ensure sustainable development and mobilization of resources in the spiritual sphere (by the materials from Soviet Russia / the USSR in the 1920s – early 1930s). *Materials and methods.* The basis of the research evidence base was formed by documents revealing the specifics of state policy towards Islam and the Muslim Ummah in the 1920s and presented in the funds of the Russian State Archive of Contemporary History and the State Archive of the Russian Federation. The choice of methodological tools is associated with the theory of social constructionism by P. Bergman and T. Luckmann, which considers the process of formation and institutionalization of social phenomena through social interactions, as well as new cultural history, emphasizing the problems of formation of identity and social representations. *Results.* The results of the development of the history of the Muslim Ummah in the Soviet period in domestic historiography are analyzed, the main cycles of the evolution of state-confessional policy in Soviet Russia / USSR are identified. The most important aspect of the problem was the reconstruction of the movement of religious self-organization of Muslim communities in the context of the collapse of the empire and the formation of the separation paradigm of religious policy. *Conclusions.* At the turn of the 19th and 20th centuries, the Muslim Ummah of Russia, being involved in the processes of liberalization and the formation of civil society, entered a period of active search for new forms of self-organization and self-determination. The factors of modernization were: the formation of parliamentarism and the collapse of the empire, and the resources were: the development of education, the press and the formation of political associations. The seizure of power by the Bolsheviks radically changed the nature of the separation model. Communist atheism (“militant atheism”) was considered an instrument of the mobilization paradigm, which ensured the establishment of the authoritarian-repressive nature of the relationship between the authorities and the Church in the USSR. At the same time, the active and passive mass resistance of Muslims (the preservation and activity of unregistered communities, religious schools, the petition movement in defense of doctrine, the holding of congresses of the Muslim clergy, the observance of rituals, the preservation of the traditions of the organization of religious life) forced the authorities to make temporary concessions and gradually limited administrative pressure. The choice of strategy for state-confessional policy, the crisis-cyclical framework of which was formed in the 1920s – 1930s, proved its historical inconsistency by the end of the 20th century.

Keywords: Muslim Ummah, All-Russian Congresses of Muslim Clergy, Bolshevik policy towards Islam, OGPU, Commission on Cult Affairs under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee

For citation: Sukhova O.A., Yagov O.V. The Muslim Ummah in the religious policy of the Soviet State in the 1920s – early 1930s: choice of strategy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):49–61. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-5

Рост исследовательского интереса к изучению ислама и исламского фактора в истории российской цивилизации, особенно в один из самых драматичных периодов – 1917–1991 гг., обусловлен необходимостью обеспечения этнокультурного плюрализма и толерантности как ключевых условий устойчивого развития. Вместе с тем предметное поле, теоретическая оснастка проблемы и даже формирование источниковой базы находятся еще в самом начале своего становления. В советский период данная проблематика относилась к разряду негативно политизированных тем, а следовательно, априори нежелательных для научного анализа, и первые исследования, посвященные социальным аспектам истории ислама, появились лишь в 1970-х – начале 1980-х гг. [1, 2]. Несмотря на обширный ретроспективный анализ вопросов становления и распространения ислама на территории СССР (преимущественно в Средней Азии), характеристику функций религии (иллюзорно-компенсаторной, интегративной, регулятивной, коммуникативной), политических практик секуляризации, в главу угла ставилась аргументация утверждения атеистического мировоззрения и описание успехов богоборческой политики в деле «разрушения ислама» [2, с. 59–260].

Современный этап исламской историографии формируется в 1990-х – начале 2000-х гг. на волне роста национального движения в субъектах Российской Федерации и утверждения методологического плюрализма. Были выполнены и первые диссертационные исследования [3–7]. На второе десятилетие XXI в. приходится этап становления истории ислама в региональном измерении. Так, на примере Среднего Поволжья практики, специфику, методы деятельности мусульманских религиозных общин и государственно-исламские отношения в России в 1940–1960-х гг. активно разрабатывает Л. А. Королева [8–9].

Актуальными аспектами истории ислама в России выступают: разработка исторического базиса концепции мусульманского модернизма и критика исламофобии, соотношение патриотизма и национализма в религиозном движении [10–13]. Так, на примере концепции И. Гаспринского (известного крымско-татарского просветителя, публициста и реформатора; 1851–1914) влияние джадидизма на формирование ценностей патриотизма и идентичности среди российских мусульман рассматривает А. В. Мартыненко [11]. А. В. Мартыненко и М. А. Кечина убедительно обосновали, что в советских средствах массовой информации последовательно формировался «искаженный, неадекватный и откровенно несправедливый образ» ислама как одной из идеологий «эксплуататорского класса», а исламофобия была частью антирелигиозной пропаганды [12, с. 115].

Придя к власти, большевики не могли игнорировать исламский фактор в деле «защиты революции» и интегративных процессов, несмотря на мас-

штабный рост влияния панисламизма и пантюркизма [11, с. 33] среди мусульман, численность которых в России к 1917 г. составляла, по некоторым данным, более 20 млн человек [14, с. 330]. В частности, в 1910 г. в Пензенской губернии действовало 138 мусульманских общин, объединявших порядка 80 тыс. человек, исповадовавших ислам. В регионе насчитывалось 89 школ (12 медресе и 77 мектебе) [15, с. 830].

Необходимо отметить, что движение религиозного самоопределения российских мусульман было организационно оформлено еще в эпоху Екатерины II, в русле реализации курса имперской политики веротерпимости. В декабре 1789 г. в Уфе состоялось открытие Духовного магометанского собрания, созданного в целях регулирования семейно-брачных, имущественных отношений и религиозного просвещения населения. Соответствующий указ императрица подписала 22 сентября 1788 г. [16]. В конце XIX в. на волне либерализации и становления гражданского общества в Российской империи усилиями выдающегося представителя исламской интеллигенции Исмаила Гаспринского формируется реформаторское движение, ориентированное на модернизацию мусульманской уммы и широкое развитие нравственности, просвещения и печати [11, с. 31]. Естественным итогом исламского возрождения становится развитие мусульманской периодики, насчитывавшей к 1906 г. до 60 изданий, и создание первой политической партии мусульман либерального толка – «Иттифак-эль-Муслимин» («Союз мусульман»), представленной депутатской группой в Государственной Думе России [17, с. 98].

Мощным фактором самоорганизации выступило крушение монархии и утверждение свободы вероисповедания: в конце марта 1917 г. в районах с компактным татарско-мусульманским населением возникают организации мусульманского духовенства, прежде всего на уровне губерний. 26 июля 1917 г. в ходе Всероссийского съезда улемов был создан Всероссийский союз, председателем которого стал Г. Апанаев [18].

Первоначально мусульманские организации приветствовали обращение СНК РСФСР от 24 ноября (3 декабря) 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», обещавшее неприкосновенность установлений и институтов ислама. Однако уже в ноябре – декабре 1917 г. Советское государство переходит к последовательной секуляризации общества, и в первую очередь его политической жизни [2, с. 134]. Ключевым документом, определявшим сущность конфессиональной политики большевиков вплоть до конца 1980-х гг., становится декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно декрету, религиозные объединения лишались права юридического лица и владения собственностью, их имущество национализировалось. Отменялась религиозная клятва или присяга, не допускалось преподавание религиозных вероучений ни в государственных, ни в частных школах, если там преподавались общеобразовательные предметы [2, с. 135]. И все же в 1920-е гг. реализация декрета в отношении ислама осуществлялась с большой осторожностью во избежание взрывного роста социального сопротивления. Кроме того, религиозная политика была неразрывно связана с особенностями национально-государственного строительства и становления федеративного устройства Советской России. Отказ от масштабных репрессивных практик 1922 г. (изъятие церковных ценностей), отмена «незаконных» решений о закрытии рели-

гиозных организаций, манифестация гибких методов антирелигиозной пропаганды были восприняты как «религиозный нэп», что незамедлительно сказалось на активизации движения мусульманской уммы за снятие ограничений в сфере духовного образования. В традициях приговорного движения начала российского парламентаризма к весне 1923 г. в адрес наркома просвещения А. В. Луначарского было направлено 24 обращения, преимущественно из ТССР, с требованием разрешить преподавание догматов ислама без ограничения по возрасту и числу учащихся. Тот факт, что в татарских селах советскими школами была охвачена лишь половина детей школьного возраста, служил дополнительным аргументом в пользу развития духовного образования. Резкий рост религиозного самосознания потребовал незамедлительной реакции властей и решительного пресечения всех форм активности по девальвации сепарационной парадигмы [19, с. 302–304].

Драматизм и противоречивость выбора инструментов и ресурсов государственной политики в отношении ислама отражает судьба одного из первых теоретиков-идеологов государственно-религиозной политики в отношении мусульман – Мир-Саида Султан-Галиева. В преддверии XII съезда РКП(б), состоявшегося 17–25 апреля 1923 г. и провозгласившего коренной поворот в вопросах национальной и религиозной политики, героя Гражданской войны, амбассадора исламского мира, сторонника пантюркизма, активно пропагандировавшего идею Турана – создания федерации всех тюркских народов в составе СССР [20, с. 138] – арестовали по обвинению в национал-уклонизме и превратили в политического изгоя, одно упоминание его имени было чревато в лучшем случае крахом политической карьеры [21, 22].

С этого момента «антиисламская борьба» перешла в новую фазу. Специальная резолюция «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», принятая на XII съезде РКП(б), послужила отправным руководящим указанием для организации массовой культурно-просветительской и антирелигиозной работы. Пропагандистские кампании были согласованы с важнейшими праздниками мусульманского календаря: ураза (пост месяца рамазан), ураза-байрам (праздник окончания поста), курбан-байрам (праздник жертвоприношения). Так, первый «Комсомольский байрам» в масштабах всей страны был организован в 1923 г. [14, с. 335]. Основным инструментом антирелигиозной борьбы стала подмена праздников научными лекциями и диспутами, религиозной обрядности – праздниками нового советского типа – октябринами, красными свадьбами и т.д.

Вместе с тем власти вынужденно признали и санкционировали деятельность масштабной исламской ассоциации: 30 ноября 1923 г. НКВД утверждает Устав Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) РСФСР (кроме Крыма, Кавказа и Туркестана), по которому полномочия уфимского муфтията распространялись на Татарскую, Башкирскую, Киргизскую (Казахскую) и Украинскую республики, Чувашскую, Вотскую и Калмыцкую автономные области, а равно и губернии внутренней России и Сибири. В систему духовных учреждений вошли: съезд представителей мусульманского духовенства и приходов, Центральное духовное управление мусульман, Совет Улемов (ученых), Управление мухтасибатов (районные духовные объединения), приходские управления (мутаваллиаты) – приходские объединения мусульман [23, л. 70–73].

Тем самым государственная политика в отношении ислама изначально обрела двойственный характер: формальная декларация свободы собраний и вероисповедания и при этом организационное, методическое подавление и вытеснение религии из публичного пространства. Так, 19 июля 1924 г. муфтий ЦДУМ Р. Фахретдинов направляет в Президиум ВЦИК жалобу на вопиющие нарушения действовавшего законодательства на низовом уровне, что выражалось в бесчисленных бюрократических проволочках: «Мензелинская кантмилия (Татреспублика) 30 июня обязала подпиской мухтасиба 5-го района прекратить свои действия, доколе из Казани не будет получено известие о регистрации, отобрав печати, штампы, бланки, хотя это управление было зарегистрировано Кантисполкомом 20 февраля 1921 г., и получено разрешение на печати и штампы от самой кантмилии» [24, л. 2]. Ответ на обращение исполнен фарисейской логики: муфтию было рекомендовано по всем вопросам обращаться в «центральные учреждения автономных единиц» [24, л. 4].

Сложная задача балансировки на грани фактического самоуправления в деле противодействия росту религиозного самоопределения мусульман вызвала необходимость «ручной доводки» и циркулярных разъяснений на уровне автономий. Так, 2 апреля 1924 г. всем управлениям кантсовмилии АТССР (Татреспублики) было направлено распоряжение о недопустимости применения угроз и насилия в отношении верующих, проверок регистрации религиозных общин, закрытия молитвенных помещений. Во «избежание возможных нежелательных последствий» было рекомендовано учитывать обязательность регистрации религиозных обществ только в случае наличия не менее 50 членов в возрасте от 18 лет и старше. Группам верующих, не имевших специального помещения для религиозных обрядов, разрешалось совершать их в частном порядке на дому «без всякого разрешения, извещая лишь органы милиции по месту собрания о времени и месте собрания». Однако, с другой стороны, не следовало «поощрять и содействовать преобразованию существующих на основании постановления Наркомюста от 24 марта 1918 г. групп верующих в религиозные общества» [24, л. 11]. В другом циркуляре республиканские власти требовали защитить верующих от вымогательств финансовых средств на содержание культовых зданий со стороны духовенства: «В целях ограждения верующих граждан от могущих быть злоупотреблений при сборах на содержание храмов, мечетей и пр. молитвенных домов и для покрытия других расходов, связанных с обладанием культовым имуществом, а также в пользу управлений мухтасибов, благочинных и центральных духовных организаций НКВД ТССР предлагает руководствоваться следующим»:

- 1) сборы допускать только добровольно;
- 2) за сборами на отопление, охрану и пр. контроль осуществляют вол-исполкомы и сельсоветы;
- 3) «для содержания духовных управлений (Центрального мусульманского, Казанского епархиального, а также управлений мухтасибатов и благочинных) добровольные сборы должны производиться согласно обязательного постановления НКВД ТССР за № 173 от 3 декабря 1923 года» [24, л. 12].

Властями пресекались любые местные инициативы в деле развития религиозного просвещения. Так, летом 1924 г. было запрещено проведение

двухнедельных курсов для мусульманского духовенства в г. Чистополе под формальным предлогом отсутствия санкции ЦДУМ [24, л. 14].

Необходимо отметить, что в 1920-е гг. мусульмане в Советской России / СССР сохранили революционную традицию к укреплению интегративных связей на национальном и международном уровнях, что выразилось в проведении съездов мусульманского духовенства. Первый съезд улемов состоялся в сентябре 1920 г. в Уфе, второй – в июне 1923 г. [23, л. 21–22]. Духовным управлением мусульман большей части России оставался уфимский муфтий, председателем которого был избран Р. Фахретдинов. В то же время в Уфе было создано региональное духовное управление – ДУМ Башкурдистана, что создавало параллелизм в деятельности исламских ассоциаций и ослабляло движение.

Вместе с тем логика централизации управления и формирования мобилизационной модели требовала превентивных мер по ограничению роста любой активности за пределами дозволенного, что наглядно проявилось в ходе проведения третьего съезда мусульманского духовенства, запланированного на 1926 г. [23].

В середине 1920-х гг. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) весьма низко оценивало эффективность антиисламских кампаний, исходя из признания слабости «низовых партийных структур» и «антирелигиозной пропаганды». Это объясняет выбор превентивных и профилактических инструментов, взятых на вооружение накануне съезда: «выявление отношения населения к духовенству и съезду; обеспечение на съезде лояльного к соввласти большинства». Подготовка к съезду началась уже в марте 1926 г. В течение июня – сентября ОГПУ трижды направляло на места циркуляры о задачах органов государственной безопасности: «съезд не должен отразить никакого напора масс»; «съезд не должен выносить никаких решений о расширении рамок вероучения, о предоставлении прав духовенству, о расширении издания религиозных книг, об организации курсов по подготовке мулл»; «съезд не должен выносить решения об объединении всего духовенства Союза под руководством единого ЦДУ»; «мы имеем договоренность с руководством ЦДУ по вопросу о представительстве на съезде официального представителя БашНКВД, с помощью которого будут пресекаться всякие возможности нелояльного к Соввласти выступления» [23, л. 35–36]. Ключевым решением виделось внесение раскола в религиозное движение и пресечение всех попыток к объединению мусульман: «Нельзя допустить переброски ЦДУ в Казань»; «объединения ЦДУ и БДУ, создания при ЦДУ отделов по управлению регионами»; необходимо сохранить Совет улемов (Ученого совета при ЦДУ) [23, л. 23, 36].

Съезд мусульманского духовенства проходил в Уфе с 25 октября по 4 ноября 1926 г. Число делегатов составило 437 человек с решающим и 265 – с совещательным голосом, что намного превышало показатели 1923 г. (порядка 300 делегатов). Татарская республика была представлена на съезде в числе 78 делегатов, внутренние губернии РСФСР – 63. Власти активно поддерживали заседания Совета улемов, действовавшего при ЦДУ. В общей сложности до начала работы съезда состоялось 7 совещаний Совета 18–24 октября [23, л. 21–23].

Весьма показательна программа первых дней съезда: 25 октября прошли выборы президиума, 26 – были зачитаны «приветственные телеграммы

вождям», а на третий день был заслушан доклад о поездке на конгресс в Мекку. И если первые 8 заседаний прошли под исключительным влиянием ОГПУ и «под знаком полнейшей лояльности к советской власти и всех ее законопроектов по религиозным вопросам», то с момента обсуждения вопроса о медресе и курсах (о возможности открытия медресе и религиозных курсов в губернских городах) «съезд принял с этого момента почти форму бунта». Звучали выкрики с требованиями открывать курсы «по желанию народа и в городах, и в деревнях». Некоторые участники предложили отправить в Москву делегацию для решения этого вопроса. Потом волнения возобновились и делегаты потребовали обсудить ограничение возраста учащихся в религиозных школах и снизить возраст до 10 и даже до 8 лет [23, л. 24–27].

Основным вопросом для обсуждения стал разбор наказов и предложений с мест. Итогом жарких дебатов стало принятие 2–3 ноября резолюции, объединившей важнейшие претензии мусульман к власти, в том числе: «религиозные курсы и медресе открывать там, где этого пожелает народ»; принять меры к возвращению в распоряжение приходских советов зданий бывших религиозных медресе и мектебов; снизить возраст учащихся в религиозных школах до 10 лет; детям, не обучавшимся в советских школах, разрешить изучение вероучения в любом возрасте и в любое время; не вести в советской школе антирелигиозную агитацию; организовать при ЦДУ типографию; обеспечить духовенство жалованием; не оскорблять духовенство и религию; разрешить выступать в прессе против атеизма; не препятствовать вести приходом протоколы на татарском языке; учение в советской школе не должно препятствовать вероучению в религиозных школах; при разрешении на открытие религиозных школ не требовать наличия мечети [23, л. 27–29].

Следующий съезд, согласно Уставу ЦДУМ, предстояло провести через три года, в 1929 г., но НКВД отложило его созыв до 1930 г. и вроде бы даже была назначена дата – 25–30 мая, но спецслужбы вновь отодвинули проведение до 1931 г., когда Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК опять признала съезд «несвоевременным», и это решение действовало до 1948 г. [23, л. 85–87].

Помимо накала социально-политической нестабильности, спровоцированного курсом на коллективизацию и уничтожение кулачества (а критика ислама строилась на логике классовой борьбы и отнесении духовенства к классу эксплуататоров), в основе принятых решений лежало косвенное признание административного бессилия в богоборческих практиках. Так, в резолюции по докладу Е. М. Ярославского на Совещании по антирелигиозной работе на востоке в 1929 г. было сказано, что «в большинстве национальных республик и областей декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви проводится в жизнь не в достаточной степени», особую тревогу вызывал провал антирелигиозной кампании на Урале, в Сибири, Донбассе и Поволжье. В числе наиболее актуальных задач вновь была названы: решительная борьба «с объединительными тенденциями среди организованного мусульманского духовенства разных республик»; лишение «восточного духовенства экономических средств, полученных ими посредством всяких незаконных налогов и насильственных сборов»; равное противодействие как старому, так и «приспособленческому» духовенству» (прикрывающему свою «враждебно-

классовую деятельность»). Речь шла в том числе о джадидизме (обновленчестве, форме религиозного реформаторства в исламе) [25, л. 59–59 об.].

Окончательно сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений в форме воинствующего атеизма и тотального подавления любого движения к самоорганизации и духовному самоопределению сформировалась в 1930-е гг. В первую очередь под каток сталинских репрессий попало мусульманское духовенство, огульно обвиненное в контрреволюционном заговоре, агитации и пропаганде (ст. 58-10 Уголовного кодекса РСФСР). Так, только в Куйбышевской области было репрессировано 68 служителей мусульманского культа: мулл и азанчеев [26, с. 582]. Постепенно в водоворот были вовлечены и теоретики государственно-конфессиональных отношений. 28 июля 1930 г. Коллегия ОГПУ приняла постановление по делу «султан-галиевской контрреволюционной организации». Всего к ответственности было привлечено 77 человек, 21 обвиняемому во главе с М. Х. Султан-Галиевым была определена высшая мера революционной защиты – расстрел с конфискацией имущества. Казнь оказалась отсроченной во времени: 13 января 1931 г. высшая мера наказания была заменена десятилетним сроком заключения в концлагерь, а затем ссылкой, но 19 марта 1937 г. М. Х. Султан-Галиев был вновь арестован и 8 декабря 1939 г. приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 28 января 1940 г. [27, с. 240–241]. В ноябре 1937 г. был арестован Мухамед-Фатых Муртазин, влиятельный духовный лидер городской мусульманской уммы г. Куйбышева. Его обвинили в создании в Поволжье ячейки антисоветской националистической организации «Идель-Урал» в составе «кулацкого панисламистского актива». Постановлением «тройки» от 20 декабря 1937 г. свыше 40 участников «группы Муртазина» были приговорены к высшей мере наказания [26, с. 584].

Итогом подобных практик стало обвальное сокращение числа зарегистрированных мусульманских религиозных общин и духовенства. Так, к началу 1940-х гг. в Пензенской области действовало только три мечети. К 1945 г. в регионе было зарегистрировано 14 общин, объединявших до 50 000 человек, и 7 мечетей. В областном центре действующей мечети не было [8, с. 32]. Создание Совета по делам религиозных культов при Президиуме ВС СССР спровоцировало новый подъем религиозного движения. Так, только в 1946 г. на имя С. Д. Горбачева, уполномоченного Совета по Пензенской области, поступило 17 ходатайств об открытии мечетей [9, с. 50].

После Великой Отечественной войны, несмотря на либерализацию советской конфессиональной политики в целом, антиисламские практики только ужесточаются: в конце 1940-х – начале 1950-х гг. разворачивается очередная кампания по закрытию мечетей. Вместе с тем реального сокращения мусульманской уммы не происходило, так как увеличивалась численность «нелегальных», незарегистрированных общин.

Сохранение высокого уровня религиозности в мусульманских общинах прослеживается по документам уполномоченных по делам религий до конца 1970-х гг. и далее, несмотря на массовые атеистические мероприятия (принявшие заостренную форму имитации просветительства – проведение в школах, клубах, в красных уголках лекций на темы «Происхождение и классовая сущность ислама», «Как возникла религия?»). Так, в Пензенской

области к концу 1970-х гг. действовало 10 мечетей в следующих селах: Н. Елюзань, С. Елюзань, В. Елюзань, Кочалейка, Кобылкино, Б. Труев, Бестянка, Демино, Бигеево, Индерка. В дни праздников численность молившихся в мечетях достигала 3500–4000 человек. И этот показатель имел выраженную тенденцию к росту. По данным уполномоченного, в день праздника Курбан-байрам численность молившихся в зарегистрированных мечетях составила в 1975 г. 3492, в 1976 г. – 3660, в 1977 г. – 4311 человек [28, л. 2–3].

Новым стимулом для религиозного возрождения становится принятие новой Конституции, актуализировавшей тему гражданских прав и свобод. Так, только за первую половину 1978 г. жители с. Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области подали три ходатайства об открытии второй мечети. Число «подписантов» достигало 400 человек [28, л. 7].

Кризисно-циклическая логика развития стратегии государственно-конфессиональных отношений, произвольное, необоснованное и насильственное социальное конструирование атеистического общества доказали свою историческую ограниченность и неэффективность. Первые же признаки идеологического плюрализма в эпоху перестройки спровоцировали бурный рост религиозного самоопределения и очередной духовный ренессанс.

Список литературы

1. Мавлютов Р. Р. Ислам. М. : Политиздат, 1969. 159 с.
2. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М. : Наука, 1984. 302 с.
3. Малащенко А. В. Феномен ислама в политической жизни СССР/СНГ : дис. ... д-ра ист. наук : 09.00.06. М., 1995. 446 с.
4. Малащенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М. : Московский центр Карнеги, 1998. 222 с.
5. Набиев Р. А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002. 244 с. (Серия «Культура, религия и общество»; Специальный выпуск).
6. Ахмадуллин В. А., Мельков С. А. Государственно-исламские отношения в России: история, теория, механизмы, военно-политические аспекты. М. : ГНЦ РФ «НИОПИК», 2000. 96 с.
7. Ахмадуллин В. А. Политика советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2002. 241 с.
8. Королева Л. А., Королев А. А. Власть и мусульмане в СССР в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 1 (13). С. 30–34.
9. Королева Л. А. Мусульмане Среднего Поволжья. 1940–1960 гг. Пенза : ПГУАС, 2013. 284 с.
10. Королева Л. А., Королев А. А. «Модернизация» ислама в СССР. 1950–1980 гг. (по материалам проповедей мусульманского духовенства Среднего Поволжья) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4 (60). С. 113–116.
11. Мартыненко А. В. Вклад концепции Исмаила Гаспринского в формирование российской идентичности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 30–35. doi: 10.21685/2072-3024-2017-3-3
12. Мартыненко А. В., Кечина М. А. Образ ислама в советских и постсоветских медиа: историко-культурный анализ // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 1 (53). С. 114–118. doi: 10.51609/2079-3499_2023_14_01_114

13. Рагозина С. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 272–299.
14. Пономаренко М. В. Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX в. (по материалам Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–344.
15. Маслова И. И., Никонов А. Б. Мусульманские общины // Пензенская энциклопедия : в 2 т. Т. 1: А–М / под ред. А. Ю. Казакова. 2-е изд., уточн. и доп. Пенза : Областной издательский центр, 2019. 835 с.
16. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа : Гилем, 1999. 194 с.
17. Якупов М. Т. Исламское возрождение в Волго-Уральском регионе России: история и современность // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 37. С. 96–99.
18. Миннуллин З. С. Организации мусульманского духовенства Поволжья и Приуралья в 1917 г. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2. С. 149–152.
19. Региональные аспекты формирования российской нации в XVII – начале XXI в. (по материалам Поволжья). Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. 520 с.
20. Мухаметдинов Р. Ф. Большевизм, национал-коммунизм и феномен М. Султан-Галиева // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Филология и культура. 2010. № 3 (21). С. 137–139.
21. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 32. Д. 4.
22. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 5.
23. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 18.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 83.
25. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 13.
26. Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н. Мусульманское духовенство Нижегородского и Самарского Поволжья в 1930-е гг.: проблемы выживания // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 582–585.
27. Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ. М. : Кучково поле, 2011. 752 с.
28. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1402.

References

1. Mavlyutov R.R. *Islam = Islam*. Moscow: Politizdat, 1969:159. (In Russ.)
2. Saidbaev T.S. *Islam i obshchestvo. Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniya = Islam and society: historical and sociological study*. Moscow: Nauka, 1984:302. (In Russ.)
3. Malashenko A.V. *The Phenomenon of Islam in the political life of the USSR/CIS: DSc dissertation*. Moscow, 1995:446. (In Russ.)
4. Malashenko A.V. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Rossii = Islamic revival in modern Russia*. Moscow: Moskovskiy tsentr Karnegi, 1998:222. (In Russ.)
5. Nabiev R.A. *Islam i gosudarstvo. Kul'turno-istoricheskaya evolyutsiya musul'manskoy religii na Evropeyskom Vostoke = Islam and the state: the cultural and historical evolution of the Muslim religion in the European East*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2002:244. (In Russ.)
6. Akhmadullin V.A., Mel'kov S.A. *Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v Rossii: istoriya, teoriya, mekhanizmy, voenno-politicheskie aspekty = State-Islamic relations in Russia: history, theory, mechanisms, military-political aspects*. Moscow: GNTs RF «NIOPIK», 2000:96. (In Russ.)

7. Akhmadullin V.A. *The policy of the Soviet state towards the Muslim religion in 1917–1945: PhD dissertation*. Moscow, 2002:241. (In Russ.)
8. Koroleva L.A., Korolev A.A. Power and Muslims in the USSR during the Great Patriotic War (by the materials of Penza region). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Perm University. History*. 2010;(1):30–34. (In Russ.)
9. Koroleva L.A. *Musul'mane Srednego Povolzh'ya. 1940–1960 gg. = Muslims of the Middle Volga region. 1940–1960*. Penza: PGUAS, 2013:284. (In Russ.)
10. Koroleva L.A., Korolev A.A. “Modernization” of Islam in the USSR. 1950–1980 (based on sermons of Muslim clergy in the Middle Volga region). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Altai State University*. 2008;(4–4):113–116. (In Russ.)
11. Martynenko A.V. The contribution of Ismail Gasprinsky’s concept to the formation of Russian identity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2017;(3):30–35. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2017-3-3
12. Martynenko A.V., Kechina M.A. The image of Islam in Soviet and Post-Soviet mass media: historical and cultural analysis. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie = Humanities and education*. 2023;14(1):114–118. (In Russ.). doi: 10.51609/2079-3499_2023_14_01_114
13. Ragozina S. Defending “traditional” islam from “radical” islam: the discourse of islamophobia in Russian media. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, church in Russia and abroad*. 2018;(2):272–299. (In Russ.)
14. Ponomarenko M.V. Islam in the religious policy of the Soviet government in the first third of the 20th century (by the materials from Western Siberia). *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of history, philology, culture*. 2008;(20):330–344. (In Russ.)
15. Maslova I.I., Nikonov A.B. Muslim communities. *Penzenskaya entsiklopediya: v 2 t. T. 1: A–M = Penza Encyclopedia: in 2 volumes. Volume 1: A–M*. 2nd edition, revised and expanded. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr, 2019:835. (In Russ.)
16. Azamatov D.D. *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII–XIX vv. = Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the late 18th – 19th centuries*. Ufa: Gilem, 1999:194. (In Russ.)
17. Yakupov M.T. Islamic revival in the Volga-Ural region of Russia: history and present. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera = Conference proceedings of the Scientific Center for Sociosphere*. 2011;(37):96–99. (In Russ.)
18. Minnullin Z.S. Organizations of Muslim clergy of the Volga and Ural regions in 1917. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2013;(2):149–152. (In Russ.)
19. *Regional'nye aspekty formirovaniya rossiyskoy natsii v XVII – nachale XXI v. (po materialam Povolzh'ya) = Regional aspects of the formation of the Russian nation in the 17th – early 21st centuries (by the materials from the Volga region)*. Penza: Izd-vo PGU, 2017:520. (In Russ.)
20. Mukhametdinov R.F. Bolshevism, national communism and the phenomenon of M. Sultan-Galiev. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Filologiya i kul'tura = Bulletin of Tatar State Humanitarian and Pedagogical University. Philology and Culture*. 2010;(3):137–139. (In Russ.)
21. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI). F. 3. Op. 32. D. 4 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 32. File 4. (In Russ.)
22. RGANI. F. 3. Op. 32. D. 5 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 32. File 5. (In Russ.)
23. RGANI. F. 3. Op. 32. D. 18 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 32. File 18. (In Russ.)
24. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R-1235. Op. 119. D. 83 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-1235. Item 119. File 83. (In Russ.)

25. RGANI. F. 3. Op. 60. D. 13 = *Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 60. File 13.* (In Russ.)
26. Guseva Yu.N., Senyutkina O.N. Muslim clergy of the Nizhny Novgorod and Samara Volga regions in the 1930s: problems of survival. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo* = *Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinskiy*. 2012;(27):582–585. (In Russ.)
27. Mozokhin O.B. *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti. Statisticheskie svedeniya o deyatelnosti organov VChK – OGPU – NKVD – MGB* = *The right to repression. Extrajudicial powers of state security agencies. Statistical information on the activities of the VChK – OGPU – NKVD – MGB agencies*. Moscow: Kuchkovo pole, 2011:752. (In Russ.)
28. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 1402 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-6991. Item 6. File 1402.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Александровна Сухова

доктор исторических наук,
профессор, декан историко-
филологического факультета,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Olga A. Sukhova

Doctor of historical sciences,
professor, dean of the faculty
of history and languages,
Penza State University
(40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Олег Васильевич Ягов

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
истории России и методики
преподавания истории, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: yagovdom@mail.ru

Oleg V. Yagov

Doctor of historical sciences,
professor, professor of the sub-
department of the Russian history
and history teaching technique,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.08.2025

Принята к публикации / Accepted 22.08.2025

УДК 93

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-6

**Мемориальная политика партийного руководства СССР
1950–1970-х гг. в организации празднования юбилеев
и памятных дат Великой Отечественной войны
(на примере Пензенской области)**

С. А. Митронина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

fl_department@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Одним из способов идеологической мобилизации граждан является организация массовых юбилейных торжеств, обладающая большим потенциалом в деле патриотического воспитания населения. Участие в массовых патриотических мероприятиях, в том числе праздновании юбилейных дат, связанных с ключевыми событиями истории государства, является обязательным элементом государственной программы патриотического воспитания. Одним из наиболее значимых идеологических символов отечественной истории является память о событиях и героях Великой Отечественной войны, способствующая сохранению культурной идентичности народа и обладающая огромным влиянием на общественное сознание. Значительный опыт организации и проведения юбилейных торжеств в честь памятных дат военной истории государства был накоплен еще в годы существования СССР. Цель работы – проанализировать региональные особенности и ключевые направления мемориальной политики партийного руководства СССР 1950–1970-х гг. в области организации празднования юбилеев и памятных дат Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области). *Материалы и методы.* Источниковая база исследования представлена документальными материалами Государственного архива Пензенской области, а также материалами региональной периодической печати (газет «Пензенская правда», «Молодой ленинец»). Методологическая база исследования включает в себя комплекс общенаучных и конкретно-исторических методов научного анализа. *Результаты.* Представлен анализ причин и динамики изменения организации массовых юбилейных торжеств на территории Пензенской области в указанный временной период. Автор представил подробный разбор различных направлений работы советского руководства в лице Пензенского облисполкома и Обкома КПСС в деле сохранения исторической памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны. Изучены различные формы массово-политической работы на предприятиях по организации праздничных мероприятий, а также способы привлечения подрастающего поколения к участию в проведении юбилейных торжеств как обязательного элемента государственной программы патриотического воспитания населения. *Выводы.* Организация юбилейных торжеств, посвященных празднованию Победы в Великой Отечественной войне, являлась ключевым элементом мемориальной политики государственного руководства СССР. Особо значительное внимание этому вопросу уделялось в период 1960–1970-х гг. в связи с празднованием 20- и 30-летия Победы. Целью проведения массовых юбилейных торжеств, с одной стороны, являлось патриотическое воспитание населения на примерах мужества и героизма, проявленного солдатами и офицерами Красной армии и тружениками тыла. А с другой – партийное руководство СССР преследовало цель продемонстрировать мировому сообществу оборонную мощь Советского государства, его выдающийся экономический рост и сплоченность советского народа в деле сохранения памяти о Великой

Победе и ее значение для всего прогрессивного мира, в связи с чем проведение юбилейных торжеств нередко приобретало широкий размах и сопровождалось массовой поддержкой средств массовой информации. Изучение опыта советского руководства позволяет нам оценить эффективность применения различных методов и способов сохранения исторической памяти о ключевых событиях военной истории современного российского государства.

Ключевые слова: мемориальная политика, политика памяти, историческая память, Великая Отечественная война, Пензенская область, Пензенский облисполком, Пензенский обком КПСС, юбилеи и памятные даты, 30-летие Победы

Для цитирования: Митронина С. А. Мемориальная политика партийного руководства СССР 1950–1970-х гг. в организации празднования юбилеев и памятных дат Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 62–75. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-6

Memorial policy of the party leadership of the USSR in the 1950–1970s in organizing the celebration of anniversaries and memorable dates of the Great Patriotic War (by the example of Penza region)

S.A. Mitronina

Penza State University, Penza, Russia

fl_department@mail.ru

Abstract. *Background.* The organization of mass anniversary celebrations is one of the main ways of mobilizing the population and has great potential in the field of patriotic education. Participation in the general celebration of anniversaries and memorable dates associated with key events in the history of the state is a mandatory element of the program of patriotic education of the population. One of the most significant ideological symbols of Russian history is the memory of the events and heroes of the Great Patriotic War. This ideological symbol helps to preserve the cultural identity of the people and has a huge influence on public consciousness. Significant experience in organizing and holding anniversary celebrations in honor of memorable dates in the military history of the state was accumulated during the years of the existence of the USSR. The purpose of the study is to analyze regional characteristics and key directions of the memorial policy of the USSR party leadership in the 1950–1970ss in the field of organizing the celebration of anniversaries and memorable dates of the Great Patriotic War (by the example of Penza region). *Materials and methods.* The sources of the research are documentary materials of the State Archives of the Penza Region, as well as materials of the regional periodical press (the newspapers “Penzenskaya Pravda” and “Molodoy Leninet”). The methodological base is represented by a complex of general scientific and specific historical methods of scientific analysis. *Results.* The article presents an analysis of the reasons and dynamics of changes in the organization of mass anniversary celebrations in the Penza region during the specified time period. Various areas of work of the Soviet leadership, represented by the Penza Regional Executive Committee and the Regional Committee of the CPSU, in preserving the historical memory of the events and heroes of the Great Patriotic War also received detailed coverage in the article. The author studied various forms of mass political work at enterprises to organize festive events, as well as ways to attract the younger generation to participate in holding anniversary celebrations, as a mandatory element of the state program of patriotic education of the population. *Conclusion.* The organization of anniversary celebrations dedicated to the celebration of Victory in the

Great Patriotic War was a key element of the memorial policy of the state leadership of the USSR. Particularly significant attention was paid to this issue in the period of the 1960–1970s, in connection with the celebration of the 20th and 30th anniversaries of Victory. On the one hand, the purpose of holding mass anniversary celebrations was the patriotic education of the population using examples of courage and heroism demonstrated by soldiers and officers of the Red Army and home front workers. On the other hand, the party leadership of the USSR pursued the goal of demonstrating to the world community the defensive power of the Soviet state, its outstanding economic growth and the unity of the Soviet people in preserving the memory of the Great Victory and its significance for the entire progressive world. Therefore, the holding of anniversary celebrations often took on a large scale and was accompanied by massive support from the media. Studying the experience of the Soviet leadership allows us to evaluate the effectiveness of the use of various methods and ways of preserving the historical memory of key events in the military history of the modern Russian state.

Keywords: memorial policy, politics of memory, historical memory, The Great Patriotic War, Penza region, Penza Regional Executive Committee, Penza Regional Committee of the CPSU, anniversaries and memorable dates, 30th anniversary of Victory

For citation: Mitronina S.A. Memorial policy of the party leadership of the USSR in the 1950–1970s in organizing the celebration of anniversaries and memorable dates of the Great Patriotic War (by the example of Penza region). *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):62–75. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-6

Введение

Несомненно, одним из наиболее значимых исторических событий российской истории является Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., память о которой глубоко укоренилась в общественном сознании. Это событие широко отмечается в нашей стране уже не один десяток лет, с течением времени не просто не утратив своей актуальности, но и, напротив, в условиях возникновения сложной геополитической ситуации приобретает все более глубокий смысл. В сложившейся ситуации память о событиях и героях Великой Отечественной войны, по-прежнему являющейся одним из главных идеологических символов, позволяет не только сохранить культурную идентичность народа, но и посредством формирования и распространения культурно-исторических образов воздействовать на общественное сознание с целью патриотического воспитания. В данной связи особую актуальность приобретает необходимость изучения имеющегося опыта организации и проведения юбилейных торжеств, накопленный еще в годы существования Советского государства, поскольку уже в тот период события Великой Отечественной войны, наряду с событиями Октябрьской революции 1917 г., признавались знаковыми идеологическими символами государства и общества.

Организация торжественного празднования юбилейных и памятных дат в целом является неотъемлемым элементом коммеморативной политики государства или, как чаще всего ее называют в отечественной исторической науке, «политики памяти». Сами названные термины получили свое распространение в зарубежной историографии еще во второй половине XX в. в трудах историков и культурологов М. Хальбвакса, П. Нора, А. Мегилла, П. Хаттона, Л. Мильорати, Я. Ассмана и др. Первые работы зарубежных исследователей были посвящены изучению самого феномена коммеморации и различных его аспектов, таких как процесс формирования и сохранения «культурной

памяти» общества, определение различий индивидуальной и коллективной памяти и причин возникновения коллективных «мест памяти», различных форм интерпретации прошлого и многое другое. На рубеже веков в эпоху происходящих социокультурных перемен, сопровождающих процесс становления и развития современного общества, исследователи стали уделять более пристальное внимание изучению вопроса о влиянии государственной политики и средств массовой информации (СМИ) на формирование исторической памяти общества. Особенно стоит отметить работы немецкого историка Аллейды Ассман [1], которая подробно анализирует процесс формирования общественной культуры памяти под воздействием мемориальной политики государства на примере Германии.

Не осталась в стороне и отечественная историческая наука, в которой сформировались целые школы и научные направления по изучению исторической памяти. Анализ различных аспектов понятий «историческая память», «мемориальная политика», «политика памяти» представлен в работах О. Б. Леонтьевой [2], О. Ю. Малиновой [3], М. Л. Шуб [4], А. И. Миллера [5], В. В. Тихонова [6], А. С. Тимошука [7] и др.

Как отмечает О. Б. Леонтьева в своей монографии «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начале XX вв.», «историческая память носит избирательный характер; формы интерпретации прошлого и смысловые акценты определяются нормами и ценностями современной культуры» [2, с. 6]. Огромное влияние на формирование последней оказывает идеологическая политика государственного аппарата, который устанавливает нормы и ограничения ее развития. Таким образом, мы переходим к рассмотрению вопроса о влиянии мемориальной политики партийного руководства СССР на процесс формирования исторической памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. посредством организации торжественного празднования юбилейных и памятных дат. И, поскольку политика памяти на региональном уровне в указанный исторический период, как правило, не шла вразрез с государственной политикой в целом, в своем исследовании мы можем рассмотреть различные региональные аспекты формирования культурной памяти общества на примере отдельного региона. Последнее представляется наиболее актуальным, поскольку региональные проблемы сохранения исторической памяти на данный момент остаются наименее изученными [8, с. 149]. Современные ученые признают важность анализа политики памяти на региональном уровне, поскольку, по выражению упомянутого выше исследователя О. Ю. Малиновой, «региональные мнемонические акторы играют заметную роль в актуализации памяти о трудных и трагичных событиях» [3, с. 451].

В качестве объекта рассмотрения в данном исследовании выступает Пензенская область, а точнее, исполнение соответствующих партийных постановлений и решений местными органами власти, а также собственные коммеморативные инициативы Пензенского облисполкома и обкома КПСС. Цель работы – проанализировать региональные особенности и ключевые направления мемориальной политики партийного руководства СССР 1950–1970-х гг. в области организации празднования юбилеев и памятных дат Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области).

Материалы и методы

Отметим, что процесс мемориализации Победы в коллективном сознании советского народа занял не одно десятилетие. Так, если первые годы после завершения войны 9 мая, как и 2 сентября (день завершения войны с милитаристской Японией), считались праздничными днями, то уже в 1947 г. выходные дни по случаю победы над общим врагом в лице нацистской Германии и Японии были отменены [7, с. 27–28]. Причиной отмены праздничных мероприятий, по мнению А. С. Тимошука, послужило тяжелое экономическое состояние страны в целом, претерпевшей серьезные разрушения в годы ведения боевых действий, не говоря уже об огромных людских потерях. Страна нуждалась в восстановлении, что было бы невозможным без очередной мобилизации всех сил и ресурсов, брошенных на поднятие разрушенной инфраструктуры. Лишь в 1965 г. Постановлением Президиума ЦК КПСС «О праздновании 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.» 9 мая снова был объявлен нерабочим днем. Партийное руководство приступило к организации масштабных торжеств, призванных продемонстрировать единение не только трудящихся Советского Союза и стран социалистического содружества, но и «всех борцов за сохранение мира» [9, л. 175].

И все же значительный патриотический потенциал организации юбилейных празднований был оценен по достоинству чуть раньше, и первые торжественные мероприятия подобного рода были организованы еще в 1956 г., в ознаменование 15-й годовщины с начала разгрома немецких войск под Москвой. Постановление ЦК КПСС от 14.11.1956 «О мероприятиях, посвященных 15-й годовщине с начала разгрома немецко-фашистских войск под Москвой» [10, л. 214] рекомендовало горкомам, райкомам КПСС и партийным организациям организовать на предприятиях, в колхозах, совхозах и учебных учреждениях проведение лекций и бесед, посвященных названной годовщине. Пензенский обком КПСС не остался в стороне и, во исполнение данного Постановления, помимо организации лекций и докладов на предприятиях и в учебных заведениях области, обязал руководство газеты «Блокнот агитатора», а также местных многотиражных газет опубликовать статьи, рассказы, воспоминания участников исторической битвы под Москвой [11, л. 10]. В 1961 г. в связи с празднованием уже 20-летия с начала разгрома немецких войск под Москвой помимо газет к освещению данного события были привлечены также силы теле- и радиовещания. Комитету радиовещания и телевидения при облисполкоме было поручено подготовить радио и телевизионные передачи соответствующей тематики. Важнейшей задачей партийных организаций было объявлено воспитание всех трудящихся, особенно молодежи, «на героических традициях Советских Вооруженных Сил, в духе советского патриотизма» [10, л. 214–215].

В дальнейшем при организации юбилейных торжеств использование массовой поддержки СМИ стало традиционным наряду с проведением всевозможных культурных мероприятий, например общественных лекций, бесед, встреч с непосредственными участниками войны, концертов в память о знаменательном событии и т.д. В честь знаменательной даты публиковались сборники документов, статей, научные издания [6, с. 408–409]. Наконец,

в память о событиях военных лет возводились социальные и культурные объекты, мемориалы и памятники, а также различные образовательные учреждения, равно как и многочисленные населенные пункты и улицы получали названия в честь знаменательного события или героя войны.

В этой связи предлагаем уделить особое внимание изучению регионального аспекта организации юбилейных торжеств, посвященных празднованию 20- и 30-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и проанализировать различные направления работы Облисполкома и Обкома КПСС как представителей региональной власти, их методы организации и проведения торжеств, а также способы увековечения памяти о Героях Великой Отечественной войны на примере Пензенской области. Источниковая база исследования представлена документальными материалами Государственного архива Пензенской области, а также материалами региональных периодических изданий (газет «Пензенская правда», «Молодой ленинец»).

Результаты исследования и их обсуждение

В ознаменование юбилейной даты Постановлением Президиума ЦК КПСС «О праздновании 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.» [9, л. 175] от 30 марта 1965 г. местным горкомам и райкомам было поручено отметить 9 мая как всенародный праздник, призванный продемонстрировать всему миру, какой решительный шаг в своем развитии совершило Советское государство за минувшие двадцать лет с момента завершения войны.

Во исполнение названного Постановления Пензенский обком КПСС 9 апреля того же года поручил партийным, комсомольским и профсоюзным организациям «провести широкую массово-политическую работу среди трудящихся, воинов Советской Армии и молодежи: по разъяснению всемирно-исторического значения победы советского народа над силами реакции и фашизма» [9, л. 176]. Местные горкомы и райкомы по Пензенской области обязали провести в период с 3 по 9 мая 1965 г. в г. Пензе и других городах и районах области торжественные собрания и митинги, массовые народные гуляния, встречи с участниками войны и партизанского движения, чествования Героев Советского Союза и кавалеров боевых орденов; привести в «образцовый порядок» [9, л. 177] могилы советских воинов и памятники Великой Отечественной войны. Непосредственно в День Победы было организовано торжественное возложение венков на могилы воинов Советских Вооруженных Сил, ставшее с тех пор традиционным элементом празднования, а также организованы экскурсии к местам памяти, в первую очередь с целью патриотического воспитания подрастающего поколения.

Осуществлялась и информационная поддержка торжеств: в газетах «Пензенская правда» и «Молодой ленинец» публиковались статьи, документы и воспоминания, рассказы, фотоиллюстрации и другие материалы, посвященные 20-летию разгрома нацистских захватчиков. В ознаменование юбилейной даты в газете «Пензенская правда» появилась и специальная рубрика «К 20-летию Великой Победы», в которой размещались соответствующие материалы. Например, в выпуске от 04.05.1965 [12] представлена фотохроника ТАСС, а точнее работы с выставки военных корреспондентов, запечатлевших продвижение танковых колонн в Берлине, и работы по сборке танка

в тылу. Несколькими днями ранее была опубликована статья «Человек из легенды» [13], повествующая о встрече пионеров с. Атмисс Нижнеломовского района с Героем Советского союза, их земляком Николаем Архиповичем Сазоновым. Ветеран поделился с ребятами воспоминаниями о Великой Отечественной войне, рассказал о совершенном на фронте подвиге, за который был удостоен звания Героя, вспомнил односельчан, призванных вместе с ним на войну. В завершение статьи автор упоминает о начавшихся съемках художественного фильма о Герое СССР Н. А. Сазонове.

В Плане работы, утвержденном тем же Постановлением обкома КПСС от 09.04.1965, было обозначено проведение в апреле – мае 1965 г. следующих мероприятий: кинофестиваль с показом лучших документальных и художественных фильмов о войне, проведение которого было поручено областному управлению кинофикации и культуры; областная художественная выставка «На страже мира» под руководством областного управления культуры и областного отделения союза художников СССР; Всесоюзный месячник культурно-шефских мероприятий для войск, организованный облсовпрофом и обкомом ВЛКСМ совместно с областными военкоматами. Тем же облсовпрофу и обкому ВЛКСМ, областному совету Союза спортивных обществ и организаций ДОСААФ было поручено организовать в городах и селах Пензенской области кроссы, эстафеты, походы, мото- и велопробеги, иные спортивно-показательные выступления молодежи, а также конкурс на лучшую постановку оборонно-массовой работы [9, л. 246]. Не оставили без внимания и совсем еще юных граждан государства: для воспитанников детских садов и младших школьников проводились утренники, торжественные сборы и линейки с приглашением участников Великой Отечественной войны, кавалеров боевых орденов и Героев Советского Союза.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 07.05.1965 № 3545-VI была учреждена и юбилейная медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне», которой награждались «все военнослужащие и лица вольнонаемного состава, принимавшие в рядах Вооруженных Сил Союза ССР участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., партизаны Великой Отечественной войны, весь личный состав Вооруженных Сил Союза ССР, а также и другие лица, награжденные медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”»¹. Награждение, разумеется, проходило в торжественной обстановке и при широкой поддержке местных СМИ. Информация об учреждении медали и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая нерабочим днем были опубликованы 28 апреля 1965 г. на титульной странице «Пензенской правды» [14].

Особого внимания заслуживает вопрос увековечения памяти павших воинов. Надо отдать должное государственному руководству Советского Союза, уделявшему большое внимание политике памяти в контексте сооружения различных мемориалов, памятников, обелисков, установлению мемориальных досок как «объектов монументальной пропаганды» [15, с. 178] в целях сохранения памяти не только о героях военных действий, но и о других

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 г. № 3545-VI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 19 (1262). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_07.05.1965_№_3545-VI (дата обращения: 29.08.2024).

известных общественных и культурных деятелях, ученых, внесших большой вклад в развитие отечественной науки и искусства. Так, например, 9 мая 1965 г. в г. Пензе был заложен камень на месте установки обелиска в честь пензенских Героев Советского союза, а группе пензенских скульпторов и архитекторов, в число которых вошли художник А. А. Оя и скульптор А. А. Фомин, было поручено разработать проект обелиска. Распоряжением Совета Министров РСФСР от 06.09.1965 № 3470-р [16, л. 657] на вышеозначенные цели было разрешено потратить 25 тыс. рублей за счет нецентрализованных источников финансирования.

Но не только монументальное искусство являлось элементом мемориальной политики партийного руководства. Увековечение памяти павших героев не только времен Великой Отечественной, но и Гражданской войны и иных военных конфликтов, а также видных общественных деятелей, ученых, представителей культуры и искусства происходило еще и за счет присвоения их имени различным образовательным и культурным учреждениям, переименования населенных пунктов, отдельных улиц и проспектов. Например, в честь 20-летия Победы в Великой Отечественной войне Постановлением Совета Министров РСФСР от 19.06.1965 № 769 «О присвоении имен Героев Советского Союза школам и педагогическому училищу» [17, л. 135–136] было принято предложение Пензенского облисполкома о присвоении имен по Пензенской области:

- Героя Советского Союза Анисимова Виктора Васильевича Сурской восьмилетней школе Городищенского района;
- Героя Советского Союза Зиновьева Николая Анисимовича Островской начальной школе Колышлейского района;
- Героя Советского Союза Кочерева Василия Григорьевича Петровской восьмилетней школе Колышлейского района;
- Героя Советского Союза Дадаева Степана Павловича Сосновской восьмилетней школе Башмаковского района;
- Героя Советского Союза Колесникова Николая Васильевича Ново-Пятинской восьмилетней школе Нижнеомовского района;
- Героя Советского Союза Рензьева Алексея Ивановича Лесной восьмилетней школе Земетчинского района;
- Героя Советского Союза Тархова Сергея Федоровича Нижне-Ломовской средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением № 1.

В следующем году подобным же образом была увековечена память Героя Советского союза Осипова Михаила Михайловича и кавалера ордена Отечественной войны I степени Петрашкова Михаила Яковлевича (Постановление Совета Министров РСФСР от 31.03.1966 № 308 «О присвоении имен общеобразовательным школам» [18, л. 41]). Их имена были присвоены Кондольской средней общеобразовательной трудовой политехнической школе и Балкашинской восьмилетней школе Белинского района соответственно.

Но с особым размахом была отмечена 30-я годовщина Победы над нацистской Германией. В Постановлении ЦК КПСС «О 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» подчеркивалось, что эта дата «является выдающимся политическим событием в жизни совет-

ского народа и всего прогрессивного человечества» [19, л. 2–6]. В ознаменование 30-летия Победы Пензенский обком КПСС поручил партийным советским, профсоюзным, комсомольским организациям и политотделам Пензенского гарнизона и Пензенского высшего инженерного артиллерийского училища и прочим общественным организациям «развернуть широкую массово-политическую работу» на предприятиях и организациях всех уровней «по разъяснению всемирно-исторического значения победы, одержанной советским народом над фашистской Германией и милитаристской Японией, решающего вклада Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгром главной ударной силы мирового империализма» [19, л. 5].

В честь столь знаменательного события в городах и иных крупных населенных пунктах Пензенской области были установлены памятники и мемориальные комплексы (г. Кузнецк), посвященные памяти воинов, павших в боях за Родину в 1941–1945 гг. В самой Пензе на площади Победы был сооружен Монумент Воинской и Трудовой Славы, ставший впоследствии одной из визитных карточек города. Закладка памятника состоялась еще 9 мая 1970 г. Решением Совета Министров РСФСР от 08.05.1970 № 852-р было одобрено предложение Пензенского обкома КПСС и Пензенского облисполкома о сооружении в г. Пензе соответствующего памятника и разрешено затратить на эти цели 70 тыс. руб., собранных на добровольных началах трудящимися области [20, л. 191]. И уже к следующей юбилейной дате Постановлением Совета Министров РСФСР от 16.06.1975 № 374 [21, л. 77] был утвержден акт государственной комиссии о приемке Монумента Воинской и Трудовой Славы.

Кроме того, секретариат Пензенского обкома КПСС инициировал создание фотоальбома «Пензенцы – Герои Советского Союза» [22, л. 4–5], поручив его издание областному Управлению издательств, полиграфии и книжной торговли совместно с Пензенским отделением приволжского книжного издательства и редакцией газеты «Пензенская правда», общим тиражом 5 тыс. экземпляров.

В областном драматическом театре, как и в поселковых и сельских домах культуры, с большим размахом проводились торжественные мероприятия. Исполнительный комитет Пензенского областного совета депутатов на одно только оформление областного драмтеатра к празднику разрешил затратить из областного бюджета более 8 тыс. руб. [23, л. 132]. В деле патриотического воспитания трудящихся, особенно молодежи, не последнюю роль сыграла организация и вручение ветеранам юбилейной медали «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», учрежденной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г. № 1437-IX. В отчетах председателей районных советов депутатов трудящихся отражен широкий спектр мероприятий, организованных в данной связи с целью патриотического воспитания. Например, местные власти активно привлекали школьников к совершению подворных обходов по выявлению лиц, имеющих право на награждение. Присутствовали они и на торжественных собраниях, проходивших в домах культуры и сельских клубах [24, л. 57]. В отчетах уполномоченных лиц (секретаря и председателя) Вадинского и Сердобского районных советов депутатов трудящихся упоминается организация торжественных встреч с ветеранами, выступлений лекторов с докладами о Великой

Победе перед жителями поселков в рамках организации награждения юбилейной медалью причастных лиц [24, л. 52, 68].

В коллективах всех отраслей народного хозяйства было развернуто массовое социалистическое соревнование за досрочное выполнение производственных планов, в том числе среди работников, занятых на весенне-полевых работах с целью проведения посевной кампании в предельно сжатые сроки [19, л. 6].

Заключение

Таким образом, организация и проведение юбилейных мероприятий, посвященных празднованию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и памяти воинов, павших в боях за Родину, являлось одним из ключевых элементов мемориальной политики государственного руководства СССР, особенно в период 1960–1970-х гг. Как отмечает В. В. Тихонов в своей статье, посвященной организации исторических юбилеев в союзных и автономных республиках СССР, в послевоенный период «прошлое окончательно превратилось в важный символический ресурс» [6, с. 410]. Главной целью проведения массовых юбилейных торжеств являлось патриотическое воспитание населения страны на примерах мужества и героизма, проявленного солдатами и офицерами Красной армии и тружениками тыла. Широкий размах юбилейных торжеств при массовой поддержке СМИ был призван продемонстрировать мировому сообществу оборонную мощь Советского государства, его выдающийся экономический рост и сплоченность советского народа в деле сохранения памяти о Великой Победе и ее значение для всего прогрессивного мира, а также значимость дружбы советских народов и их преданности Союзу Советских Социалистических Республик.

Ряд практик коммеморативной политики, к которым неоднократно прибегали советские государственные управленцы, используются и сейчас, в частности, продолжают возводиться мемориальные комплексы, празднование юбилейных дат приобретает все более широкий размах. Последнему, бесспорно, способствует распространение сервисов сети Интернет, благодаря которой в последние десятилетия были созданы специализированные порталы, содержащие информацию об участниках боевых действий, павших героях Великой Отечественной войны, исторических событиях и многое другое. С одной стороны, это заметно способствует расширению возможностей патриотического воспитания за счет использования новых информационных ресурсов. С другой стороны, далеко не все интернет-источники содержат объективную информацию о событиях Великой Отечественной войны и значимости Победы над нацизмом для всего современного общества, нередко мы можем столкнуться с искаженным представлением о войне в целом и вкладе СССР в частности [25, с. 21]. В данной связи одной из наиболее значимых задач современного патриотического воспитания является развитие у молодежи способности грамотно анализировать представленную информацию, опираясь на объективные факты. Государственная коммеморативная политика, неразрывно связанная с воспитательной, должна быть максимально последовательной. Положительные практики, успешно зарекомендовавшие себя на протяжении нескольких десятилетий, необходимо всячески поддерживать и способствовать их дальнейшему распространению, негативные же

пресекать. Изучение опыта советской коммеморативной политики позволяет сохранить преемственность исторической памяти в сознании граждан от СССР к Российской Федерации.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. : монография. Самара : Книга, 2011. 448 с.
3. Малинова О. Ю., Миллер А. И. Репертуар актуального исторического прошлого в региональных политиках памяти: общее и особенное // Политика памяти в России – региональное измерение : коллективная монография. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. С. 444–467. doi: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00
4. Шуб М. Л. Политика памяти: основные тренды российской коммеморативной стратегии (на примере г. Челябинска) // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире : сб. ст. Будапешт ; Киров : Selmeczi Bt., 2019. С. 169–179.
5. Миллер А. И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. 2015. № 3. С. 210–235.
6. Тихонов В. В. Государственная политика в 1940–1950-х гг. в организации исторических юбилеев союзных и автономных республик СССР // История Российской государственности : сб. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Н. П. Ерошкина (г. Москва, 19 декабря 2020 г.). М. : Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2021. С. 407–411.
7. Тимошук А. С. Меморизация войны и Победы // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Новосибирск, 21–22 сентября 2020 г.) / Институт истории СО РАН. Новосибирск : Параллель, 2020. С. 27–34.
8. Батищев Р. Ю. Образ войн прошлого в региональной политике памяти субъектов Российской Федерации // Красноярские военно-исторические чтения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 19 ноября 2024 г.). Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2025. С. 148–153.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 4205.
10. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 3963.
11. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 3416.
12. Пензенская правда. 1965. № 103. С. 4. URL: http://old.liblrmont.ru/ddisk/Stz/Penzenskaya_pravda%201956/1965/05/Penzenskaya_pravda_04.05.1965_№103.pdf (дата обращения: 05.09.2024).
13. Клейнерман Я. Человек из легенды // Пензенская правда. 1965. № 100. С. 4. URL: http://old.liblrmont.ru/ddisk/Stz/Penzenskaya_pravda%201956/1965/04/Penzenskaya_pravda_29.04.1965_№100_prom_str.pdf (дата обращения: 05.09.2024).
14. Пензенская правда. 1965. № 99. С. 1. URL: http://old.liblrmont.ru/ddisk/Stz/Penzenskaya_pravda%201956/1965/05/Penzenskaya_pravda_04.05.1965_№103.pdf (дата обращения: 05.09.2024).
15. Манаев А. Ю. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в контексте анализа нормативно-правовых актов СССР // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (г. Евпатория, 30–31 мая 2019 г.). Симферополь : Ариал, 2019. С. 178–183.
16. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 4595.

17. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 4592.
18. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 4277.
19. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 5416.
20. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 5436.
21. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 6371.
22. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1 (5). Д. 5444.
23. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 6412.
24. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 6527а.
25. Герштейн И. З. Негативные и позитивные практики использования памяти о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Новосибирск, 21–22 сентября 2020 г.) / Институт истории СО РАН. Новосибирск : Параллель, 2020. С. 20–27.

References

1. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika = The Long shadow of the past: memorial culture and historical politics. Translation from German by Boris Khlebnikov.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014:328. (In Russ.)
2. Leont'eva O.B. *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX vv.: monografiya = Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries: monograph.* Samara: Kniga, 2011:448. (In Russ.)
3. Malinova O.Yu., Miller A.I. The repertoire of the current historical past in regional memory policies: general and specific. *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmenenie: kollektivnaya monografiya = Memory politics in Russia – regional dimension: collective monograph.* Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2023:444–467. (In Russ.). doi: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00
4. Shub M.L. The politics of memory: key trends in Russian commemorative strategy (by the example of Chelyabinsk). *Politika i kul'tura: problemy vzaimodeystviya v sovremennom mire: sb. st. = Politics and culture: issues of interaction in the modern world: collected articles.* Budapesht; Kirov: Selmeczi Bt., 2019:169–179. (In Russ.)
5. Miller A.I. Memory politics in Russia: the role of expert communities. *Simvolicheskaya politika = Symbolic politics.* 2015;(3):210–235. (In Russ.)
6. Tikhonov V.V. State policy in the 1940s–1950s in organizing historical anniversaries of the union and autonomous republics of the USSR. *Istoriya Rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. N.P. Eroshkina (g. Moskva, 19 dekabrya 2020 g.) = History of Russian statehood: proceedings of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of professor N.P. Eroshkin (Moscow, December 19, 2020).* Moscow: Izd-vo Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2021:407–411. (In Russ.)
7. Timoshchuk A.S. Memorization of War and Victory. *Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati naroda: izuchenie, interpretatsiya, uroki proshlogo: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (g. Novosibirsk, 21–22 sentyabrya 2020 g.) = The Great Patriotic War in the historical memory of the people: study, interpretation, lessons of the past: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, September 21–22, 2020).* Novosibirsk: Parallel', 2020:27–34. (In Russ.)
8. Batishchev R.Yu. The image of past wars in the regional memory policy of the constituent entities of the Russian Federation. *Krasnoyarskie voenno-istoricheskoe chteniya: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Krasnoyarsk, 19 noyabrya 2024 g.) = Krasnoyarsk Military History Readings: proceedings of the 2nd All-Russian scientific and practical conference (Krasnoyarsk, November 19, 2024).* Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 2025:148–153. (In Russ.)

9. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. P-148. Op 1. D. 4205 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 4205. (In Russ.)
10. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 3963 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 3963. (In Russ.)
11. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 3416 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 3416. (In Russ.)
12. *Penzenskaya pravda* = *Penza truth*. 1965;(103):4. (In Russ.). Available at: http://old.liblermont.ru/ddisk/Stz/Penzenskaya_pravda%201956/1965/05/Penzenskaya_pravda_04.05.1965_№103.pdf (accessed 05.09.2024).
13. Kleynerman Ya. A man from legend. *Penzenskaya pravda* = *Penza truth*. 1965;(100):4. (In Russ.). Available at: http://old.liblermont.ru/ddisk/Stz/Penzenskaya_pravda%201956/1965/04/Penzenskaya_pravda_29.04.1965_№100_prom_str.pdf (accessed 05.09.2024).
14. *Penzenskaya pravda* = *Penza truth*. 1965;(99):1. (In Russ.). Available at: http://old.liblermont.ru/ddisk/Stz/Penzenskaya_pravda%201956/1965/05/Penzenskaya_pravda_04.05.1965_№103.pdf (accessed 05.09.2024).
15. Manaev A.Yu. Memorialization of the events of the Great Patriotic War in the context of the analysis of normative legal acts of the USSR. *Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VI Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Evpatoriya, 30–31 maya 2019 g.)* = *Current issues of protection and use of the cultural heritage of Crimea: proceedings of the 6th All-Russian scientific and practical conference (Evpatoriya, May 30–31, 2019)*. Simferopol: Arial, 2019:178–183. (In Russ.)
16. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 4595 = State Archive of Penza region. Fund R-2038. Item 1. File 4595. (In Russ.)
17. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 4592 = State Archive of Penza region. Fund R-2038. Item 1. File 4592. (In Russ.)
18. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 4277 = State Archive of Penza region. Fund R-2038. Item 1. File 4277. (In Russ.)
19. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 5416 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 5416. (In Russ.)
20. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 5436 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 5436. (In Russ.)
21. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 6371 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 4205. (In Russ.)
22. GAPO. F. P-148. Op. 1 (5). D. 5444 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 5444. (In Russ.)
23. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 6412 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 6412. (In Russ.)
24. GAPO. F. R-2038. Op. 1. D. 6527a = State Archive of Penza region. Fund R-2038. Item 1. File 6527a. (In Russ.)
25. Gershteyn I.Z. Negative and positive practices of using the memory of the Great Patriotic War. *Velikaya Otechestvennaya vojna v istoricheskoy pamyati naroda: izuchenie, interpretatsiya, uroki proshlogo: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (g. Novosibirsk, 21–22 sentyabrya 2020 g.)* = *The Great Patriotic War in the historical memory of the people: study, interpretation, lessons of the past: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, September 21–22, 2020)*. Institut istorii SO RAN. Novosibirsk: Parallel', 2020:20–27. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Светлана Александровна Митронина

ассистент кафедры истории России
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: fl_department@mail.ru

Svetlana A. Mitronina

Assistant of the sub-department
of history of Russia and methods
of teaching history, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.04.2025

Принята к публикации / Accepted 10.06.2025

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-7

Причины и предпосылки российской инициативы по организации Гаагских конференций мира

Б. В. Николаев¹, Н. А. Павлова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Россия сыграла решающую роль в инициировании Гаагского движения, ставшего важным шагом на пути к становлению новой системы международных отношений и современного международного права. Однако можно констатировать отсутствие значительного внимания не только зарубежной, но и отечественной науки к изучению феномена Гаагских конференций в становлении современной системы миропорядка. В этой связи исследование причин российской инициативы по созыву конференций мира представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить причины и предпосылки российской инициативы по созыву двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. *Материалы и методы.* Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагских конференций мира, официальных актов Министерства иностранных дел России, международных договоров, научной литературы. *Результаты.* В работе проанализированы предпосылки и причины российской инициативы по созыву двух Гаагских конференций мира. *Выводы.* Исследование позволяет сделать вывод об особой роли российской дипломатии и российского государства в целом в становлении современного международного права, в стремлении обеспечить справедливую и устойчивую систему международных отношений.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, международное право, право вооруженных конфликтов, российская дипломатия

Для цитирования: Николаев Б. В., Павлова Н. А. Причины и предпосылки российской инициативы по организации Гаагских конференций мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 76–88. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-7

Reasons and prerequisites for the Russian initiative in organizing the Hague Peace Conferences

B.V. Nikolaev¹, N.A. Pavlova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Abstract. *Background.* Russia played a decisive role in initiating the Hague Movement, which became an important step towards the establishment of a new system of international relations and modern international law. However, it can be noted that there has been a lack of significant attention not only from foreign but also domestic science to the study of the phenomenon of the Hague Conferences and the establishment of the modern system of

world order. In this regard, the study of the reasons for the Russian initiative to convene peace conferences seems relevant and scientifically significant. The purpose of the study is to identify the reasons and prerequisites for the Russian initiative to convene two Hague Peace Conferences in 1899 and 1907. *Materials and methods.* The set objectives are achieved through the analysis of official materials of the Hague Peace Conferences, official acts of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, international treaties, and scientific literature. *Results.* The study analyzes the prerequisites and reasons for the Russian initiative to convene two Hague peace conferences. *Conclusions.* The study allows us to draw a conclusion about the special role of Russian diplomacy and the Russian state in the development of modern international law and ensuring a fair and sustainable system of international relations.

Keywords: the Hague Peace Conference, international law, law of armed conflicts, Russian diplomacy

For citation: Nikolaev B.V., Pavlova N.A. Reasons and prerequisites for the Russian initiative in organizing the Hague Peace Conferences. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(3):76–88. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-7

Введение

Российская инициатива созыва двух Гаагских конференций мира, усилия российской дипломатии в очень непростых обстоятельствах крайнего обострения империалистической борьбы великих держав на рубеже XIX–XX вв. продвигать идеалы разоружения и ограничения вооружений, гуманизации войны, ограничения средств и методов ведения вооруженных конфликтов, мирного разрешения международных споров совершенно незаслуженно и обидно находятся в забвении и пренебрежении. Причем таковые исходят не только со стороны «цивилизованного Запада», но и со стороны нас, не совсем благодарных потомков тех, кто даже в условиях грозowych туч приближающихся мировых войн умел видеть (как луч солнца в темном царстве) возможность альтернативного мирного развития событий, основанную на внимательном диалоге, умении различных государств мира учитывать суверенные интересы и законные опасения друг друга, вырабатывать сложные, но столь необходимые компромиссные решения по важнейшим вопросам междоусобной жизни.

Несомненное достижение нашей страны, явившееся провозвестником будущего объединения человечества в его противостоянии ужасам войны и вечного соперничества в форме Лиги Наций и Организации Объединенных Наций, было осознанно и цинично вымарано из отечественной истории большевистским правительством, для которого любые миротворческие действия царского правительства воспринимались исключительно как «двуличные» и «циничные». В 1990–2000-е гг., несмотря на реабилитацию имперского периода нашей истории и царской дипломатии, а также некоторый всплеск исследовательского интереса в контексте 100-летнего юбилея обеих конференций в 1999 и 2007 гг., отечественная политическая доктрина и научное сообщество находились в плену той концепции мировой истории, которая сложилась в западных странах и не предполагала значительной самостоятельной роли России в обеспечении и совершенствовании мирового порядка. Более того, в условиях нарастающей девальвации значения СССР в создании

и поддержании глобального мира и безопасности после Второй мировой войны главные бенефициары нового однополярного мира отнюдь не были заинтересованы в реабилитации императорской России в качестве ведущего, передового, системообразующего субъекта международных отношений.

Признание подлинного значения Гаагского движения взрывает классическую картинку, тиражируемую практически неизменно в течение последних более чем ста лет: западные демократии (США, Великобритания и в меньшей степени Франция) вели последовательную борьбу против реакционных империй, противившихся всему новому и прогрессивному, и только после решительного поражения и фактически распада трех имперских образований – России, Германии и Австро-Венгрии – смогли обеспечить наиболее справедливое мироустройство в виде Версальской мирной системы и Лиги Наций.

В таком контексте предлагается забыть о колониализме, империализме, военных преступлениях просвещенной Европы и Северной Америки, пренебрежении интересами большей части человечества на протяжении столетий. Ведущая роль России как в развитии Гаагского движения, так и в создании и развитии Организации Объединенных Наций подрывает данную западоцентристскую модель мировой новейшей истории.

Итак, отмеченные обстоятельства обуславливают всестороннее историко-правовое значение изучения поднятой проблемы.

Материалы и методы. Историография проблемы

Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагских конференций мира, актов Министерства иностранных дел Российской империи, в частности Циркулярного сообщения министра иностранных дел пребывающим в Санкт-Петербурге представителям иностранных государств от 30 декабря 1898 г., международных договоров, научной литературы.

Первые публикации, посвященные Гаагским форумам, появляются непосредственно после завершения конференций, но, в силу скоротечности и некоторой эмоциональности, не представляют глубокий и системный анализ результатов Гаагского процесса. Особняком следует отметить характеристику конференции, данную непосредственными ее участниками, делегатами России Ф. Ф. Мартенсом [1] и И. А. Овчинниковым [2].

Следует отметить развернутый труд У. Халла [3], посвященный обеим Гаагским конференциям в контексте их значимости для развития международного права, и двухтомное издание Дж. Скотта [4].

В целом в советской научной литературе доминировало сверхкритическое отношение к Гаагским конференциям, в основном рассматривавшимся в контексте конъюнктурных интересов империалистических держав. В этот период, однако, следует отметить работу пензенского исследователя Александра Ивановича Данилина, который исследовал обсуждение вопросов третейского суда на Первом Гаагском форуме [5].

Ключевым диссертационным исследованием (хотя и весьма давним – 2001 г.) в изучаемой области является работа Н. Ю. Николаева, посвященная роли российской дипломатии в организации и проведении Первой Гаагской конференции мира [6]. Некоторые аспекты рассматриваемой проблематики

затрагиваются также в диссертационных работах В. А. Котенева, Л. А. Фишер, Г. Н. Четверухина, Т. В. Шаповалова.

Особое значение имеет работа системного исследования роли России в организации и проведении Первой Гаагской конференции мира И. С. Рыбаченок [7]. Следует отметить также монографические исследования В. В. Пустогарова и А. В. Игнатьева, а также ряд содержательных статей Е. Р. Воронина, О. В. Гликман, А. В. Игнатьева, В. В. Пустогарова, Ю. М. Саямова, А. А. Синдеева, И. З. Фархутдинова, С. И. Чернявского.

Результаты

Россия на протяжении столетий остается важным элементом европейской, евразийской и глобальной системы международных отношений. Рубеж XIX–XX вв. ознаменовал возрастание напряженности во взаимодействиях великих держав, обострение борьбы между ними за раздел и в большей степени передел сфер влияния, колониальных владений, экономических ресурсов. Наряду с «классическими» великими державами XIX столетия – Российской империей, Британской империей, Францией и Австро-Венгрией – все большее значение в глобальной политике начинают играть «новые державы» – все более отклоняющиеся от классической «доктрины Монро» Соединенные Штаты Америки, существенно преобразованная после «революции Мэйдзи» императорская (а по сути капиталистическая) Япония, наращивающие мощь после импульса национально-освободительных движений и последующего объединения Италия и Германия.

Последняя не только добилась вооруженным путем признания своего права на суверенитет и даже статус великой державы, но и готова была бросить вызов другим державам в борьбе за глобальное переустройство миропорядка. Следует признать, что англосаксонские державы – Великобритания и США – существенно поспособствовали демонизации образа Германской империи (как, впрочем, и Российской империи даже в эпоху недолгого союзничества этих держав), что способствовало в том числе глобальной поляризации политических сил и создало благоприятную почву для развязывания Первой мировой войны, а впоследствии и для германского реваншизма и скатывания в пропасть Второй мировой войны.

Предпосылки и причины созыва Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг., процесса, позже получившего наименование «Гаагское движение», многообразны и подчас противоречивы. Прежде всего к ним следует отнести нарастающий процесс глобализации, выражающийся в росте взаимосвязи и взаимозависимости различных стран и регионов мира не только в экономической плоскости, но и во всем многообразии социальных, политических, духовно-культурных связей. Человечество во все большей степени осознает единство своего развития, целостность, общую ответственность за будущее, вызовы, тревоги и надежды настоящего миропорядка.

Несмотря на это нарастающее объективное единство и его осознание, а возможно, в качестве прямого следствия данного процесса, обостряются межгосударственные противоречия, нарастает национализм, каждое государство стремится реализовать свои эгоистические интересы за счет ущемления законных прав и интересов других держав. Именно в данный период формируются военно-политические блоки, впоследствии ставшие осью будущего

общеевропейского вооруженного противостояния времен Первой мировой войны (Тройственный союз и Антанта). Все более настойчиво проявляется несостоятельность взятого изолировано «европейского концерта» великих держав как географически, так и с точки зрения репрезентативности средних и малых государств и соответствующих народов.

На позицию России существенное влияние оказывало геополитическое положение страны с ее протяженной сухопутной границей и большим количеством морей, не связанных непосредственно друг с другом, что в обоих случаях ставило вопрос затруднительности коммуникаций, особенно при необходимости ведения полномасштабной войны. Прежде всего следует отметить нарастающее напряжение во взаимоотношениях с непосредственными соседями на западе – Германией и Австро-Венгрией. Наряду с этим постоянной воспринималась угроза как с моря, так и со стороны сухопутных границ, в частности в Средней Азии, исходящая от Великобритании.

Ситуацию усугубляло определенное все более тревожное отставание России в экономическом развитии не только от традиционных лидеров в этой области – Великобритании и Франции, но и от динамично развивающихся новых индустриальных мировых лидеров – Соединенных Штатов Америки и Германии. Тревожила и новая японская угроза на Дальнем Востоке [8, с. 33–34].

Другим важным фактором стало развитие различных общественных движений, выступающих в поддержку развития мирных альтернатив для разрешения общеевропейских противоречий и обеспечения поступательного и мирного развития общемировых процессов. Так, начало пацифистского движения принято относить к деятельности первых групп и организаций, возникших под влиянием и как реакция на наполеоновские войны в Великобритании и Соединенных Штатах. Непримируемости и агрессивности этой эпохи такие группы и организации противопоставляли идеалы разоружения, запрета вооруженных конфликтов как средства разрешения споров между цивилизованными народами, развитие международного арбитража (третейского суда), посредничества, добрых услуг, консультаций и иных способов ненасильственного разрешения межгосударственных столкновений.

Несомненно, значимую роль в развитии пацифизма и мирных инициатив сыграло создание в 1889 г. Межпарламентского союза, ставшего организационным центром различных мирных мероприятий и инициатив. В Российской империи идеи ненасилия и отрицания войны также получили значительное распространение. Рупором нового движения, несомненно, стал весьма влиятельный журнал «Вестник Европы» [9, с. 35]. Сам термин «пацифизм», восходящий к латинским терминам «рах» («мир») и «facio» («делаю»), сравнительно молодой, поскольку получил широкое распространение лишь в начале прошлого столетия. В России различные концепции миротворчества, пацифизма, ненасилия наиболее последовательно высказывали Л. Н. Толстой, Н. Я. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин [10, с. 143–150].

Так, Лев Николаевич Толстой, сформулировавший доктрину непротивления злу насилием, скептически отнесся к внесению вопроса о разоружении в повестку дня мирной конференции, сочтя это «бессмысленным и неуместным», поскольку правительства ни при каких обстоятельствах не позволят отказ своих подданных или граждан от исполнения воинской повинности, поскольку такой отказ «подрывает в ее основании власть правительства и даже

смысл его существования» [11, с. 19]. По мнению Льва Николаевича, инициатива российского императора лишь проявление лицемерия, стремившегося под красивым лозунгом решить конъюнктурные внутриполитические, равно как и внешнеполитические, проблемы [11, с. 21].

Интересен концептуальный ответ другого выдающегося российского мыслителя И. А. Ильина, который призывал, напротив, «противиться злу из любви», поскольку следует различать насилие как самоцель, упоение насилием и насилие инструментальное, становящееся зачастую единственным препятствием на пути зла. Поэтому война должна быть непременно ограничена, во-первых, исходя только от подлинно легитимной, опирающейся на всенародное доверие власти, действующей в народных интересах; во-вторых, признанием ее только крайним, исключительным средством при исчерпании всех иных форм и способов разрешения споров; в-третьих, принципом пропорциональности насилия, ее соразмерности соответствующей угрозе [12, с. 108].

Следует отметить и противоположные тенденции и процессы, развившиеся в росте националистических, шовинистических движений и акций в различных странах Европы. Действительно, рубеж XIX–XX столетий и первой трети нового столетия был отмечен небывалым ростом радикальных идеологических и практически-политических течений от крайне левых (коммунизм, анархизм) до крайне правых (различные формы националистической идеологии вплоть до формирования фашизма и национал-социализма).

В Российской империи в 1904–1905 гг. прошла серия погромов, направленная против еврейского населения. Не менее масштабной и неприемлемой является массовая истерия в средствах массовой информации, направленная на изгнание татарского населения в Турцию, получившая твердую отповедь в стихотворении «Не уйдем!» татарского народного поэта Габдуллы Тукая [9, с. 35].

Значительным фактором, способствовавшим российской мирной инициативе, был и рост активности рабочих и крестьянских движений, создание нелегальных партий, в том числе социал-демократов и социалистов-революционеров с резко антиправительственной и антимонархической направленностью.

Представляет интерес и отношение к предстоящей конференции со стороны зарубежных интеллектуалов. С резким неприятием мирной российской инициативы выступила германская интеллектуальная элита. Так, накануне Гаагского форума в Берлине издали сборник работ виднейших, на взгляд составителей, представителей европейских научных кругов, причем с наибольшей долей скепсиса в отношении перспектив открывающегося собрания высказывались именно немецкие общественные деятели. Выдающийся немецкий историк назвал предстоящую Гаагскую конференцию «опечаткой в истории, о которой нечего и говорить», а К. Фишер нелюбезно провозгласил: «Из трех добродетелей: веры, надежды и милосердия, первые две покидают меня, когда я думаю о конференции». Сходные прогнозы и оценки давали и другие представители германской науки: профессора К. Ф. Барр, Х. Рэм, П. Лабанд, Ф. Штерк, Ф. Цорн [13, с. 43–44].

Все эти факторы делали Россию практически идеальным кандидатом для новой мирной инициативы. Не следует, однако, недооценивать роль конкретных

исторических деятелей, прежде всего российского императора Николая II, в организации двух Гаагских собраний. Так, А. В. Игнатьев прямо заявляет об отсутствии системной внешней политики России на данном этапе, особом значении «установок, складывавшихся у царя под влиянием воспитания, собственного опыта и советов его сановников» [8, с. 38–39].

В еще даже большей степени обозначившиеся на рубеже веков факторы проявились накануне созыва Второй Гаагской конференции мира. Действительно, несчастливая и трагическая для нашей страны Русско-японская война, Русская революция 1905–1907 гг., нарастание все новых противоречий в клубе великих держав, необходимость глубокого перевооружения армии и флота, масштабной реорганизации экономики, социальное примирение, восстановление престижа на международной арене – все это, казалось, с неизбежностью вело к повторной мирной инициативе российского императора.

Действительно, стратегия министра иностранных дел А. П. Извольского состояла в проведении политики балансов и договоренностей, которая обеспечила бы России мирную передышку, необходимую для традиционно русского процесса: «Россия сосредоточивается». Наряду с заключением в 1907 г. ряда значимых двусторонних соглашений с крупнейшими державами России предстояло решить даже более сложную задачу – отсрочить на какой-то значимый срок (по оценке самого Извольского 10–15 лет, вспомним также требование П. А. Столыпина по поводу мирного двадцатилетия для процветания России) прямое столкновение между Великобританией и Германией либо по крайней мере постараться остаться вне участников предстоящего вооруженного конфликта [8, с. 41–42].

Триггером, сделавшим российское предложение почти неизбежным, стала странная, скорее даже откровенно недружественная и издевательская инициатива североамериканского президента Теодора Рузвельта созвать Вторую конференцию мира уже под эгидой США. Россия в такой ситуации не могла принять подобное развитие событий. Во-первых, она признала бы таким образом, что утрачивает не только военно-политический, но и своего рода моральный авторитет в международном сообществе. Во-вторых, беззастенчивая попытка американцев воспользоваться трудным внутренним и внешним положением Российской империи и «умыкнуть» столь привлекательный в их глазах бренд всемирного миротворчества должна была получить быстрый и эффективный дипломатический отпор. И надо признать, что российской дипломатии это удалось. События происходили стремительно: менее чем через год после американского предложения министр иностранных дел России Ламздорф 26 августа 1905 г. обратился в адрес сорока семи стран мира с предложением созвать вторую конференцию мира в Гааге. При этом особо упоминалась как изначальная инициатива российского императора по созыву Первого Гаагского собрания, так и изящно интерпретированная российской дипломатией «поддержка данной идеи» со стороны администрации Теодора Рузвельта [14, с. 29–30].

Прежде чем перейти непосредственно к краткой характеристике двух Гаагских конференций, нельзя не упомянуть и о значительной научной, правовой, публицистической традиции, подготовившей почву для Гаагского движения.

Идея общего мира, ограничения вооружений и даже запрета войны как формы межгосударственного взаимодействия прослеживается в трудах испанцев Ф. де Витории и Б. Айалы, в знаменитом трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира», в призыве «К вечному миру» Иммануила Канта, в учении о справедливых и несправедливых войнах швейцарца Э. де Ваттеля [15, с. 168–169].

12 августа 1898 г. циркулярная нота российского Министерства иностранных дел объявила о созыве собрания с целью обсуждения вопроса об «охранении всеобщего мира и возможном сокращении тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений». Однако российская инициатива с самого начала столкнулась с волной скепсиса и даже враждебности. Откровенно недоброжелательное отношение продемонстрировала Германия (подобную враждебную линию Германия проводила и непосредственно во время работы конференции [13, с. 43–46]), явная сдержанность и недоверие сквозили в высказываниях государственных деятелей Великобритании и США, а союзница России – Франция – и вовсе отнеслась весьма негативно к российской инициативе.

Несмотря на такой негативизм великих держав, ни одна из них не решилась прослыть врагом мира в глазах общественного мнения и малых стран, которые, напротив, с воодушевлением восприняли идею проведения широкого мирного форума [14, с. 25–26].

В конечном счете российское предложение приняли 20 европейских стран и шесть неевропейских, включая США, Мексику, Китай, Японию, Персию, Сиам. Болгария смогла принять участие в конференции, но, по настоячивому требованию Турции, без права решающего голоса.

Знаменательно, что открытие созванной по инициативе российского императора Николая II Первой Гаагской конференции мира состоялось именно 18 мая 1899 г., в 31-й день рождения российского императора. Причем выбор Гааги и Нидерландов в качестве места проведения столь значимого форума отнюдь не случаен. Здесь следует признать значение не только последовательно проводимой в рассматриваемый период Нидерландами нейтральной политики, наличия родственных связей между домами Романовых и Нассау, признания Гааги крупным центром развития юриспруденции и, в частности, международного права, но и личного деятельного участия 19-летней королевы Вильгельмины в организации конференции, что нашло прямое выражение в пожаловании российским императором ее величеству высшей женской награды Российской империи – Большого креста ордена Св. Екатерины [16, с. 35].

Второй Гаагский форум собрался 15 июня и завершился 18 октября 1907 г. Он стал наиболее масштабным [4, р. 112–124] для своего времени как с точки зрения количества участников (270 делегатов из 44 стран, тогда как на первой конференции присутствовали представители 26 государств), так и с точки зрения географического многообразия (Западная и Восточная Европа, Азия, Северная, Центральная и Южная Америка). Председательствующим был единодушно избран именно представитель нашей страны – Александр Иванович Нелидов. Председателями комиссий стали представители держав, занимавших по ключевым вопросам умеренную позицию: Первая комиссия (пересмотр арбитражных конвенций 1899 г.) – Леон Буржуа;

Вторая комиссия (законы и обычаи ведения сухопутной войны) – бельгиец Август Беернаерт; Третья и Четвертая комиссии (законы и обычаи ведения морской войны) – итальянец Торниелли и профессор Мартенс из России.

Как впоследствии с некоторым пафосом изложил в своем очерке о Второй Гаагской конференции мира один из секретарей российской делегации барон Б. Э. Нольде, «по алфавиту государств в большой зале рыцарей было рассажено все человечество» [17, с. 467]. Действительно, на современников такое широкое собрание не могло не произвести впечатление.

Каждая делегация состояла из полномочных представителей и технических делегатов, которые, в отличие от первых, не могли заключать и подписывать акты, а выступали лишь в качестве советников и экспертов. Кроме того, каждая делегация имела необходимый штат секретарей. Обратимся к составу делегации, направленной российским правительством. Первым полномочным представителем был «старейшина русской дипломатии», участник Сан-Стефанских мирных переговоров Александр Иванович Нелидов, бывший послом в Константинополе, Риме, Париже и игравший значительную роль в определении внешней политики России [18]. По свидетельству А. П. Извольского, Нелидову предлагалось в 1906 г. возглавить внешнеполитическое ведомство России, но он предпочел отказаться от этого предложения [19, с. 24].

Вторым российским делегатом был профессор Санкт-Петербургского университета, почетный доктор Кембриджского, Оксфордского и других университетов Федор Федорович Мартенс [20], с 1884 г. президент Европейского Института Международного Права, участник Брюссельской 1874 г., Гаагской 1899 г., Портсмутской 1905 г. и многих других международных конференций, заслуживший своей многообразной деятельностью почетное звание «Глава христианского правосудия».

Николай Валерьевич Чарыков, третий полномочный представитель и посланник в Гааге, выступал обычно в качестве оратора российской делегации в комиссиях и комитетах. В будущем известный в качестве основного участника знаменитого «демарша Чарыкова» (инцидента 1911 г., связанного с требованием открытия Черноморских проливов для военных кораблей России в условиях войны Италии и Турции) [21, с. 102–107], он уже к 1907 г. имел опыт участия в разрешении проблемных ситуаций в Центрально-Азиатском, Ближневосточном, Балканском регионах, наиболее пульсирующих точках международной дипломатии того времени, а также активно разрабатывал проблему постепенной трансформации института международных договоров от категории «вечных» к «относительным» в контексте ограничения и последующего запрещения вооруженного способа разрешения международных спорных ситуаций [22, с. 290–294].

В состав российской делегации также вошли военный атташе в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов, военный атташе в Берлине полковник А. А. Михельсон, морской представитель в Лондоне капитан 1-го ранга Ф. И. Берг, посланник в Бразилии М. Э. Прозер, а также профессор международного права Морской академии И. А. Овчинников, позитивно оценивший итоги работы Гаагского форума [23].

Именно глава российской делегации А. И. Нелидов при открытии конференции изложил российское видение ее задач, отметив две первостепенные

задачи, стоящие перед делегатами: «обеспечить средства дружественного решения любых разногласий, могущих возникнуть между нациями, и предотвратить, тем самым, ссоры и вооруженные конфликты»; «попытаться, если война все же начнется, уменьшить ее тяготы как для самих воюющих, так и для нейтралов».

Заключение

Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг., инициатором проведения которых выступил российский император Николай II, явились, пожалуй, первой масштабной попыткой радикального реформирования всей системы международных отношений, утверждения идеи широкого правового регулирования межгосударственных отношений [24, с. 20–29]. К сожалению, эта попытка окончилась неудачей. Намеченной на 1915 г. Третьей конференции не суждено было собраться. За полыхающим огнем Первой мировой войны трудно было увидеть всеобщее благоденствие и процветание человечества, которые провозглашались главной целью Гаагского движения.

И все же значение этих форумов выходит далеко за рамки соответствующего исторического периода. В Гаагском движении просматривается прообраз будущих универсальных международных организаций – Лиги Наций и Организации Объединенных Наций, а проблематика, заявленная организаторами конференций, актуальна и по сей день. Прежде всего, следует отметить значительное формально-юридическое наследие Гаагского движения, инициированного Россией. Гаагские конвенции и декларации составляют общепризнанное международное гуманитарное право [25], являясь достоянием всего человечества. Под прямым влиянием данных форумов было создано первое в истории человечества международное судебное учреждение – Постоянная палата третейского суда в Гааге. Сам город Гаага стал одним из важнейших центров международной дипломатии и права, по предложению Ф. Ф. Мартенса в этом городе был построен Дворец правосудия как воплощение лучших надежд человечества на процветание и мир. В ходе работы конференций были выработаны, пусть и не сформулированы точно и не закреплены юридически, будущие основные принципы международного права, провозглашенные спустя десятилетия в ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций: суверенного равенства государств, сотрудничества государств, мирного решения международных споров.

Список литературы

1. Мартенс Ф. Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. № 3. С. 9–10.
2. Овчинников И. А. Вторая Гаагская конференция мира. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1908. 34 с.
3. Hull W. I. The Two Hague Peace Conferences and their contributions to international law. Boston : Ginn and Co, 1908. 516 p.
4. Scott J. Br. The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907 : in 2 vols. Oxford : Oxford University Press, 1921. Vol. 1–2. 548 p.
5. Данилин А. И. Проблема международного арбитража и позиции США и Германии на Первой Гаагской конференции мира // Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века (история и историография) :

- межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. К. Фураев ; Ленингр. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Л. : ЛГПИ, 1983. С. 136–143.
6. Николаев Н. Ю. Россия и Гагская мирная конференция 1899 года : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Волгоград, 2001. 247 с.
7. Рыбаченок И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 391 с.
8. Игнатьев А. В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 32–43.
9. Фархутдинов И. З. Гагские мирные конференции 1899 и 1907 гг.: кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 29–36.
10. Громова Е. А. Миротворческий дискурс в отечественной социально-философской мысли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2013. № 2 (20). С. 143–150.
11. Николаев Н. Ю. Л. Н. Толстой и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2 (18). С. 17–23.
12. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. 731 с.
13. Николаев Н. Ю. Германия и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. № 10. С. 43–46.
14. Чернявский С. И. Вторая Гагская конференция мира 1907 года: взгляд через 110 лет // Tractus Aevorum. 2017. № 4 (1). С. 23–30.
15. Ильинская О. И. Формирование принципа запрещения агрессивных войн до создания Организации Объединенных Наций // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 167–176.
16. Саямов Ю. М. О гагских конференциях мира 1899 г. и 1907 г. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46.
17. Нольде Б. Э. Вторая Конференция мира. Очерк // Вестник Европы. 1908. Т. II (4) С. 461–490.
18. Рич Д. Покойный старейшина русской дипломатии: А. И. Нелидов: (Из воспоминаний старого корреспондента). СПб. : Типо-лит. К. И. Лингард, 1910. 16 с.
19. Извольский А. П. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского ; предисл. Л. Нежданова. Петроград ; М. : Петроград, 1924. 191 с.
20. Пустогаров В. В. Федор Федорович Мартенс – юрист, дипломат. М. : Международные отношения, 1999. 290 с.
21. Фишер Л. А. Демарш Чарыкова в 1911 г. и проблема Черноморских // Известия университета им. А. И. Герцена. Научный журнал. 2009. № 93. С. 102–107.
22. Чернов О. А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н. В. Чарыкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 290–294.
23. Овчинников И. Вторая Гагская Конференция Мира. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1908. 34 с.
24. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Содержание и итоги работы Первой Гагской конференции мира 1899 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 20–29.
25. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 30–39.

References

1. Martens F.F. The Hague Peace Conference: a cultural and historical essay. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*. 1900;(3):9–10. (In Russ.)
2. Ovchinnikov I.A. *Vtoraya Gaagskaya konferentsiya mira = Second Hague Peace Conference*. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va, 1908:34. (In Russ.)
3. Hull W.I. *The Two Hague Peace Conferences and their contributions to international law*. Boston: Ginn and Co, 1908:516.
4. Scott J.Br. *The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907: in 2 vols*. Oxford: Oxford University Press, 1921;1–2:548.
5. Danilin A.I. The problem of international arbitration and the positions of the United States and Germany at the First Hague Peace Conference. *Evropeyskie gosudarstva i SShA v mezhdunarodnykh otnosheniyakh pervoy poloviny XX veka (istoriya i istoriografiya): mezhvuz. sb. nauch. tr. = European states and the United States in international relations of the first half of the twentieth century (history and historiography): interuniversity collected papers*. Leningrad: LGPI, 1983:136–143. (In Russ.)
6. Nikolaev N.Yu. *Russia and the Hague Peace Conference of 1899: PhD dissertation*. Volgograd, 2001:247. (In Russ.)
7. Rybachenok I.S. *Rossiya i Pervaya konferentsiya mira 1899 goda v Gaage = Russia and the First Peace Conference of 1899 in The Hague*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004:391. (In Russ.)
8. Ignat'ev A.V. The uniqueness of Russian foreign policy at the turn of the 19th and 20th centuries. *Voprosy istorii = Issues of history*. 1998;(8):32–43. (In Russ.)
9. Farkhutdinov I.Z. The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907: Who unleashed the First World War? A doctrinal study of the formation of a modern model of international relations in the context of the development of international law. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2020;(4):29–36. (In Russ.)
10. Gromova E.A. Peacekeeping discourse in Russian social and philosophical thought. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy*. 2013;(2):143–150. (In Russ.)
11. Nikolaev N.Yu. L.N. Tolstoy and the Hague Peace Conference of 1899. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations*. 2010;(2):17–23. (In Russ.)
12. Il'in I.A. On resisting evil with force. *Put' k ochevidnosti = The path to obviousness*. Moscow: Respublika, 1993:731. (In Russ.)
13. Nikolaev N.Yu. Germany and the Hague Peace Conference of 1899. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations*. 2005;(10):43–46. (In Russ.)
14. Chernyavskiy S.I. The Second Hague Peace Conference of 1907: a look back 110 years later. *Tractus Aevorum*. 2017;(4):23–30. (In Russ.)
15. Il'inskaya O.I. Formation of the principle of prohibition of aggressive wars before the creation of the United Nations. *Lex Russica*. 2017;(8):167–176. (In Russ.)
16. Sayamov Yu.M. On the Hague Peace Conferences of 1899 and 1907. *Rossiya i sovremennyy mir = Russian and modern world*. 2017;(3):33–46. (In Russ.)
17. Nol'de B.E. The Second Peace Conference. Essay. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*. 1908;II(4):461–490. (In Russ.)
18. Rich D. *Pokoynyy stareyshina russkoy diplomatii: A.I. Nelidov: (Iz vospominaniy starogo korrespondenta) = The late elder of Russian diplomacy: A.I. Nelidov: (From the memoirs of an old correspondent)*. Saint Petersburg: Tipo-lit. K.I. Lingard, 1910:16. (In Russ.)
19. Izvol'skiy A.P. *Vospominaniya = Memories*. Translated from English by A. Speransky; preface by L. Nezhdanov. Petrograd; Moscow: Petrograd, 1924:191. (In Russ.)

20. Pustogarov V.V. *Fedor Fedorovich Martens – jurist, diplomat = Fyodor Fyodorovich Martens – lawyer, diplomat*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999:290. (In Russ.)
21. Fisher L.A. Charykov's demarche in 1911 and the Black Sea problem. *Izvestiya universiteta im. A.I. Gertsena. Nauchnyy zhurnal = Proceedings of Herzen University. Scientific journal*. 2009;(93):102–107. (In Russ.)
22. Chernov O.A. Peace treaties and problems of international security: the concept of N. V. Charykov. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: History. International relations*. 2018;18(3):290–294. (In Russ.)
23. Ovchinnikov I. *Vtoraya Gaagskaya Konferentsiya Mira = Second Hague Peace Conference*. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va 1908:34. (In Russ.)
24. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. Contents and results of the work of the First Hague Peace Conference of 1899. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(4):20–29. (In Russ.)
25. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The importance of the Second Hague Peace Conference in the codification of the laws and customs of war. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):30–39. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук, доцент
кафедры уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40);
заведующий кафедрой юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of criminal law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
head of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch
of Moscow Witte University
(25B Vyazemskogo street, Penza, Russia)

Наталья Анатольевна Павлова

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru

Natalia A. Pavlova

Candidate of pedagogical sciences,
head of the sub-department of foreign
languages, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 31.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.05.2025

Принята к публикации / Accepted 24.08.2025

УДК 942.055;316,485.2;81.2
doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-8

Из истории семьи английского йомена середины XVII в. (по материалам дневника и завещаний)

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vm@em-england.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Для изучения английского общества в переломную эпоху важно иметь представление о повседневной жизни различных социальных слоев. Это позволит лучше понять динамику развития всего общества. Целью данного исследования является изучение в контексте микроистории одного из семейств слоя йоменов. Это дает возможность определить их материальную состоятельность, а также социальную роль в обществе. Необходимо проследить, чем жили йомены, какие проблемы их интересовали, насколько они были погружены в хозяйственные дела, как отдыхали и развлекались, каковы были их экономические, политические, социальные и религиозные интересы в данный период. *Материалы и методы.* В основу исследования был положен принцип историзма, были применены сравнительно-исторический метод исследования, метод анализа и синтеза, кейс-стадис, анализируются дневник и завещания йомена Адама Эйра и его семейства середины и второй половины XVII в. *Результаты.* Анализ дневника показывает, что его автор вел социально активный образ жизни: организовал борьбу за изгнание неугодного большинству прихожан священника (оставил петицию о нарушениях священника, собрал подписи прихожан, ездил с ней в столицу, в Парламент), участвовал во всех похоронных обрядах, праздниках и развлечениях, проводил ревизию церковно-приходских отчетов старост. Личная повседневная жизнь Эйра также была активной: поездки к знакомым, по различным делам в соседние селения и другие города, прием гостей, игра в футбол, охота, рыбалка, регулярное посещение храма и слушания проповедей, чтение Библии и светских книг. Его хозяйственная деятельность в большей мере была акцентирована на финансовые операции, хотя у него и были земельные держания и немного скота. Как и другие йомены, он использовал в своем хозяйстве наемный труд. Он оставил после своей кончины жене и ближайшим родственникам в целом хорошее наследство, но оно было во многом распределено среди его родни. Супруга же его не занималась хозяйством, и ее материальное состояние, судя по ее завещанию, заметно сократилось. *Выводы.* Английский йомен Адам Эйр и его родственники были современниками гражданских войн в 1640-е гг., Революции, Протектората Кромвеля и реставрации монархии в 1660 г. Все эти события отразились на судьбах Эйров, которые по политическим взглядам были сторонниками Парламента, как и большинство йоменов. Адам Эйр сам участвовал в первой гражданской войне, но впоследствии предпочел спокойную сельскую жизнь. Причитающееся жалование за военную службу ему так и не выплатили, как и многим другим йоменам, воевавшим в армии Т. Ферфакса. По своим земельным держаниям и движимому имуществу, а также финансам он был зажиточным. Большое внимание он уделял финансовым сделкам: занимал деньги, отдавал долги, сам давал займы. Однако за два года не смог погасить все свои задолженности. Его занятие сельским хозяйством, использование наемного труда, торговля, отражены в дневнике в гораздо меньшей мере, но заметно, что доходы его от хозяйства были небольшими по сравнению с его расходами. Это значит, что немалые доходы Адам Эйр имел от каких-то

финансовых операций. Он вел социально активный образ жизни в масштабе своего церковного прихода и не только. Был инициатором различных общественных дел. Знал о текущих политических процессах в стране, хотя политикой особенно не интересовался. Его социальная активность свидетельствует о лидерстве в своем церковном приходе. Это отразилось и на неформальном повышении его статуса в обществе. Привлечение аналогичных источников по другим регионам Англии позволит провести компаративный анализ повседневной жизни йоменов, выявляя общие и особенные моменты в их имущественном положении и социальной жизни.

Ключевые слова: Адам Эйр, йомены, дневник, завещания, земли, доход, займы, расходы, имущество

Для цитирования: Митрофанов В. П. Из истории семьи английского йомена середины XVII в. (по материалам дневника и завещаний) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 89–102. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-8

From the history of the English yeoman family in the middle of the 17th century (by the materials from the diary and wills)

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia

vm@em-england.ru

Abstract. Background. To study English society in a turning point, it is important to have an idea of the daily life of various social strata. This will allow us to better understand the dynamics of the development of the entire society. The purpose of this work is to study one of the families of the yeoman class in the context of microhistory. This will make it possible to determine their material well-being, as well as their social role in society. It is necessary to trace how the yeomen lived, what problems interested them, how immersed they were in economic affairs, how they rested and had fun, what were their economic, political, social and religious interests during this period. *Materials and methods.* Following the principle of historicism, applying the comparative historical method of research, the method of analysis and synthesis, using the case study method, the diary and wills of yeoman Adam Eyre and his family of the middle and second half of the 17th century are analyzed. *Results.* Analysis of the diary shows that its author led a socially active lifestyle: he organized a struggle to expel a priest who was objectionable to the majority of parishioners (he drew up a petition about the priest's violations, collected signatures from parishioners, and traveled with it to the capital and to Parliament), participated in all funeral rites, holidays, and entertainment, and audited church and parish reports of the elders. Eyre's personal everyday life was also active: trips to visit acquaintances, to neighboring villages and other cities on various business, receiving guests, playing football, hunting, fishing, regularly attending church and listening to sermons, reading the Bible and secular books. His economic activity was largely focused on financial transactions, although he had land holdings and some cattle. Like other yeomen, he used hired labor in his farm. After his death, he left his wife and immediate family, in general, a good inheritance, but which was largely distributed among his relatives. His wife was not involved in housekeeping and her financial situation, judging by her will, had noticeably decreased. *Conclusions.* English Yeoman Adam Eyre and his relatives were contemporaries of the civil wars of the 1640s, the Revolution, the Cromwellian Protectorate and the restoration of the monarchy in 1660. All these events affected the fates of the Eyres, who were supporters of Parliament in their political views,

like most yeomen. Adam Eyre himself fought in the first civil war, but later preferred a quiet rural life. He was never paid his due salary for his military service, like many other yeomen who fought in T. Fairfax's army. In terms of his land holdings and movable property, as well as his finances, he was prosperous. He paid great attention to financial transactions: he borrowed money, repaid debts, and lent money himself. However, in two years he was unable to pay off all his debts. His activities in agriculture, the use of hired labor, and trade are reflected in the diary to a much lesser extent, but it is noticeable that his income from the farm was small compared to his expenses. This means that he had considerable income from some financial transactions. He led a socially active lifestyle in his church parish and beyond. He was the initiator of various public affairs. He knew about the current political processes in the country, although he was not particularly interested in politics. His social activity demonstrates leadership in his church parish. This was also reflected in the informal increase in his status in society. Involvement of similar sources in other regions of England will allow for a comparative analysis of the daily life of yeomen, identifying common and special aspects in their property status and social life.

Keywords: Adam Eyre, yeomen, diary, wills, lands, income, loans, expenses, property

For citation: Mitrofanov V.P. From the history of the English yeoman family in the middle of the 17th century (by the materials from the diary and wills). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):89–102. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-8

Категорию сельского населения Англии данного периода, именуемую йомены, современники не относили к дворянству, они считались лишь зажиточными свободными крестьянами, именуемыми фригольдерами, значительная часть которых имели по сути дела уже фермерские хозяйства и, соответственно, в экономическом плане приближались к новому дворянству или, иначе, джентри. В отличие от последних сами трудились в своих хозяйствах, хотя некоторые из них могли использовать наемный труд батраков. Так, в частности, приходской священник Уильям Харрисон в своем трактате «Описание Англии» писал, что йомены юридически – свободнорожденные. Их ежегодный годовой доход от земли колебался, начиная от 2 до 6 фунтов стерлингов (ф. ст.). Он полагал, что по социальному статусу они были тождественны французской социальной категории, которых когда-то в Англии именовали «слуги» (франц. “varlets”), но в его время их уже так не называли. Автор отметил их материальный достаток. В основном йомены были фермерами-держателями от джентльменов. Он заметил, что они могли заниматься не только земледельческим хозяйством, но и ремеслами, а также быть скотоводами, причем тесно связанными с рынком. Харрисон отметил, что йомены используют труд батраков, но и сами трудятся в своих хозяйствах. Он полагал, что в его время (1570-е гг. – прим. В. М.) численность йоменов составляла 80 тыс. человек. Говоря об их социальном положении, автор отвел им третью ступень, т.е. ниже джентльменов и горожан [1, p. 94, 117–118].

Примерно в таком же духе писал о йоменах и другой автор конца XVI – начала XVII в., Томас Уилсон, в трактате «Государство Англия в 1600 г.». Ссылаясь на некие «книги шерифов», он, как и Харрисон, определяет их численность в 80 тыс. человек. Однако заметил, что в его время немало йоменов в материальном плане были бедны, и полагал, что зажиточными из них являлись только 10 тыс. В социальной иерархии английского общества начала XVII в. он, как и Харрисон, отводит йоменам третье место после дворян

и горожан [2, р. 17–19]. Как показала британский исследователь Милдред Кэмпбелл, пахотные наделы йоменов в основном были на правах фригольда, но отчасти могли быть и копигольдом. Йомены могли быть и в числе участников внутриманориальных огораживаний по соглашению, содержателями пивных заведений, иметь мельницы и т.д. [3, р. 25, 89–95, 105–155]. Их земельные держания могли составлять от 25 до 200 акров земли в сельскохозяйственных регионах и 500–600 акров в пастбищных [3, р. 102]. В то же время некоторые из них могли даже выплачивать гериот лордам маноров, архаичный для XVII в. платеж, характерный для лично зависимых крестьян (вилланов) в предыдущие столетия [4, р. 36]. Данная категория английского общества была предметом исследования как англоязычных, так и российских историков. Их роль и место в английской истории в целом отмечена ими при характеристике социальной структуры как в специальных работах, так и в отдельных обобщающих трудах [3; 5; 6, с. 43–45, 75–76; 7, с. 43–45; 8–12].

Опубликованные суртовским научным обществом Великобритании архивные источники по северным графствам Англии эпохи Средневековья и раннего Нового времени позволяют продолжить исследование этой категории сельских жителей Англии середины XVII в. в рамках локальной истории и даже микроистории [13]. Так, в частности, можно проследить некоторые вехи истории одного из семейств слоя йоменов. Это позволит лучше понять как их материальную состоятельность в то время, так и социальную роль на местном уровне в переломную эпоху английского общества, когда шли гражданские войны и революционные события 1640-х гг. Также можно проследить повседневную жизнь одного из них на протяжении более двух лет. С этой целью обратимся к некоторым нарративным и юридическим источникам и фактическим данным специальной англоязычной литературы.

Речь пойдет о йомене Адаме Эйре (Adam Eyre) и его семействе, проживавших в западной части графства Йоркшира (Вест Райдинг), церковном приходе Пенистоне (Penistone), селении Хаслхед (Haslehead) на северном берегу р. Дон в XVII в., который оставил после себя «Дневник» и «Завещание» [14, р. 1–118, 351–355]. Сохранилось также и завещание его жены Сусанны [14, р. 356–357]. Подобного рода источников имеется немного, что повышает научную ценность каждого из них, особенно в контексте микроистории. Они позволяют проследить его повседневную жизнь на протяжении чуть более двух лет, а также образ его жизни и отчасти членов его семьи. Кроме того, имеется возможность выяснить имущественное положение его семейства и, сравнивая с данными других источников и специальной англоязычной литературы, определить, насколько это было типично для социального слоя йоменов.

Эйры были родом из графства Дербишир, церковного прихода Крукхилл (Crookhill). Дед Адама занимал пост «высокого шерифа», а семья была зажиточной. Родился Адам в 1614 г. Кроме него в семье его родителей было еще двое детей: мальчик Джозеф (Joseph) и девочка Элис (Alice). Адам был женатым (с 1640 г.) на Сусанне (Susanna), дочери некоего Годфри Мэтьюмана (Godfrey Mathewman), но детей в браке не было. Скончался он в 1662 г. [14, р. 351–353]. Известно, что его дядя эсквайр Майкл Бертон (Michael Burton) в 1646 г. был «высоким шерифом» в Дербишире [14, р. 15]. О годах молодости Адама ничего не известно. Надо полагать, что он получил неплохое образование, поскольку грамотно вел дневники, а в его доме были книги

не только религиозного содержания, но и светского. Родители Адама скончались в 1640 г., а в 1642 г., когда началась гражданская война, он с братом Джозефом вступил в парламентскую армию и воевал против роялистов под командованием Томаса Ферфакса. Адам служил в чине капитана [14, p. 82]. Известно, что в ходе войны он вел дневник и называл его «маленькая книга, обернутая в пергамент» (a little parchment book-covered) [14, p. 62, 352]. Этот дневник не сохранился, хотя по возвращении домой он изготовил его просторную копию на 52 страницах [14, p. 62]. Однако о ней ничего не известно. Однако известно, что он также вел еще один дневник во время своей непродолжительной поездки в Лондон, но и он не сохранился. Очевидно, у него была явная склонность к нарративному жанру, но каких-либо литературных или исторических трудов он не оставил после себя.

Незадолго до окончания первой гражданской войны, в 1646 г., Эйр, уволившись из армии, уехал к себе на родину, в Йоркшир, в Хаслхед, где и жил вплоть до своей смерти. Все эти годы он был обычным фермером, занимаясь сельским хозяйством. А вот его брат Джозеф продолжил службу в армии, но вскоре скончался.

Судя по его записям в дневнике, он принимал деятельное участие в жизни своего прихода. Так, он постоянно контактировал со многими йоменами и джентри и не только, был человеком набожным, имел в доме Библию и постоянно читал ее, регулярно посещал различные храмы (т.е. не только в своем приходе – прим. В. М.) и прослушивал проповеди разных священников [14, p. 79, 84, 86, 104]. Свой дневник, который он начал вести с 1647 г. и называл его «Ежедневник моей жизни» (“A Diurnal of my life”), он довел с небольшими перерывами до 26.01.1649. Сохранился он и издан под названием «Ежедневник, или Каталог всех моих деяний и расходов с 1 января 1646(7) г.» (“A Dyurnall, or Catalogue of all my Accions and Expences from the 1st of January 1646(7)”) [14, p. 1–118]. По своему содержанию он значительно отличается от известных дневников и расходных книг других йоменов-фермеров XVII в. [12]. В нем нет подсчетов доходов и расходов от хозяйственной деятельности и т.п. за год или какой-то иной срок, информации об урожайности зерновых и о ценах на сельскохозяйственную продукцию на рынках, хотя автор иногда указывал, по какой цене и в каком количестве он покупал различное зерно, сыр и некоторые другие сельскохозяйственные продукты. В большей мере в нем превалируют сведения о его повседневной личной жизни и его финансовых операциях: заеме денег у различных людей его круга в своем и соседних церковных приходах, выплате долгов, одалживании им самим некоторых денежных сумм различным лицам. Вполне вероятно, что он вел еще и отдельно расходную книгу, в которой были отражены его хозяйственные расходы и доходы. Как указано выше, дневник заканчивается 26.01.1649. Адам Эйр сразу после этого отправился в Лондон и наверняка был там свидетелем казни короля Карла I Стюарта 30 января того же года [14, p. 353]. Можно предположить, что это событие он отразил в каких-то своих записях, а также что оно сильно повлияло на него, и он почему-то не стал продолжать ведение дневника, хотя у него было явное пристрастие к писательству.

Значимым эпизодом жизни Адама Эйра, отраженным в дневнике, было событие в 1659 г., когда бывшие офицеры армии Ферфакса предъявили петицию

в парламент о необходимости выплаты им недополученного жалования за время войны с роялистами, среди них был и Адам Эйр. Причем эту петицию он и его сослуживцы-офицеры готовили еще задолго до этого и согласовали ее с их бывшим командующим Т. Ферфаксом и другими представителями командования [14, р. 96]. Всего предъявленная ими сумма от всех военнослужащих армии Т. Ферфакса составляла 23 586 ф. ст. 1 шиллинг (шил.) и 1,5 пенса (п.). Его доля в этой сумме составляла 688 ф. ст. 8 шил., а доля его умершего на службе брата – 1106 ф. ст. 18 шил. 3 п. [14, р. 96–97]. В дневнике он отметил и аналогичную долю своего сослуживца и приятеля капитана Уильяма Рича (William Rich) в размере 700 ф. ст., а также суммы, полагающиеся его двоим сослуживцам (соответственно 120 ф. ст. 17 ш. 6 п. и 89 ф. ст. 12 ш.), и перечислил также небольшие доли еще 11 сослуживцев [14, р. 4, 96–97]. Таким образом, Эйр был организатором и руководителем в этом деле от своего региона.

Можно полагать, что Эйр очень рассчитывал использовать эти деньги в своем фермерском хозяйстве. Однако реставрация монархии Стюартов в 1660 г. не позволила осуществиться этим планам. Вполне вероятно, именно поэтому Адам часто брал займы деньги у родственников своей жены, у друзей, у ближних и дальних соседей.

В дневнике он постоянно упоминает о своем участии в повседневной жизни своего региона (прихода, сотни, графства). Так, одним из важных общественных дел, очевидно, для него стала борьба за удаление из его церковного прихода неугодного прихожанам священника. Дело в том, что Т. Ферфакс, используя свое служебное положение, в 1644 г. назначил в их церковный приход Пенистон своего протеже [3, р. 296]. Однако назначение приходского священника традиционно было в компетенции лорда манора данного прихода, но Ферфакс, скорее всего, единолично решил этот вопрос, не посоветовавшись ни с лордом манора, ни с джентри и йоменами их прихода, бывшими по своим политическим убеждениям сторонниками Парламента. Поэтому Эйр по возвращении из армии и его сотоварищи в церковном приходе, недовольные деятельностью этого священника, мистера Христофора Дикинсона (Mr. Christofor Dickinson), инициировали начало борьбы за его смещение с должности [14, р. 11, 14–21]. Поскольку от их региона были депутаты в парламенте, борьбу за смещение священника, назначенного без согласования с ними, они, скорее всего, скоординировали со своими земляками-коммонерами в Лондоне.

Вначале Эйр и другие прихожане предложили священнику подыскать себе место в другом приходе и до того сохранить ему жалование в 40 ф. ст. и доходы с его викарства за его обещание покинуть их приход [14, р. 11, 14, 19]. Тем временем сами прихожане при активном участии Эйра составили петицию в церковный комитет в Парламенте [14, р. 19–20, 22]. Затем Адам Эйр и несколько прихожан объезжали жителей своего прихода для сбора этой суммы для священника. Несмотря на нежелание крестьян и фермеров платить деньги, ему удалось все же их собрать. В дневнике он записал, что потратил на эти разъезды 5 п. [14, р. 14–15].

Сам же Диккенсон, очевидно чувствуя поддержку самого Т. Ферфакса, не спешил освобождать место приходского священника. Поэтому прихожане решили снарядить Адама Эйра в Лондон с целью убедить членов комитета

по церковным делам Парламента все-таки убрать Диккенсона из их прихода. Они собрали ему деньги на поездку, которая обошлась Эйру в 6 ф. ст. 1 шил. 4 п. Помимо этого он купил какие-то вещи и одежду для этой поездки в столицу на 2 ф. ст. 6 шил. [14, р. 21–22]. Интересно, что перед поездкой в Лондон на всякий случай он написал небольшое завещание (Will), в котором распорядился о своем имуществе и деньгах, указав 29 ф. ст. В этом же завещании он упоминает ренты, получаемые им в размере 45 ф. ст. в год, а также свои книги. Очевидно, Эйр понимал опасность столь дальнего путешествия в столицу, когда в стране было еще очень неспокойно. В Парламенте 07.04.1647 он представил подготовленную прихожанами ранее петицию от жителей Вест Райдинга (West Riding), т.е. западной части графства Йоркшир [14, р. 19–20, 25]. В дневнике он приводит ее текст, в котором они называли Диккенса роялистом, компилятором проповедей других священников, читавшим им одни и те же проповеди. Особенно отмечали, что он якобы был частым посетителем пивной (“frequent of alehouse”), где пьянствовал в компании бездельников, был замечен в раздувании ссор между прихожанами и т.п. Всего же они обвиняли его по восьми пунктам, которые подписали кроме Эйра 12 человек в присутствии двоих свидетелей, а затем подписались еще 26 человек. Впоследствии Эйр собрал еще подписи более 20 человек [14, р. 19–20, 25].

Вернулся он из Лондона 15.04.1647, пробыв там около десяти дней. Священника Диккенса все же вызвали в комитет по церковным делам Парламента, и он там держал ответ уже 14 мая 1647 г. на его обвинения прихожанами [14, р. 25]. Но по возвращении в свой приход он сумел каким-то образом найти себе поддержку в лице отдельных прихожан [14, р. 41, 46].

Тем не менее Эйр и его сторонники в церковном приходе добились все-таки удаления этого нежелательного для них священника и назначения другого. В качестве общественных дел он упоминает о скором собрании прихожан по вопросу о пауперах, на котором, очевидно, предстояло рассмотреть вопрос о сборе средств в фонд поддержки пауперов и т.п. [14, р. 67].

В дневнике Адам Эйр частенько упоминает о своих выпивках с друзьями и их женами, а также солдатами, очевидно бывшими на постое в его приходе [14, р. 55, 69, 77, 81, 94]. Хотя пуританская мораль не одобряла пьянство, но она не запрещала полностью выпивку. Выпивал Эйр часто и иногда мог потратить на это довольно значительные суммы денег. Например, однажды на выпивку с одним из своих друзей он потратил 2 ф. ст. 6 шил. 9 п., что равно годовому доходу крестьянина или мелкого фермера [14, р. 55, 64–65].

В то время одним из видов проведения досуга уже была игра в футбол. Эйр сделал запись в дневнике о футбольном матче между командами своего церковного прихода и соседнего – Терлстона (Thurleston), правда, не указав, чем он закончился [14, р. 106].

На страницах своего дневника Адам расписал практически по дням свою будничную жизнь за 1647 – начало 1649 г. Так, например, он любил охоту и рыбалку. Эйр неоднократно отмечал, как он ловил рыбу на р. Дон и порой вылавливал когда 4, а когда и 8 форелей, но случалось никакого улова не было [14, р. 28, 30–31, 38, 105, 108]. Упоминал он о своем занятии охотой, причем даже «с борзыми собаками», несмотря на запрет такого вида охоты

[14, р. 70, 100]. Осенью он иногда прогуливался по полям, очевидно обдумывая, какими культурами их засеять весной [14, р. 69, 73, 80, 112]. Адам часто общался по различным делам со своими соседями, очевидно такими же фермерами, как и он сам, бывал у них в гостях, где нередко обедал или ужинал, а также и сам принимал их в своем доме. Очевидно, он имел полномочия контролировать деятельность церковноприходских старост. В дневнике он упоминает о проверке их отчетов и получении от них небольших сумм денег [14, р. 106]. Упоминает он и о каких-то общих делах прихода, которые ему было необходимо обсудить с соседями, о ремонте моста, о собрании прихожан по вопросу о пауперах [14, р. 52, 67, 114]. Был он отчасти в курсе политических событий в стране, о которых узнавал от приезжавших в их местность людей [14, р. 40]. Так, однажды узнал о продвижении армии Ферфакса на Лондон и о перестрелке там между солдатами и горожанами [14, р. 53–54].

Вообще Эйр редко сидел дома, лишь в непогоду, много ходил по дорогам и ездил в различные места по делам, в том числе и в г. Шеффилд, Йорк, Лидс, Лондон [14, р. 66–69, 91, 93–94].

В дневнике Адам нередко отмечал похороны умерших знакомых прихожан и свое участие во всех подобных мероприятиях [14, р. 4, 56–57, 59, 99]. Обычно йомены в своих завещаниях отмечали, в каком месте их следует похоронить, каким образом следует проводить похороны и что душеприказчик должен исполнить. Так, например, это видно по данным завещаний йоменов крупного манора Нересборо в том же графстве Йоркшир [2, р. 14, 114, 125–126, 137]. В своем завещании Эйр также сделал распоряжение на этот счет [14, р. 354]. Судя по завещаниям йоменов манора Нересборо они редко выделяли значительные суммы денег на проведение своих похорон, хотя порой приписывали, чтобы их похоронили достойно их статусу йомена [4, р. 46, 63, 84, 108, 157, 164]. Правда, сам Эйр не назвал в своем завещании точную сумму, предназначенную на свои похороны, видимо потому, что текст завещания составил еще в цветущем возрасте и он не хотел вдаваться раньше времени в финансовые подсчеты этой процедуры.

В своем дневнике Адам часто упоминает о своих займах у различных лиц от нескольких фунтов стерлингов до нескольких десятков фунтов стерлингов [14, р. 8, 15, 17, 31]. Мог он занимать и даже сотни фунтов стерлингов, как, например, у родителей своей жены (350 ф. ст.), так и у иных лиц (100 ф. ст.), причем под 16 % годовых, хотя чаще под меньший процент [14, р. 29, 31, 36]. Иногда ему отказывали в искомой сумме займа. Так, некий Фрэнсис Хейг (Frensis Haigh) обещал ему вместо 200 ф. ст., которые он хотел бы занять у него, только 100 ф. ст. на строго определенный срок [14, р. 49–50]. Однако и эти 100 ф. ст. при встрече он ему не дал, а только 60 ф. ст., пообещав вскоре предоставить остальные 40 ф. ст. Вместе с тем пообещал предоставить Эйру заем в 100 ф. ст. сроком на 5 лет, но под залог трети его земли в Хаслхеде и под 6 % годовых [14, р. 51]. Таким образом, этот Хейг был весьма осторожен в предоставлении займа на такие крупные суммы денег и безоговорочно не доверял в финансовых вопросах Эйру. В дальнейшем Ф. Хейг неоднократно приходил к Эйру за процентами по долгу, но в то же время и одалживал ему от нескольких десятков до сотни ф. ст. [14, р. 51, 57, 59, 63, 68, 73–74, 79, 107–108]. Но однажды кроме денег Хейг принес ему пинту меда [14, р. 65], что можно расценивать как акт дружественных отношений

между ними. Видимо, Хейг фактически стал его постоянным кредитором и поэтому попросил Эйра под гарантию его долгов составить обязательство под залог его хозяйства в форме завещания в присутствии свидетелей о его долге в сумме 250 ф. ст. и выплатах процентов в установленные сроки. Здесь же Эйр указал и свои долги, и сроки их погашения еще нескольким лицам. Всего же там был зафиксирован долг в 395 ф. ст. 8 шил. [14, р. 97, 98–99]. Это весьма значительная сумма, но, очевидно, он мог ее погашать в указанные сроки. Эйр неоднократно честно упоминает и о своих обязательствах по долгам [14, р. 74, 76, 80]. Порой он мог выплатить свой долг и тут же взять новый заем, в том числе у дворянина, для покрытия какого-то иного долга, т.е. прибегал к перекредитованию долгов [14, р. 8, 17]. Так, когда он составил новое завещание, то указал там сумму своего долга пятерым лицам в 392 ф. ст. 2 шил. 2 п. [14, р. 105], но в конце своего дневника перечислил свои долги, указав, что был должен уже восьми лицам в общей сумме 602 ф. ст., а также и свое движимое имущество, где указал кроме всего прочего и 102 овцы, корову и 2 лошади [14, р. 117–118]. Причем основная задолженность в размере 250 ф. ст. была Ф. Хейгу [14, р. 117]. Адам довольно подробно перечисляет, кто и сколько ему был должен, сколько ему уже вернули, а также сколько денег и на что он потратил за прошедший день. Однажды он решил продать своим родственникам какую-то недвижимость за 100 ф. ст. и половину своего хозяйства в Хаслхеде за 450 ф. ст. [14, р. 16]. Но ему предложили только 400 ф. ст., и он отказался продавать за такую цену [14, р. 35, 37]. Поскольку дневник он довел до 26.01.1649, то можно предположить, что основные свои долги он погасил уже после этой даты.

Интересно, что он всегда указывает в своем дневнике количество миль, которые он прошел или проехал за день (иногда десятки миль) [14, р. 66–67, 69, 90, 109]. Сообщает он и о своих ссорах с женой, о чтении Библии, различных светских книг и некоторых других бытовых вопросах. Однако в дневнике он крайне скупо отразил свою хозяйственную деятельность как фермера. Лишь иногда пишет о покупке овец (101 головы по 7 шил. за голову) и баранов (5 голов по 11 шил. за голову), льна, овса [14, р. 4, 89, 112]. Неоднократно упоминает он свою мельницу, сдачу на прокат своей серебряной посуды [14, р. 63–64, 83]. Упоминает он о выгонах своих овец для пастбы на болотах [14, р. 113–114]. Он покупал некоторые виды зерна, сыр, мясо и другие продукты и даже табак [14, р. 65, 81, 113]. Но не сообщает об урожайности зерновых на своих полях, запасах кормов для скота, мало упоминает о продаже скота или о его покупке. Упоминает он о продаже муки своей женой на 3 ф. ст. 4 шил. 2 п. и т.п. [14, р. 5–52]. Также мало приводит сведений об использовании в своем хозяйстве наемного труда и о выплате заработной платы наемным работникам [14, р. 53, 67, 74, 103–104]. Упоминает случай, когда он хотел нанять к себе на работу некоего Николаса (Nicholas) за 3 ф. ст. за год, но тот отказался заключать с ним сделку [14, р. 78].

Оказывается, от рент Эйр тоже немного имел. Так, в записи от 27.03.1648 указал о получении ренты в размере 4 ф. ст. 5 шил. 2 п. от некоего Оливера Робертса (Oliver Roberts), а также небольших сумм от нескольких лиц и всего прихода в целом за какие-то услуги [14, р. 105]. Также упоминает о получении им ренты в 7 ф. ст. 9 шил., 4 ф. ст. и 2 ф. ст. 1 шил. 8 п., и еще, как он записал, «должны уплатить 20 шил. до воскресенья», и еще ренты 3 ф. ст. 11 ш.

[14, р. 81]. Отметил он в дневнике о каких-то копиях документов по аренде, которые он обсуждал с управляющим [14, р. 41–42, 44]. Ему предлагали вложиться в осушение болот в Дербишире за ренту в 50 шил. в год, но он не согласился [14, р. 9]. Но зато у него была неплохая сделка в отношении торфяника, от которой он получил 51 ф. ст. 10 шил. [14, р. 85]. Он регулярно осматривал свои поля, пишет об их вспахиваниях и удобрении золой наемными работниками [14, р. 60, 80, 99, 104]. Часто упоминает о своей мельнице и продаже муки на несколько ф. ст. и даже продаже золы [14, р. 52, 63–64, 100].

Таким образом, дневник не раскрывает сколь-нибудь полно доходов Эйра от хозяйственной деятельности, кроме некоторых упоминаний о получении им рент. Продажа им или его женой сельскохозяйственной продукции упоминается редко, а выручки от этого были не очень значительные по сравнению с его текущими расходами [14, р. 16, 17, 51–52]. Но зато в нем подробно отражены его повседневные расходы на частые поездки в разные селения и города, покупки различного продовольствия, выпивки в тавернах, в домах приятелей и т.п.

Хотя Адаму государство так и не вернуло задолженность за службу в армии и участие в войне против роялистов, но он был не бедным, ибо ему не отказывали в денежных займах. Видимо, его хозяйственные дела шли в целом неплохо, а его кредиторы знали об этом и были уверены в том, что он вернет им долги. Кроме того, запись в его завещании о раздаче беднякам после его похорон в течение месяца 20 ф. ст. подтверждает это. По тому времени это весьма значительная сумма, и, к примеру, далеко не каждый йомен указанного выше крупного йоркширского манора Нересборо мог себе такое позволить. По 10 ф. ст., что тоже немало, он завещал своему племяннику и племяннице.

Почему-то Эйр не перечислил в завещании свое движимое и недвижимое имущество, как это обычно делали йомены в своих завещаниях. Он просто указал, что завещает все имущество своей жене. Правда, отметил, что свою одежду и книги завещает другим родственникам. Кузину Джозефу Эйру, кроме книг, он отписал половину своего арендованного участка земли и ферму в Хаслхеде со всем имуществом и скотом (количество голов не указано), кроме пожизненной вдовьей доли своей жены. Своим душеприказчиком он назначил упомянутого выше кузина Джозефа Эйра. В завещании Адам наказал, чтобы тот обеспечил правильность оформления документов на вдовью часть его жены и документов на его земли. Он отметил в завещании и право Джозефа как душеприказчика на взимание долгов со своих должников. Поэтому там же указал, где хранятся документы на его земельные держания: «в длинной узкой книге в моем секретере» (“in long narrow booke lying on my study bord”) [14, р. 355]. В этой же книге, отметил он, имеется опись всей его фермы и данные о его денежных сбережениях. Именно из этих денег душеприказчик должен был выделить 20 ф. ст. для раздачи пауперам. Так нередко поступали и другие завещатели из числа йоменов, но, как правило, указывали меньшие суммы. В завещании Эйр записал, что душеприказчик должен будет рассчитаться с его кредиторами. Однако сумму своих долгов не указал. Видимо, это были текущие задолженности, которые могли со временем сократиться или возрасти. Эйр предусмотрел как возможный способ погашения своих долгов имуществом. Он не указал конкретные денежные суммы своих

должников и своих задолженностей, хотя впоследствии в дневнике всегда точно это отмечал. Объяснение этому, видимо, состоит в том, что завешание было составлено в 1640 г., т.е. когда он был еще молодым и только вступившим в наследство от своего отца, а дневник вел в течение 1647 – начала 1649 г., когда занимался активной хозяйственной деятельностью фермера и, как отмечено выше, часто занимал различные суммы денег у родственников, друзей и знакомых. Поэтому на протяжении лет суммы его различных долгов могли меняться.

В целом, судя по содержанию его дневника и завешания Адам Эйр был на уровне среднего фермера, так как у него было четыре участка земли, скорее всего на статусе фригольда, из которых два участка сдавал в аренду, но и сам арендовал сколько-то земли. В завешании он не указал общее количество своего движимого и недвижимого имущества. Видимо, это было по причине того, что само имущество было непостоянным и могло меняться. Неизменным была лишь домашняя утварь, о которой хорошо знал его племянник Джозеф, назначенный Адамом душеприказчиком. Поэтому в завешании он ее и не перечисляет, как это делали зачастую в завешаниях другие крестьяне, йомены и горожане. Он назвал лишь отдельные денежные суммы в общем исчислении 60 ф. ст., хотя в завешаниях некоторых йоменов Нересборо того же периода времени встречаются суммы гораздо большие [4, р. 40, 84–85, 151]. Тем не менее и это была для того времени немалая сумма. Однако и этой суммой не ограничивалось денежное состояние Эйра. В дневнике упоминаются более значительные суммы. Вероятно, 60 ф. ст. – это та минимальная сумма, которая, как он полагал, обязательно должна быть в наличии в конце его жизненного пути.

В отличие от завешаний йоменов крупного манора Нересборо он в своем завешании не расписал подробно порядок наследования родственниками его земель и скота, что опять-таки можно объяснить ранним составлением завешания.

Вероятно, Адам Эйр считался в своем приходе не только состоятельным фермером, но и знатным, грамотным, что также было характерно для социальных устремлений и других йоменов того времени [3, р. 156–220, 262–288]. Хотя в завешании он указал себя как «йомен», но в надписи на его надгробной плите на латинском языке было указано «Адам Эйр, знатный» (лат. “Adamus Eyre, generosus”) [14, р. 353]. Это можно расценивать как неформальное повышение его социального статуса в представлениях его родных и современников, знавших его лично.

После кончины Эйра в 1662 г., очевидно, его душеприказчик исполнил все пункты завешания. Его жене Сусанне досталось все, что ей полагалось, и она прожила еще семь лет. В свою очередь, она также составила завешание незадолго до своей кончины, уже будучи «телесно больной», 6 июля 1668 г. Судя по его содержанию, жила она эти годы весьма скромно. Так, в ее завешании указана сумма в несколько десятков шиллингов. Она завещала всего лишь по 6 п. своим родственникам и по 2 п. всем пауперам, которые будут участвовать в ее похоронах, что в таких случаях было не частым явлением в завешаниях других йоменов [4, р. 46, 63, 82, 122, 124]. Она просила душеприказчика погасить долги за счет ее имущества. Однако конкретные данные

о ее имуществе в завещании отсутствуют. Там лишь записано, что некоему Джозиану Водсворту (Josian Wordasworth) из Уатерхолла (Waterhall), т.е. из другого селения, она передает «большую чашу» в счет погашения долга. Из других своих вещей она называла «дамское седло с украшениями», которое наследует некая Гертруда Кокин (Gartrude Cockin). Своим душеприказчиком она определила Джорджа Мурхауса (George Moorehouse) из Тотты (Tottyes), и за это ему следовало вознаграждение 40 шил. Она также указала выплаты по 20 шил. Джонасу Каянд (Jonas Kayand) и Генри Джексону (Henry Jackson) как контролерам за выполнения ее завещания душеприказчиком. По 20 шил. она просила передать своим двум слугам. Все остальное движимое имущество и скот она завещала передать в качестве компенсации за свои долги и в счет покрытия расходов на ее похороны. Из остатка вырученных средств завещала поровну раздать беднякам трех указанных ею селений. Исполнить это она опять-таки поручала своему душеприказчику, но в присутствии двух состоятельных лиц из ее церковного прихода [14, р. 356–357]. Это опять-таки свидетельствует о ее глубокой набожности.

Как следует из текста ее завещания, вдова Адама Эйра жила довольно скромно, очевидно, лишь на доходы от ее вдовой части фермы. Однако она могла иметь прислугу и сохранила какую-то часть недвижимости, в том числе сам дом с хозяйством. В завещании гарантированная сумма денег на момент ее кончины составила всего лишь 5 ф. ст. Это намного меньше, чем располагала их семья на момент кончины ее мужа.

Драматические события истории Англии XVII в. (революция, гражданские войны, Протекторат Кромвеля и Реставрация Стюартов) отразились на судьбах членов семейства Эйров. Адам и его брат Джозеф в эту бурную эпоху, несомненно, были на стороне Парламента, как и многие йомены, и воевали против роялистов. Однако он не стал участвовать во второй гражданской войне, а предпочел мирную жизнь фермера. По своим земельным держаниям и движимому имуществу, а также денежному состоянию он был зажиточным фермером-йоменом. Его необычайная жизненная мобильность и постоянные контакты с соседями и знакомыми, включая представителей дворянства, в масштабе своего церковного прихода, где он, несомненно, пользовался уважением и доверием своих соседей, а иногда и за его пределами, свидетельствует о его активной жизненной позиции. Будучи грамотным и образованным человеком, он проявлял склонность достаточно подробно описывать свои повседневные дела и различные будничные события местной жизни (посещения родственников, друзей и знакомых, церковных служб в храмах, таверн и выпивки с друзьями, участие в похоронах и т.д.). Его стремление постоянно занимать деньги можно объяснить желанием расширить свое хозяйство, что было характерно для фермеров. В условиях, когда в Англии еще отсутствовала система банковских кредитов, привлечь капитал фермеру в отдаленной провинции можно было лишь за счет займов у родственников, друзей и знакомых. Включение в научный оборот иных источников подобного типа по другим регионам Англии даст возможность компаративного исследования повседневной жизни категории йоменов, их имущественного положения и социальной активности.

Список литературы

1. Harrison W. *The Description of England* / ed. by G. Edelen. New York : Cornel University Press, 1968. 512 p.
2. Wilson T. *The State of England, Anno Donimi 1600* // *Camden Society Publications* : in 380 vols. / ed. by F. J. Fisher. Third series. London : Office of the Society, 1936. Vol. LII. P. 1–47.
3. Campbell M. *The English Yeomen Under Elizabeth and Early Stuarts*. New Haven : Yale University Press, 1942. 453 p.
4. *Publication of The Surtees Society* : in 226 vols. Vol. 110 : in 2 vols. London : Andrewes and co., 1905. Vol. II. 355 p.
5. Райтсон К. «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах : пер. с англ. // *Средние века*. Вып. 57. М. : Наука, 1994. С. 46–61.
6. Барг М. А. Английская революция в портретах ее деятелей. М. : Мысль, 1991. 397 с.
7. Штокмар В. В. Английское крестьянство в XVI–XVII вв. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма : в 3 т. / отв. ред. Ю. Ю. Кахк. М. : Наука, 1986. Т. 3. С. 32–63.
8. Митрофанов В. П. Трансформация йоменов в Англии XVI – первой половины XVII века // *Известия Смоленского государственного университета*. 2018. № 4 (44). С. 241–250.
9. Митрофанов В. П. Имущественное положение некоторых категорий населения малых английских городов второй половины XVI – первой половины XVII века // *Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. К 75-летию доктора исторических наук, профессора И. Н. Осинковского : межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. Е. В. Кузнецов. Вып. 2. Арзамас : АГПИ, 2004. С. 129–134.*
10. Митрофанов В. П. Английские йомены: происхождение, эволюция, статус // *Политическая жизнь Европы: античность, средние века, новое время : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Кузнецов. Вып. 3. Арзамас : АГПИ, 2004. С. 86–92.*
11. Митрофанов В. П. Крестьяне и государство в Англии (1550–1640 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2001. 392 с.
12. Митрофанов В. П., Шабаетов А. Н. Английские фермеры первой половины XVII в. (по материалам расходных книг и дневников) // *Новая и новейшая история*. 2016. № 3. С. 3–19.
13. Митрофанов В. П. Суртовское общество и его публикации источников по истории Англии в Средние века и раннее Новое время // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки*. 2010. № 15 (19). С. 92–94.
14. *Yorkshire' Diaries and Autobiographies in The 17-th and 18-th centuries* // *Surtees Society. Publications* : in 226 vols. Edinburgh : Blackwood and sons, 1877. Vol. LXV. 500 p.

References

1. Harrison W. *The Description of England*. New York: Cornel University Press, 1968:512.
2. Wilson T. *The State of England, Anno Donimi 1600. Camden Society Publications: in 380 vols. Third series*. London: Office of the Society, 1936;LII:1–47.
3. Campbell M. *The English Yeomen Under Elizabeth and Early Stuarts*. New Haven: Yale University Press, 1942;453.
4. *Publication of The Surtees Society: in 226 vols. Vol. 110: in 2 vols*. London: Andrewes and co., 1905;II:355.
5. Raytson K. “The class of people” in England under the Tudors and Stuarts: translated from English. *Srednie veka. Vyp. 57 = Middle ages. Issue 57*. Moscow: Nauka, 1994:46–61. (In Russ.)

6. Barg M.A. *Angliyskaya revolyutsiya v portretakh ee deyateley = The English Revolution in portraits of its leaders*. Moscow: Mysl', 1991:397. (In Russ.)
7. Shtokmar V.V. *Angliyskoe krest'yanstvo v XVI–XVII vv. Istoriya krest'yanstva v Evrope. Epokha feodalizma: v 3 t. = The English peasantry in the 16th and 17th centuries. History of the peasantry in Europe. The era of feudalism: in 3 volumes*. Moscow: Nauka, 1986;3:32–63. (In Russ.)
8. Mitrofanov V.P. The transformation of the yeomanry in England in the 16th – first half of the 17th century. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Smolensk State University*. 2018;(4):241–250. (In Russ.)
9. Mitrofanov V.P. The property status of some categories of the population of small English towns in the second half of the 16th – first half of the 17th century. *Politicheskaya zhizn' Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka, novoe vremya. K 75-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora I.N. Osinovskogo: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 2 = Political life in Western Europe: antiquity, the Middle Ages, and modern times. On the 75th anniversary of doctor of historical sciences, professor I.N. Osinovsky: interuniversity collected papers. Issue 2*. Arzamas: AGPI, 2004:129–134. (In Russ.)
10. Mitrofanov V.P. English yeomen: origin, evolution, status. *Politicheskaya zhizn' Evropy: antichnost', srednie veka, novoe vremya: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 3 = Political life in Western Europe: antiquity, the Middle Ages, and modern times: interuniversity collected papers. Issue 3*. Arzamas: AGPI, 2004:86–92. (In Russ.)
11. Mitrofanov V.P. *Peasants and the State in England (1550–1640): DSc dissertation*. Penza, 2001:392. (In Russ.)
12. Mitrofanov V.P., Shabaev A.N. English farmers of the first half of the 17th century (by the materials of expense books and diaries). *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2016;(3):3–19. (In Russ.)
13. Mitrofanov V.P. The Surt Society and its publication of sources on the history of England in the Middle Ages and early modern times. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinskiy. Humanities*. 2010;(15):92–94. (In Russ.)
14. Yorkshre' Diaries and Autobiographies in The 17-th and 18-th centuries. *Surtees Society. Publications: in 226 vols*. Edinburgh: Blackwood and sons, 1877;LXV:500.

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Vladimir P. Mitrofanov

Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of general history and social
sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.05.2025

Принята к публикации / Accepted 26.06.2025

УДК 327.5

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-9

**Учет опыта распада СССР в национальной политике Китая
в первой четверти XXI в. (на примере Синьцзян-Уйгурского
автономного района)**

Д. В. Буяров¹, А. Е. Учайкина²

^{1,2}Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия

¹buyarov_d@mail.ru, ²uchnast2001@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Распад Советского Союза стал для Китая не только предметом исторического осмысления, но и концептуальным предостережением. В условиях этнокультурного многообразия и глобальных вызовов китайское руководство использует советский опыт как ориентир при формировании устойчивой модели национальной политики. Цель исследования – проанализировать, каким образом интерпретация причин распада СССР повлияла на стратегию управления национальными меньшинствами в Китае в XXI в. *Материалы и методы.* Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем сравнительно-исторический, дискурсивный и институциональный методы. Используются официальные документы Коммунистической партии Китая, выступления Председателя КНР Си Цзиньпина, нормативные акты КНР, а также научные публикации российских, китайских и англоязычных исследователей. *Результаты.* Установлено, что в китайской политической доктрине распад СССР рассматривается как следствие идеологической эрозии, политической децентрализации и этнокультурного плюрализма. В ответ на это КНР реализует модель «китаизированной» интеграции, сочетающей партийный контроль, идеологическую мобилизацию и правовую нормализацию. Особое внимание уделяется регионам с этноконфессиональной спецификой, где применяются меры упреждающего управления этнической идентичностью. *Выводы.* КНР выстраивает свою национальную политику как институциональную противоположность позднесоветскому опыту. При всей текущей устойчивости модели она содержит внутренние напряжения, связанные с ограничением культурной автономии, что требует внимания к долгосрочным рискам в условиях трансформации глобального порядка.

Ключевые слова: Китай, Советский Союз, национальная политика, национальные меньшинства, идеология, партийный контроль, этнополитическая стабильность, Синьцзян

Для цитирования: Буяров Д. В., Учайкина А. Е. Учет опыта распада СССР в национальной политике Китая в первой четверти XXI в. (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 103–113. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-9

**Taking into account the experience of the collapse of the USSR
in China's national policy in the first quarter of the 21st century
(by the example of the XUAR)**

D.V. Buyarov¹, A.E. Uchaikina²

^{1,2}Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

¹buyarov_d@mail.ru, ²uchnast2001@mail.ru

Abstract. *Background.* The collapse of the Soviet Union has served not only as a subject of historical reflection for China but also as a conceptual warning. In the context of ethnocultural diversity and global challenges, the Chinese leadership draws on the Soviet experience as a reference point in shaping a resilient model of national policy. The aim of this article is to analyze how the interpretation of the causes behind the USSR's disintegration has influenced China's strategy for governing ethnic minorities in the 21st century. *Materials and methods.* The study is based on an interdisciplinary approach that combines comparative-historical, discursive, and institutional methods. It draws on official documents of the Chinese Communist Party, speeches by Xi Jinping, regulatory acts of the PRC, as well as academic publications by Russian, Chinese, and English-speaking scholars. *Results.* It is established that in Chinese political doctrine, the collapse of the USSR is interpreted as the result of ideological erosion, political decentralization, and ethnocultural pluralism. In response, China implements a model of "Sinicized" integration that blends party control, ideological mobilization, and legal normalization. Particular attention is given to regions with ethnoreligious specificity, where measures of proactive identity management are applied. *Conclusion.* China builds its national policy as an institutional counterpoint to the late Soviet experience. Despite the current stability of this model, it contains internal tensions related to the restriction of cultural autonomy, which necessitates attention to long-term risks in the context of a transforming global order.

Keywords: China, Soviet Union, national politics, national minorities, ideology, party control, ethno-political stability, Xinjiang

For citation: Buyarov D.V., Uchaikina A.E. Taking into account the experience of the collapse of the USSR in China's national policy in the first quarter of the 21st century (by the example of the XUAR). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(3):103–113. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-9

Введение

Распад Советского Союза стал одним из ключевых событий XX в., оказав влияние на политическое мышление государств, стремящихся сохранить устойчивость многонационального устройства. В Китае это событие не только получило широкую интерпретацию в официальной и научной риторике, но и стало фундаментальным ориентиром при выстраивании политики в отношении национальных меньшинств. В рамках китайской модели политической устойчивости распад СССР рассматривается как следствие потери идеологического контроля, этнополитической фрагментации и ослабления централизованной власти, что делает его чрезвычайно значимым для анализа трансформации государственной национальной политики в Китайской Народной Республике (КНР).

В условиях этнокультурного разнообразия КНР сосредоточила усилия на формировании устойчивой системы управления национальными регионами, в первую очередь в стратегически чувствительных районах – таких как Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). С середины 2010-х гг. на фоне усиления международного внимания к ситуации в СУАР китайское руководство, ссылаясь в том числе на опыт распада СССР, последовательно внедряет модель «интеграции через идеологию и культурную китаизацию»,

опираясь на централизованный партийный контроль, профилактику сепаратизма и поддержку концепции общенациональной идентичности.

Целью исследования является анализ влияния интерпретации распада Советского Союза на формирование и развитие национальной политики Китая в первой четверти XXI в. Исследование направлено на выявление концептуальных и институциональных элементов, отражающих специфику китайского политического мышления, а также на определение роли идеологического и культурного дискурса в обеспечении этнополитической стабильности.

Материалы и методы

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий элементы политической науки, сравнительной исторической социологии и дискурсивного анализа. Методологические рамки выстраиваются с учетом необходимости выявления как институциональных, так и идеологических механизмов, с помощью которых КНР адаптировала опыт распада СССР в своей национальной политике.

В первую очередь применяется сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить модели управления национальным вопросом в позднесоветский и современный китайский период. Вторым основным инструментом выступает дискурс-анализ, направленный на изучение риторики китайского политического руководства, в частности выступлений Си Цзиньпина, публикаций в средствах массовой информации, а также партийных документов. В качестве дополнительного инструмента используется институциональный анализ, посредством которого выявляются формы формального и неформального регулирования этнической политики: от законодательных механизмов борьбы с экстремизмом в СУАР до практики кадровой ротации и централизации партийного контроля.

Источниковую базу исследования составляют материалы партийных съездов, выступления Си Цзиньпина, аналитические статьи китайских и англоязычных изданий, посвященные урокам распада СССР, а также нормативные акты КНР.

Результаты и обсуждение

Анализ современных китайских политических документов и публичных выступлений высших руководителей Коммунистической партии Китая (КПК) демонстрирует устойчивую тенденцию к институционализации образа Советского Союза как «предупреждающего примера». В китайском дискурсе распад СССР фигурирует не просто как трагический исход, но и как результат системных внутренних ошибок, прежде всего идеологической эрозии, утраты партийного контроля и слабости в национальной политике. В отличие от большинства западных интерпретаций, где причиной дезинтеграции Советского Союза считаются экономическая неэффективность и авторитарная политическая структура, в китайской риторике акцент сделан на распад духовного, ценностного и политико-идейного единства.

В ряде программных речей Председатель КНР Си Цзиньпин последовательно проводит мысль о том, что судьба СССР обусловлена отказом от марксистских ориентиров и деградацией партийной дисциплины. В частности, он прямо заявлял: «Если люди, которых мы воспитываем, перестанут

верить в марксизм, не будут держать высоко знамя социализма с китайской спецификой, – произойдет то же, что и с Советским Союзом» [1]. Этот пассаж, по сути, фиксирует стратегическую установку КПК: сохранение политической и национальной целостности возможно только при условии монополии идеологической власти и сохранения централизованного партийного контроля.

Кроме того, в отчете Си Цзиньпина на XX съезде КПК (2022 г.) отмечается, что одной из важнейших задач современной китайской модели развития является предотвращение любых форм идеологической и этнополитической фрагментации. Подчеркивая опасность «ошибочных тенденций» в управлении многонациональным обществом, он не называет СССР напрямую, однако весь дискурс об «укреплении партийного центра», «глубоко мучительном опыте» и «исторических уроках» апеллирует к распаду Союза как к антиподному сценарию.

Дополнительным подтверждением служит активная эксплуатация темы СССР в китайских медиа и экспертной публицистике. Как отмечает Р. Армитидж, Советский Союз рухнул не из-за социализма, а потому что от него отказался [2]. Этот тезис консолидирует центральную для КПК идею: спасение системы – в ее укреплении, а не в реформировании по западному образцу. Следует отметить и более утонченный уровень восприятия: не только партийная идеология, но и кадровая политика, уровень политической веры и дисциплины рассматриваются как факторы устойчивости. В этом смысле Китай стремится избежать ситуации, в которой элита утрачивает ценностное единство и превращается в разрозненную корпорацию с корпоративными интересами – модель, с китайской точки зрения ставшая фатальной для позднего СССР.

В результате распад СССР в китайском сознании трансформировался из исторического события в ценностно-политическую модель – «антипример», формирующую не только оценку прошлого, но и прямую направленность современного политического курса. Одним из центральных уроков, который, по мнению китайского руководства, следует из опыта распада СССР, стала неприемлемость децентрализации политической власти и прав на самоопределение. В отличие от советской союзной модели, в которой каждая республика обладала формальным правом выхода, КНР с момента своего основания реализует унитарный тип государства с ограниченными формами автономии, лишенными суверенитетного содержания.

Конституция КНР формально признает существование автономных районов (ст. 4) [3], однако полномочия регионов строго ограничены рамками политического курса центрального правительства. Административная автономия носит декларативный характер, а реальное управление осуществляется через вертикаль КПК, интегрированную на всех уровнях. В национальных районах, таких как СУАР, Тибетский автономный район и Гуанси-Чжуанский автономный район, ключевые посты в региональных органах власти традиционно занимают кадры ханьской национальности, направляемые из центра, что резко контрастирует с позднесоветской практикой «коренизации» (или «титularyного представительства»). Подобная модель исключает повторение сценариев, аналогичных сепаратистским процессам в союзных республиках СССР, где локальные элиты при ослаблении центра стали самостоятельными политическими субъектами. В Китае региональная элита подчинена не тер-

ритории, а партии, что снижает вероятность формирования политической лояльности, альтернативной пекинской [4, с. 150].

Особое место в китайской национальной политике занимает Синьцзян-Уйгурский автономный район – регион, где сочетаются этноконфессиональная специфика, историческая напряженность и геостратегическое значение. С начала 2010-х гг. национальная политика в СУАР претерпела радикальные трансформации, свидетельствующие о прямом следовании китайского руководства «урокам» распада СССР.

Начиная с периода правления Си Цзиньпина в СУАР реализуется модель, сочетающая превентивный контроль, идеологическую интеграцию и культурную унификацию, направленные на устранение потенциальных угроз сепаратизма [5, р. 144]. Основу этой модели составляют:

- развертывание системы «центров профессионального образования» (фактически – лагерей перевоспитания);
- введение жесткого законодательства по борьбе с экстремизмом и разжиганием национальной розни;
- массовая цифровая слежка и превентивный контроль;
- усиление партийного и полицейского присутствия в сельских и отдаленных районах;
- приоритетное развитие инфраструктуры и занятости с упором на модернизацию без автономии [6].

Хотя СУАР остается ключевым фокусом национальной политики, методы, отработанные в этом регионе, в модифицированном виде транслируются и в другие этнокультурные зоны, в первую очередь в Тибет, Гуанси-Чжуанский автономный район, Нинся-Хуэйский автономный район, Внутреннюю Монголию. Там также реализуются меры по усилению идеологического воспитания, централизации образовательных программ, увеличению числа ханьских переселенцев и минимизации роли местных культурных институтов. Во всех случаях китайская модель выстраивает национальную политику не как систему уступок или баланса, а как механизм мобилизационного контроля, в котором культурное многообразие допускается лишь в «тематизированной», безопасной и управляемой форме. Подобный подход коренным образом отличается от позднесоветской логики, ориентированной на интеграцию через признание идентичности, которая, по мнению китайских стратегов, как раз и привела к краху Советского Союза [7].

В логике китайского партийного мышления этнокультурные различия допустимы лишь в той мере, в какой они совместимы с основополагающей задачей – сохранением «единства многонационального китайского народа» и укреплении централизованной власти Коммунистической партии Китая. Ключевой концепт, формирующий идеологическую оболочку национальной политики, – это «китаизация» (中国化 – «чжунгохуа») или «синизация» всех форм духовной, культурной и даже религиозной жизни нацменьшинств. Этот процесс, по сути, представляет собой унификацию и переработку локальных идентичностей в рамках общенациональной цивилизационной модели, основанной на историко-культурном коде ханьского большинства и доктрине социализма с китайской спецификой.

В выступлениях Си Цзиньпина неоднократно подчеркивается, что Китай – это не просто многонациональное государство, а единая «нация китайского народа» (中华民族共同体 – «чжунхуа миньцзу гунтунти»), в которой все этносы должны разделять единую историческую судьбу, единую культуру и единую политическую волю. Эта установка прослеживается, например, в его докладе, в котором говорится о необходимости «укрепления чувства принадлежности всех этнических групп к единой китайской нации» и «укрепления общей идентичности» [8].

Особое внимание уделяется религиозным институтам, которые в китайской интерпретации обладают политическим потенциалом, сопоставимым с сепаратизмом. Как отмечает А. В. Ломанов, в Синьцзяне, Тибете и других регионах осуществляется масштабная кампания по китаизации ислама, буддизма и даже христианства [9]. Помимо религии подвергается обработке и национальное культурное наследие. В речах Си Цзиньпина прослеживается установка на создание единой культурной платформы, где традиции нацменьшинств интегрируются как элементы общей китайской цивилизации. Так, Председатель КНР подчеркивает, что «нужно укреплять идентичность всех этносов с великой Родиной, китайской нацией, китайской культурой» [10].

В результате современная национальная политика Китая выстроена как иерархическая модель этноинтеграции, в которой идеология играет не только объясняющую, но и структурирующую роль. Процесс «китаизации» не носит исключительно культурного характера – он встроен в общую систему превентивного управления рисками, направленного на устранение любых форм альтернативной лояльности, в том числе этнической, религиозной или региональной. В этой модели опыт распада СССР вновь служит негативной проекцией: многообразие допустимо лишь в пределах единой идеологической и политической матрицы, контролируемой партией и поддерживаемой централизованным аппаратом.

Политико-правовые меры, применяемые в Китае в сфере национальной политики, демонстрируют целенаправленную институционализацию упреждающего контроля – подхода, ориентированного на предупреждение возможной дестабилизации, а не на реакцию по факту ее возникновения. В этом аспекте КНР вновь опирается на негативный опыт позднего СССР, где избыточная правовая либерализация в 1980-х гг. не сопровождалась укреплением идеологических и политико-административных барьеров, что способствовало активизации сепаратистских и антисистемных настроений в республиках.

Современное китайское руководство, напротив, проводит политику жесткой нормализации, в которой правовая система играет роль инструмента централизованного управления и идеологической коррекции. КНР последовательно расширяет юридический арсенал, направленный на регламентацию этноконфессиональной жизни, включая:

- законодательство о противодействии экстремизму, включая Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о деэкстремизации [11];
- законодательство об автономных районах [12];
- иные положения о «профилактическом образовании» и «перевоспитании», стандарты «национального единства».

Особенно показателен опыт Синьцзяна, где на основе регионального законодательства была создана система центров перевоспитания (в официальной терминологии – «профессионально-технические училища»), в которых осуществляется модификация сознания лиц, чья идентичность интерпретируется как потенциально деструктивная. Такая практика принципиально отличается от либеральных стандартов защиты прав меньшинств, но в рамках китайской модели воспринимается как рациональная мера защиты государства от внутренней фрагментации.

Китайская стратегия активно использует категорию национальной безопасности (国家安全 – «гоцзя аньцюань»), включая в нее не только традиционные угрозы, но и риски культурного, идеологического и религиозного характера. После принятия Закона о национальной безопасности (2015 г.) [13] и создания Центральной комиссии по национальной безопасности под председательством Си Цзиньпина в политическую повестку было включено понятие «безопасности этнической идентичности», в том числе:

- безопасность языка (приоритет китайского в образовании и официальной сфере);
- безопасность культуры (мониторинг медиапродукции и образовательного контента);
- информационная безопасность (цифровая слежка, система «социального доверия») [14].

В этнически разнообразных регионах понятие «безопасность» приобретает проактивный характер: предполагается, что потенциальная угроза должна быть устранена до момента манифестации. Эта концепция противоположна позднесоветскому подходу, в котором многие проявления сепаратизма были признаны слишком поздно, когда они уже вышли за рамки политического управления [15].

Сравнительный анализ национальной политики Советского Союза и Китая демонстрирует фундаментальные различия не только в институциональных подходах, но и в самом понимании природы многонационального государства. Китай, осмысляя опыт СССР, сознательно выстраивает собственную модель как инверсную, отражающую и отрицающую ключевые принципы позднесоветского курса. В отличие от позднесоветской политики «коренизации» и поощрения этнокультурной автономии, Китай выстраивает модель, основанную на концепции единой цивилизационной идентичности. Под лозунгами «национального единства» и «сближения этносов» продвигается модель «одной нации с множественными этнокультурными оттенками», где различие допускается только в пределах центрально утвержденного культурного канона.

Китайская модель отличается высокой степенью мобилизационного характера: партия не просто регулирует этнополитические процессы, но и формирует активную идентичность, направляя население через образовательные, культурные и информационные каналы. В этом смысле КНР не допускает «естественного течения» этнических процессов, как это наблюдалось в СССР, а стремится к профилактическому управлению идентичностью, в том числе через китаизацию религии, языка, истории и массового восприятия.

КНР целенаправленно и последовательно интерпретирует опыт распада СССР как негативный эталон, от которого необходимо отстраиваться

на всех уровнях – от идеологии до правовой архитектуры. Это отталкивание не ограничивается абстрактными уроками, а находит прямое выражение в институциональных решениях, идеологических установках и практической политике в отношении этноконфессиональных меньшинств. С точки зрения политической теории КНР демонстрирует типологически уникальную модель идеократической стабильности, в которой управление многонациональным обществом осуществляется не через предоставление автономий, а через их символическую имитацию и фактическую централизацию.

Китайская модель содержит в себе внутренние парадоксы. С одной стороны, она показывает высокую эффективность в кратко- и среднесрочной перспективе: в отличие от позднего СССР, КНР успешно сдерживает этнополитическую фрагментацию, поддерживает стабильность в периферийных регионах и демонстрирует рост интеграционных индексов. С другой стороны, жесткая централизация и ограничение культурной автономии могут стать фактором накопления латентного недовольства, особенно среди молодежи в национальных автономных районах, что потенциально чревато конфликтами в долгосрочном горизонте. Китаизация как политико-идеологический процесс невозможна без мобилизационного ресурса партии, что делает устойчивость всей конструкции зависимой от эффективности КПК как института. В случае если партия столкнется с кризисом доверия, вся модель рискует вступить в фазу дестабилизации – именно по тому сценарию, которого она старается избежать.

Заключение

Рассмотрение национальной политики Китайской Народной Республики в первой четверти XXI в. в контексте осмысления опыта распада СССР позволяет сделать вывод о существовании целенаправленного и системного подхода китайского руководства к этнополитическому управлению, основанному на отрицании ключевых принципов советской модели. Распад Советского Союза в китайском политическом дискурсе трансформировался в универсальное предостережение, в котором причины дезинтеграции связываются прежде всего с идеологической слабостью, ослаблением партийного контроля и федеративной структурой, допускавшей автономизацию регионов.

На этом фоне КНР сформировала уникальную стратегию, в которой национальный вопрос решается через централизованную интеграцию, китаизацию культуры и унификацию идентичности с сохранением лишь внешней атрибутики многонациональности. Политико-правовой инструментарий, развитый в рамках этой модели, обеспечивает превентивную трансформацию культурных моделей. Китайская модель демонстрирует значительную устойчивость в текущих условиях, однако не лишена внутренних противоречий. Ее эффективность напрямую зависит от стабильности центральной власти, мобилизационного потенциала партии и способности удерживать идеологическую консолидацию в условиях глобальной цифровизации и роста горизонтальных связей. Потенциальные вызовы, связанные с внутренними реакциями на культурную унификацию и внешним давлением в сфере прав человека, могут в будущем потребовать переосмысления механизмов управления этническими идентичностями.

Список литературы

1. 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗—在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 // 中华人民共和国中央人民政府. 2022年10月16日. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 28.03.2025).
2. Armitage R. USSR collapsed 30 years ago. China has studied it – and doesn't want to make the same mistakes // ABC News. 2021. December 26. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-12-26/ussr-collapsed-30-years-ago-china-tries-to-avoid-same-fate/100705112> (дата обращения: 17.04.2025).
3. 中华人民共和国宪法 // 中国人大网. 2018年3月11日. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202103/bd78afc9d46f4f129728190ff23e3aaf.shtml> (дата обращения: 17.04.2025).
4. Буяров Д. В. Современные проблемы Синьцзяна в условиях реализации крупных экономических проектов Китая // Азия и Африка сегодня. 2025. № 3. С. 48–57. doi: 10.31857/S0321507525030067
5. Буяров Д. В. Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при Председателе КНР Си Цзиньпине (2012–2024 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 142–155. doi: 10.31857/S0131281224050104
6. Maizland L. China's repression of the Uighurs in Xinjiang // Council on Foreign Relations. 2022. September 22. URL: <https://www.cfr.org/background/china-xinjiang-uighurs-muslims-repression-genocide-human-rights> (дата обращения: 17.04.2025).
7. 陈宏：学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵 // 湖南省人民政府门户网站. 2017年. URL: <https://interpret.csis.org/translations/studying-and-understanding-the-essentials-and-meaning-of-general-secretary-xi-jinpings-strategy-for-governing-xinjiang/> (дата обращения: 25.09.2024).
8. 习近平：在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 // 党史学习教育. 2017年10月28日. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (дата обращения: 18.04.2025).
9. Ломанов А. В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 4. С. 88–105. doi: 10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105
10. 习近平：在中共中央民族工作会议上的讲话 // 中国人民政治协商会议吉林市委员会. 2014年9月28日–29日. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_176/202401/t20240131_1113631.html (дата обращения: 15.04.2025).
11. 新疆维吾尔自治区去极端化条例 // 新疆人大网. 2017年3月29日. URL: <http://www.xjpcsc.gov.cn/article/ywfgtz/fg/201703/20170300386463.shtml> (дата обращения: 17.04.2025).
12. 中华人民共和国民族区域自治法 // 中国人大网. 2001年2月28日. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2001-02/28/content_1330393.htm (дата обращения: 17.04.2025).
13. 中华人民共和国国家安全法 // 中国人大网. 2015年7月1日. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-07/01/content_1945587.htm (дата обращения: 17.04.2025).
14. Li Shenming. The Fundamental Reasons, Lessons, and Insights of the Fall of the Soviet Union's Party and State // Interpret: China, CSIS. 2021. December 23. URL: <https://interpret.csis.org/translations/the-fundamental-reasons-lessons-and-insights-of-the-fall-of-the-soviet-unions-party-and-state/> (дата обращения: 17.04.2025).
15. Глинкин В. С. Чжуаны в контексте национальной политики Китая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019. 23 с.

References

1. 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗—在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告. 中华人民共和国中央人民政府. 2022年10月16日. (In China). Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (accessed 28.03.2025).
2. Armitage R. USSR collapsed 30 years ago. China has studied it – and doesn't want to make the same mistakes. *ABC News*. 2021;December 26. Available at: <https://www.abc.net.au/news/2021-12-26/ussr-collapsed-30-years-ago-china-tries-to-avoid-same-fate/100705112> (accessed 17.04.2025).
3. 中华人民共和国宪法. 中国人大网. (In China). 2018年3月11日. Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202103/bd78afc9d46f4f129728190ff23e3aaf.shtml> (accessed 17.04.2025).
4. Buyarov D.V. Current problems of Xinjiang in the context of the implementation of major economic projects of China. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*. 2025;(3):48–57. (In Russia). doi: 10.31857/S0321507525030067
5. Buyarov D.V. mplementation of National Policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region under the President Xi Jinping (2012–2024). *Problemy Dal'nego Vostoka = Issues of the Far East*. 2024;(5):142–155. (In Russia). doi: 10.31857/S0131281224050104
6. Maizland L. China's repression of the Uighurs in Xinjiang. *Council on Foreign Relations*. 2022;September 22. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-xinjiang-uyghurs-muslims-repression-genocide-human-rights> (accessed 17.04.2025).
7. 陈宏：学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵. 湖南省人民政府门户网站. 2017年. (In China). Available at: <https://interpret.csis.org/translations/studying-and-understanding-the-essentials-and-meaning-of-general-secretary-xi-jinpings-strategy-for-governing-xinjiang/> (accessed 25.09.2024).
8. 习近平：在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. 党史学习教育. 2017年10月28日. (In China). Available at: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (accessed 18.04.2025).
9. Lomanov A.V. Adaptation and sinicization: The CPC's contemporary religious policy. *Mezhdunarodnaya analitika = International analytics*. 2021;12(4):88–105. (In Russia). doi: 10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105
10. 习近平：在中共中央民族工作会议上的讲话. 中国人民政治协商会议吉林市委员会. 2014年9月28日–29日. (In China). Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_176/202401/t20240131_1113631.html (accessed 15.04.2025).
11. 新疆维吾尔自治区去极端化条例. 新疆人大网. 2017年3月29日. (In China). Available at: <http://www.xjpcsc.gov.cn/article/ywfgtz/fg/201703/20170300386463.shtml> (accessed 17.04.2025).
12. 中华人民共和国民族区域自治法. 中国人大网. 2001年2月28日. (In China). Available at: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2001-02/28/content_1330393.htm (accessed 17.04.2025).
13. 中华人民共和国国家安全法. 中国人大网. 2015年7月1日. (In China). Available at: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-07/01/content_1945587.htm (accessed 17.04.2025).
14. Li Shenming. The Fundamental Reasons, Lessons, and Insights of the Fall of the Soviet Union's Party and State. *Interpret: China, CSIS*. 2021;December 23. Available at: <https://interpret.csis.org/translations/the-fundamental-reasons-lessons-and-insights-of-the-fall-of-the-soviet-unions-party-and-state/> (accessed 17.04.2025).
15. Glinkin V.S. *Zhuang in the context of China's national policy: PhD abstract*. Tomsk, 2019:23.

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Владимирович Бюаров

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей
истории, философии и культурологии,
директор Научно-образовательного
центра востоковедения,
Благовещенский государственный
педагогический университет (Россия,
г. Благовещенск, ул. Ленина, 104)

E-mail: buyarov_d@mail.ru

Dmitry V. Buyarov

Candidate of philosophical sciences,
associate professor, head of the sub-
department of general history, philosophy
and cultural studies, director of the
scientific and educational center
for oriental studies,
Blagoveshchensk State Pedagogical
University (104 Lenina street,
Blagoveshchensk, Russia)

Анастасия Евгеньевна Учайкина

ассистент кафедры всеобщей истории,
философии и культурологии,
Благовещенский государственный
педагогический университет (Россия,
г. Благовещенск, ул. Ленина, 104)

E-mail: uchnast2001@mail.ru

Anastasia E. Uchaikina

Assistant of the sub-department
of general history, philosophy and
cultural studies, Blagoveshchensk State
Pedagogical University (104 Lenina
street, Blagoveshchensk, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.06.2025

Принята к публикации / Accepted 23.08.2025

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

УДК 947.084.55.6.1

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-10

Женская эмансипация в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: ресурс и фактор (на материалах Пензенской губернии)

Н. А. Коблова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

nata_koblova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рост геополитической нестабильности и усиление вызовов национальной безопасности в современную эпоху актуализируют обращение к историческому опыту формирования адаптационных механизмов с учетом гендерной специфики публичного пространства. Цель исследования – выявить особенности становления правового статуса женщин и практик социального и нравственного служения в рамках либеральной модели второй половины XIX – начала XX в. в Российской империи. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе исторических источников, выявленных в фондах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Пензенской области. Используются материалы энциклопедических изданий, нормативно-правовые акты, статистические данные, сведения местной периодической печати. При решении исследовательских задач применялись сравнительно-исторический и гендерный методы, элементы историко-правового и социокультурного анализа. *Результаты.* Определены основные направления правового регулирования женского статуса в контексте либерального дискурса. Прослежены механизмы институционализации женской идентичности через расширение поля потенциального участия в общественной жизни. Установлено влияние демографических, правовых и военных факторов на эволюцию женской активности. Освещено участие женщин в земском самоуправлении и охарактеризованы их социальные роли в условиях мобилизационной экономики. *Выводы.* Историко-правовой анализ свидетельствует о том, что ограниченность правового статуса женщин, сопряженная с трансформацией социально-экономических условий и культурных норм, стала предпосылкой формирования «женского вопроса» и институализации женского движения в России. Проведенное исследование позволяет расширить представления о модернизационных процессах и усилении фемининного ресурса в условиях общественных трансформаций.

Ключевые слова: эмансипация, Пензенская губерния, вторая половина XIX – начало XX в., фемининность, гендерная идентичность, «женский вопрос»

© Коблова Н. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М. М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» в 2025 г.

Для цитирования: Коблова Н. А. Женская эмансипация в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: ресурс и фактор (на материалах Пензенской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 114–127. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-10

Female emancipation in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th centuries: resource and factor (by the materials of Penza province)

N.A. Koblova

Penza State University, Penza, Russia
nata_koblova@mail.ru

Abstract. *Background.* The growing geopolitical instability and increased national security challenges in the modern era highlight the need to examine historical experiences of adaptive mechanisms, particularly in relation to gender dynamics in public space. This study aims to identify the key features in the development of women’s legal status and the practices of social and moral service within the liberal framework of the late 19th – early 20th century in the Russian Empire. *Materials and methods.* The research is based on historical sources identified in the collections of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Penza Region. It also utilizes materials from encyclopedic publications, regulatory legal acts, statistical data, and reports from the local press. In addressing the research objectives, the study applies comparative-historical and gender approaches, along with elements of legal-historical and socio-cultural analysis. *Results.* The main directions of legal regulation of women’s status within the liberal discourse have been identified. The mechanisms of institutionalizing female identity are traced through the expansion of opportunities for public participation. The influence of demographic, legal, and military factors on the evolution of women’s activity has been established. Women’s involvement in zemstvo self-government is highlighted, and their social roles in the context of a mobilized economy are characterized. *Conclusions.* The legal-historical analysis reveals that the limited legal status of women, combined with the transformation of socio-economic conditions and cultural norms, contributed to the emergence of the “woman question” and the institutionalization of the women’s movement in Russia. This research broadens the understanding of modernization processes and the growing role of the feminine resource amid societal transformations.

Keywords: emancipation, Penza province, second half of the 19th – beginning of the 20th century, femininity, gender identity, “women’s issue”

Financing: this research was conducted as a part of the state assignment of Penza State University “Practices of spiritual and moral service in Russian history from the second half of the 19th century to the early 21st century: the case of M.M. Kiseleva and the Penza Branch of the Imperial Orthodox Palestine Society” within the framework of the Fundamental

Research Program under the direction “Russia and the Middle East: historical, political, and cultural contacts and interrelations” supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Imperial Orthodox Palestine Society in 2025.

For citation: Koblova N.A. Female emancipation in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th centuries: resource and factor (by the materials of Penza province). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):114–127. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-10

Рост геополитической нестабильности и появление новых вызовов национальной безопасности в современную эпоху вызывает необходимость мобилизации адаптационных ресурсов с учетом гендерной специфики публичного пространства, что, в свою очередь, задает параметры анализа исторического опыта сохранения преемственности традиций социального и духовно-нравственного служения в рамках реализации либеральной модели в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Становление юридической концепции определения женского правового статуса во второй половине XIX – начале XX в. происходило в рамках двух направлений: либерального (ориентировалось на равноправие полов и достижение социальной справедливости посредством образовательных и правовых реформ современного общества, но при этом возводило «мужские ценности» в ранг приоритетных для достижения и чрезмерно акцентировало проблему индивидуальной свободы) и марксистского (во главу угла ставило развитие самосознания женщины по отношению к участию в общественном производстве и революционных движениях) [1, с. 118].

В исторической ретроспективе репрезентация проблемы женской эмансипации в общественном сознании относится к концу XIX в., что прослеживается в росте публикационной активности в этом направлении и закреплении темы на уровне энциклопедических изданий. Так, «женский вопрос» многоаспектно и масштабно представлен в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (статьи: «Женское образование» [2, с. 864–873], «Женщина» [2, с. 873–879], «Женщина в гражданском праве» [2, с. 879–885], «Женщина в уголовном праве», «Женщины-врачи» и «Эмансипация женщин» [3, с. 704–708]), что отражает социальный заказ, актуальность осмысления острейшей фазы формирования фемининности – антитезы маскулинности, измеряемой особыми паттернами поведения и проявлениями идентичности как продукта социального конструирования, либеральной культуры в конце XIX – начале XX в. [4, с. 6–7]. В описываемых статьях детально раскрываются механизмы гендерной социализации, влияющие на выбор идентичности в соотнесении с функцией дифференциации половых ролей в семье. В своем пространном экскурсе в европейскую и русскую историю авторы доказывают определенную направленность происходивших трансформаций (стереотипизация образа «злой жены»): «Вместе с аскетической проповедью проникали в Россию воззрения на женщин как на источник всякого зла». Окончательно образ «злой жены» сложился в русской литературе в XVII в. Однако в это же время фиксируется появление женщин – поэтов-песенников и сказительниц, а в царствование Екатерины II число женщин, реализовавших себя в литературной деятельности, возрастает, по мнению энциклопедистов, до 70 человек [2, с. 878].

Отметим при этом, что понятие «эмансипация» трактуется словарем как «выход детей из-под родительской власти» [3, с. 703]. Эмансипация как синоним активности, движения женщин позиционируется в одноименной статье как стремление к уравниванию прав обоих полов. Здесь же присутствует и сравнительная характеристика современного женского движения в Европе и России. В европейских странах эмансипация проходила в двух направлениях: уравнивание с мужчинами в гражданских и политических правах и обеспечение экономической самостоятельности женщин посредством получения образования. Российское женское движение было ограничено сферой образования [3, с. 706].

В первую очередь авторы зафиксировали категорические отличия русского законодательства от западноевропейского в вопросе ограничения женщин в правах: «Никаких ограничений дееспособности женщины как таковой наше право не знало и не знает». Исключение составляли лишь две позиции по отношению к жене: «она не в праве выдавать векселя без согласия мужа, если не ведет торговли» и «не в праве наниматься в услужение или на работы без позволения мужа» [2, с. 883]. Так, при поступлении на курсы сестер милосердия, организованные в г. Пензе в 1877 г., кандидаткам нужно было предоставить свидетельство мужа о его согласии «на принятие женой обязанностей сестер Красного Креста» [5, с. 6].

Совершенно отсутствовали, по мнению авторов, и «ограничения в дееспособности женщин в области прав частно-публичных». Русские женщины имели право выступать в роли опекунов и попечительниц над посторонними лицами, свидетельницами при составлении завещания и разного рода актов, экспертами и третейскими судьями, в то время как в Австрии, Франции, Испании такие ограничения существовали [2, с. 883–885].

Вместе с тем фиксировалось сохранение ограничений в правах наследования [2, с. 883–885]. Вступая в права наследования, каждая женщина получала из недвижимого имущества четырнадцатую часть, а из движимого – восьмую часть [6, с. 65–66]. Законная жена получала из недвижимого имущества седьмую часть, а из движимого – четвертую [6, с. 70]. При этом каждый из супругов мог иметь и приобретать отдельную собственность. Приданное жены, равно как и имение, приобретенное ею или на ее имя, признавалось ее отдельной собственностью.

По нормам обычного права женщины не принимали участия в разделе отцовского имущества, но братья обязаны были дать сестрам «содержание и выдавать их замуж, снабдив приданным» [2, с. 885]. Отмечалась и обязанность родителей обеспечить своим дочерям благополучие в будущем («родители пекутся об отдаче дочерей в замужество»). С назначением же приданного происходил выдел дочерей и родственниц [6, с. 6–7]. Муж был обязан любить свою жену, жить с ней в согласии, обеспечивать пропитание и содержание. Жена же была обязана повиноваться мужу своему, ее права были ограничены в сфере трудоустройства (требовалось согласие мужа), равно как запрещалось отдавать в наем жен мужьями без согласия последних¹.

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : в 129 т. Т. XXXIX. Отделение 1. 1864 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 973 с. URL: <http://elibrary.ru/nodes/393-otd-nie-1-ot40457-41318-1867> (дата обращения: 28.05.2025).

Серьезным достижением современного права в энциклопедии был назван сенатский указ, открывший возможность для женщин крестьянского сословия получать (при наличии известных условий) вид на жительство без согласия мужа [3, с. 706]. Тем самым можно выделить ключевые направления эволюции правового статуса женщин, наиболее актуальные в контексте борьбы за равные права: получение отдельного вида на жительство (раздельное проживание с мужем), а также прав государственной службы (в 1898 г. принят закон о даровании прав государственной службы женщинам-врачам) [3, с. 707].

Активно обсуждался вопрос о расширении избирательных прав женщин в области земского самоуправления [3, с. 707]. Законодательство устанавливало особый порядок внесения лиц женского пола в список избирателей. Так, согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях (ст. 18), лица женского пола могли участвовать в муниципальных выборах только опосредованно – через поверенных, опекунов или попечителей, а также «уполномочивать на участие в выборах своих отцов, мужей, сыновей, зятьев и родных братьев»¹.

При этом «право участия» даже «через уполномоченных в выборе гласных» имели только владелицы определенного количества земли. Так, в мае 1883 г. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел затребовал у губернаторов сведения о фактах нарушения законодательства и циркулярных предписаний (еще от 1 декабря 1864 г. за № 190) и включении в списки избирателей лиц женского пола без учета размеров их владений [7, л. 1]. В ответ на поступивший запрос Городищенская земская уездная управа заявила о внесении женщин как землевладеллиц, в том числе и владевших недостаточным количеством земли (согласно п. 1 ст. 23 Положения о земских учреждениях, не менее 10 десятин, т.е. 1/20 части полного ценза), в списки избирателей для выбора уполномоченных, «дабы не лишать их возможности участвовать в сказанных выборах через доверенности своим ближайшим родственникам» [7, л. 3–3 об.]. Пензенская уездная земская управа ответила, что женщины (мелкие землевладеллицы) «в списки вносятся», но «на съезд не приглашаются и посему никакого участия в выборах не принимают и показываются в тех списках для одного лишь счета» [7, л. 4]. Аналогичные сведения поступили и из Краснослободского уезда. Председатель земской управы конкретизировал, что даже лица женского пола, владевшие землей в значительном размере, к участию в выборах допускаются только через поверенных. Необходимо отметить особое мнение уездных властей о том, что мелким землевладельцам женского пола необходимо предоставить право участия через поверенных, так как они участвуют «во всех земских повинностях наравне с уездными землевладельцами, имеющими право непосредственного голоса в избирательных съездах для выбора гласных» [7, л. 9–9 об.]. В Саранском уезде в списки вносились лица как мужского, так и женского

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : в 129 т. Т. XXXIX. Отделение 1. 1864 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 973 с. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/393-otd-nie-1-ot40457-41318-1867> (дата обращения: 28.05.2025).

пола. Этот принцип председатель управы посчитал более целесообразным, так как он давал возможность «пользоваться известным правом большому числу мелких владельцев в уезде [7, л. 11].

В Керенском, Мокшанском, Наровчатском, Нижнеломовском, Чембарском уездах женщин – мелких землевладельцев в списки не вносили, «по крайней незначительности таковых» «и жалоб от сих землевладельцев на невнесение их в списки никогда не возникало» [7, л. 5–7, 12]. В Инсарском уезде также отметили, что таковых землевладельцев в списки никогда не вносили, но отметили, что мелких землевладельцев следовало бы вносить в списки, «особенно из лиц привилегированного сословия, которых довольно немалое число» (например, в Инсарском уезде – до четвертой части из общего числа владельцев дворяне). По мнению председателя управы, «при распространении права участия в съездах мелких землевладельцев и на лиц женского пола можно надеяться, что на эти съезды будет являться большее число лиц, ибо остальные мелкие землевладельцы, состоящие преимущественно из крестьянского сословия, совершенно безучастно относятся к делам земства и в сказанных съездах всегда участвуют почти только одни священнослужители по владению церковными землями» [7, л. 10–10 об.].

Тем самым очевидно, что сохранение ограничений в правовом статусе женщин послужит основанием для оформления «женского вопроса» и возникновения «женского движения». В этом же ряду следует отметить влияние демографического и социально-экономического факторов, а также сохранение дискриминации в сфере образования и военный фактор.

Пореформенная эпоха стала временем демографического бума, когда вследствие снижения смертности (из-за изменения структуры и качества питания, развития земской медицины и санитарно-гигиенической культуры населения, социальных ожиданий решения «земельного вопроса») происходит стремительное увеличение численности населения, что не компенсировалось падением брачности [8, с. 88]. Так, смертность населения в Пензенской губернии снижается с 41,5 человека (в расчете на тысячу населения) в 1875 г. до 33,7 – в 1900 г., 33,6 – в 1910 г. [9–11]. Значения же абсолютного показателя естественного прироста (превышение числа родившихся над числом умерших) колебались в следующих пределах: 1875 г. – 18,2 в расчете на тысячу населения; 1877 г. – 19 (несмотря на существенное снижение брачности в связи с началом Русско-турецкой войны); 1885 г. – 17,5; 1892 г. – единственный год, когда показатель смертности превысил показатель рождаемости на 6378 человек [12, с. 18; 13, с. 21; 14, с. 40]. В начале XX в. динамика естественного прироста была отмечена ощутимым снижением до 30 669 человек в 1913 г. (15,3 в расчете на тысячу человек населения) и ростом в 1914 г. – 36 204 человека (17,7 в расчете на тысячу человек населения) [15–17].

В целом же во второй половине XIX – начале XX в. численность населения Пензенской губернии выросла в два раза: с 1 068 021 души жителей (518 799 мужчин и 594 222 женщины) в 1864 г. до 2 045 822, из них 1 007 161 мужчина и 1 038 661 женщина в 1914 г. [18, с. 16, 18–28]. При этом низкий уровень индустриализации и урбанизации российской провинции заблокировали формирование адаптационных ресурсов и способствовали накоплению протестного потенциала в среде патриархально ориентированного крестьянства. Так, за период с 1880 по 1905 г. население Пензы увеличи-

чилось на 43,4 % и составило 64 161 человек, за 1905–1911 гг. – еще на 24 % (по полицейским сведениям, в 1911 г. в г. Пензе было учтено 79 552 человека, в том числе 40 550 мужчин и 39 002 женщины), но доля губернского центра в общей численности населения губернии не превышала 4,2 % [19, с. 36; 20, с. 163]. Это привело к накоплению кризисных явлений социально-экономического и социокультурного порядков и обеспечило революционный взрыв в начале XX столетия.

Не менее важным фактором роста социальной активности женщин выступает их включенность в экономические процессы. К сожалению, в этом вопросе мы сможем опереться лишь на данные Всеобщей переписи 1897 г., в ходе которой в губернии было учтено 267 552 мужчины и 54 431 женщина в числе лиц, имевших самостоятельные занятия, в том числе в сферах: администрации, суда и полиции – 2131 мужчина и 2 женщины; общественной и сословной службы – 1457 мужчин и 10 женщин; частной юридической практики – 73 мужчины и 2 женщины; проституции – 34 женщины. Наиболее заметным было присутствие женщин: в изготовлении одежды – 6100 мужчин и 1541 женщина; обработке волокнистых веществ – 1941 мужчина и 2283 женщины; земледелии – 195 686 мужчин и 19 801 женщина; службе частной (прислуга, поденная работа) – 12 248 мужчин и 11 455 женщин; учебной и воспитательной деятельности – 913 мужчин и 505 женщин; врачебной и санитарной деятельности – 652 мужчины и 318 женщин; науки, культуры и искусства – 78 мужчин и 17 женщин; богослужении православного вероисповедания – 2313 мужчин и 3186 женщин; на железных дорогах – 2324 мужчины и 174 женщины; на почте, телеграфе, телефоне – 361 мужчина и 17 женщин, в кредитных и общественных коммерческих учреждениях – 94 мужчины и 3 женщины; в трактирах, гостиницах, меблированных комнатах, клубах – 1071 мужчина и 253 женщины [21, с. 168].

В сфере самостоятельного сельскохозяйственного производства гендерная специфика занятости выразилась следующими данными: кустарное производство льняных и пеньковых изделий – 48 мужчин и 676 женщин, выделка овчин и мехов – 582 и 46 соответственно, производство колесных ободьев, дуг, оглобель и пр. – 2336 и 109, производство винокуренное, спиртоочистительное и водочное – 192 и 16, мукомольное и круподерное производство – 2030 и 36, изготовление мужской одежды – 3196 и 285, плотники – 5201 и 178. И даже в ломовом извозном промысле было занято 43 женщины при 1738 мужчинах, в числе чернорабочих и поденщиков учтено 253 женщины при 2055 мужчинах [21, с. 228–234].

Пореформенное время отмечено серьезными подвижками в деле развития женского образования и становления системы среднего женского образования. Так, в 1843 г. был принят Устав, на основании которого открываются епархиальные училища, имевшие специальную программу подготовки для будущих жен священников, в то время как ранее девушки могли довольствоваться только домашним воспитанием или обучением при монастырях [22, с. 55]. Первоначально существовали сословные привилегии для дочерей священников при поступлении в данные учебные заведения, с 1868 г. в училища стали принимать лиц всех состояний.

Рождение женского гимназического образования соотносится с датой 19 апреля 1858 г., когда открывается четырехклассное женское училище во введении учреждений императрицы Марии Александровны, с 1862 г.

переименованное в гимназию [23, с. 147]. Положение о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения было утверждено 24 мая 1870 г. [24, с. 701–705]. Но при этом необходимо отметить качественное отличие принятого документа от Устава гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г., определявшего цель гимназического обучения как подготовку для поступления в высшие учебные заведения. Женщины такой возможности были лишены. Единственной перспективой их дальнейшей профессиональной самореализации Положением определялось получение звания учительницы по окончании восьмого дополнительного класса гимназии [23, с. 150].

Дополнительными рисками развития среднего женского образования, по мнению В. Я. Стоюнина, стали: неприятие всесословного характера гимназий со стороны привилегированных классов; недостаток классического образования («не научает говорить по-французски»); а также тот факт, что гимназистки не довольствуются программой гимназического обучения, а «по окончании курса ищут новых познаний и пристращаются к науке» [23, с. 151]. Тем не менее в его представлениях «семья непременно должна была выиграть от такого направления образования», так как сближение двух полов «в общих духовных интересах жизни должно непременно поднять нравственный уровень не только семьи, но со временем и самого общества» [23, с. 152].

27 декабря 1884 г. в целях корректировки принятых ранее решений при Министерстве народного просвещения была учреждена специальная Комиссия по женскому образованию, и в апреле 1885 г. в канцелярию пензенского губернатора последовал запрос о числе окончивших курс со званием домашней учительницы в женских гимназиях и о числе домашних учительниц, остававшихся без мест, на основе поступающих в министерство сведений о переполненности женских гимназий учащимися [25, л. 1]. Свою позицию в этом вопросе пензенский губернатор А. А. Татищев обозначил следующим образом: «Отсутствие профессиональных школ для женского образования в Пензенской губернии естественно вызывает стремление людей даже недостаточного состояния отдавать своих дочерей в гимназии и прогимназии, где нередко можно встретить детей кухарок, дворников и другой прислуги. Желание дать дочерям образование и тем вывести их из своей среды на поприще более легкой деятельности весьма понятно в родителях, но, к сожалению, оно в большей части случаев остается не достижимым, и такое стремление вместо желаемой пользы приносит страшный вред. Большинство бедняков оказываются не в состоянии пройти полный курс гимназического образования и вынуждены бросить его иногда в самом начале. Между тем, побывав в иной обстановке, среди дочерей интеллигентного или состоятельного класса, бедная девочка уже не легко мирится со своей домашней обстановкой. Она смотрит с пренебрежением на труд родителей, в ней возбуждается презрение к нему и злоба на отца и мать, что они не могли дать ей лучшее положение. Оторвавшись, таким образом, от скромной сферы трудовой жизни ремесленника, работника или слуги, без образования и знания, эти недоучки пускаются в разврат или становятся в ряды лиц, недовольных существующим строем государственного порядка и управления» [25, л. 13–14]. Отметим, что из 1252 учениц, поступивших в 1875–1885 гг. в пензенские

женские гимназию и прогимназию, окончило курс только 530 человек. Словная картина эффективности женского образования в губернии оценивалась губернатором следующим образом: из 497 дочерей дворян и чиновников окончили курс 251 человек; из 554 лиц духовного звания – 51 человек; из 537 купцов и мещан – 177 человек; из 164 крестьян и других сословий – 51 человек [25, л. 14]. В силу этого Татищев решительно настаивал на необходимости открытия в городах губернии женских профессиональных школ, но не гимназий [25, л. 14 об.].

На рубеже XIX и XX вв. в русле зародившегося женского движения в России оформляются контуры публичной сферы, в коих присутствовали признаки гендерной дискриминации. К 1906 г. Союз равноправности женщин подготовил законопроект «О равноправии женщин», содержание которого позволяет реконструировать основные устремления россиянок в отношении гражданских прав [26]¹. Так, обретение равенства с лицами мужского пола предполагало дарование права избирать и быть избранной (в том числе право участия в земских избирательных собраниях и при избрании гласных по Городовому положению при достижении возраста 25 лет); права занятия должностей по государственной службе (за исключением действительной военной службы; требование отмены «воспреещения» женщинам занимать канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях по Уставу о службе, за исключением учреждений ведомства Марии Федоровны); права получать звания; поступать в высшие учебные заведения (за исключением Духовных академий и военных вузов); наследовать на равных основаниях; права на распоряжение своим имуществом при вступлении в брак, приобретение и отчуждение, вступление в сделки, выступление в суде и пр. без согласия мужа; права на раздельное проживание («Не могут они также быть понуждаемы к совместному с мужем жительству») [26, л. 4 об. – 6]. Равенство женщин подчеркивалось изъятием самого термина «жена», наделенного гендерно-дискриминирующей коннотацией, и его заменой на «супруги», «супругам» [26, л. 8]. Следует указать и на требования отмены: присвоения корпоративных прав по состоянию и званию мужа (замена на определение брака как обязанности «супружеской верности, взаимного попечения и помощи друг другу»); необходимости повиноваться своему мужу как главе семейства; в статусе приоритетного – обязанности совместного проживания для супругов («при перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним») на свободу волеизъявления при проживании («супруги не могут быть понуждаемы к совместному жительству») [26, л. 9 об. – 10]. Предлагалось внести изменения в Почтовый и Телеграфный уставы с целью изъятия дискриминирующего положения о согласовании допуска женщин к исполнению обязанностей с министром внутренних дел и ссылки на особые правила; в Устав о паспортах для отмены условия нахождения при муже для получения вида на жительство и требование получения отдельного вида на жительство для каждого из супругов и т.д. [26, л. 15–16, 21]. К сожалению, общедемократические требования равноправия так и остались общественной инициативой и законодателей не заинтересовали.

¹ О равноправии женщин : законопроект, составленный юридической комиссией при Союзе Равноправия женщин. СПб. : Издание О. Н. Клириковой, 1906.

Травмирующим и колоссальным по степени влияния фактором следует рассматривать Первую мировую войну, и в первую очередь мобилизационные кампании. Анализ данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи позволил С. Д. Морозову сделать вывод о том, что к 1917 г. 29,2 % всех хозяйств в Пензенской губернии осталось без мужчин. В структуре рабочей силы в крестьянском хозяйстве Центральной России в 1917 г. женщины составляли 71,9 %, или почти 3/4 всех трудоспособных лиц [27, с. 75–76]. В составе населения из-за нарушения нормальной половозрастной структуры происходят глубокие и необратимые изменения в отношении брачности и других показателей. Причинами нарушений выступают: повышенная смертность, прежде всего массовая гибель молодых мужчин на полях сражений, и пониженная рождаемость в военные годы. В общей сложности число нерезультативных браков по 50 губерниям России за годы Первой мировой войны оценивается в 1,7 млн [28, с. 51]. В Пензенской губернии в 1914 г. число браков сократилось более чем в два раза и составило 11 166 (42 % к числу браков 1913 г.) [17]. Это намного превышало общероссийские показатели (83 % к числу браков в 1913 г.). Падение показателя до отметки в 42 % в целом по России происходит только в 1915–1916 гг. [28, с. 50].

За годы Первой мировой войны существенно изменился гендерный состав занятости в российской экономике. Так, в 1914 г. в обрабатывающей промышленности Центральной России было зарегистрировано 36,7 % женщин, в то время как в 1917 г. – 46,6 %, в текстильной промышленности – соответственно 55,8 и 64,5 %, а по другим отраслям – 17,7 и 28,7 % [27, с. 73].

Таким образом, характеризуя демографические процессы в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в., необходимо отметить объективные факторы укрепления позиции женщин как ключевого адаптационного ресурса при переходе к обществу модерна: аграрное перенаселение и реактуализацию общинного архетипа, а также массовое изъятие трудоспособного мужского населения в ходе мобилизационных кампаний в периоды военных конфликтов.

Список литературы

1. Латыпова Д. Ф. Генезис института правового положения женщин: от римского права к современности. Уфа : РИО БашГУ, 2003. 125 с.
2. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб. : Типолит. И. А. Ефрона, 1894. Т. ХІА. 958 с.
3. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб. : Типолит. И. А. Ефрона, 1904. Т. ХІА. 956 с.
4. Чернышева А. В., Спирюгова А. Г. Мужскость и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник. 2021. Вып. 6. С. 1–19. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-6-754>
5. Пензенские губернские ведомости (ПГВ). 1877. № 62.
6. Законы о женщинах : сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола / сост. Я. А. Канторович. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 272 с.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 5796.
8. Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 83–104.

9. Обзор Пензенской губернии за 1875 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография губернского правления, 1876. 131 с.
10. Обзор Пензенской губернии за 1900 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1901. 88 с.
11. Обзор Пензенской губернии за 1910 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1911. 61 с.
12. Обзор Пензенской губернии за 1877 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1878. 116 с.
13. Обзор Пензенской губернии за 1885 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1886. 82 с.
14. Обзор Пензенской губернии за 1892 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1893. 78 с.
15. Обзор Пензенской губернии за 1911 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1912. 63 с.
16. Обзор Пензенской губернии за 1912 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1913. 66 с.
17. Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение ко Всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза : Типография Губернского правления, 1915. 68 с.
18. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел : в 65 т. Т. XXX. Пензенская губерния. По сведениям 1864 г. СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1869. 120 с.
19. Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. С картою Пензенской губернии. Пенза : Типография губернского правления, 1907. 321 с.
20. Памятная книжка Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза : Пензенский губернский статистический комитет, 1911. 326 с.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. XXX. Пензенская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1903. 257 с.
22. Кукленко О. М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. № 9 (3). С. 53–59.
23. Стоюнин В. Я. Образование русской женщины (По поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Исторический вестник. 1883. Т. XII, № 4. С. 125–153.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. Т. XXXXV. Отделение 1. 1870 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. № 48406. С. 701–705. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.05.2025).
25. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5901.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8.
27. Морозов С. Д. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы социальной структуры. М. : ИРИ РАН ; Пенза : ПГУАС, 2009. 294 с.
28. Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. и с предисл. А. Г. Вишневого. М. : Статистика, 1977. С. 50–82.

References

1. Latypova D.F. *Genezis instituta pravovogo polozheniya zhenshchin: ot rimskogo prava k sovremennosti* = *The genesis of the institute of the legal status of women: from Roman law to the present*. Ufa: RIO BashGU, 2003:125. (In Russ.)
2. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: v 86 t.* = *Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron: in 86 volumes*. Saint Petersburg: Tipo-lit. I.A. Efrona, 1894;XIA:958. (In Russ.)

3. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: v 86 t. = Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron: in 86 volumes.* Saint Petersburg: Tipo-lit. I.A. Efrona, 1904;XLA:956. (In Russ.)
4. Chernysheva A.V., Spiruygova A.G. Masculinity and femininity in modern society: trends of transformation. *Gumanitarnyy vestnik = Bulletin of humanities.* 2021;(6):1–19. (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-6-754>
5. *Penzenskie gubernskie vedomosti (PGV) = Penza Provincial Proceedings.* 1877;(62). (In Russ.)
6. Kantorovich Ya.A. (comp.). *Zakony o zhenshchinakh: sb. vseh postanovleniy deystvuyushchego zakonodatel'stva, otnosyashchikhsya do lits zhen. pola = Women's Laws: A collection of all provisions of current legislation relating to women.* Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1899:272. (In Russ.)
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 5. Op. 1. D. 5796 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 5796.* (In Russ.)
8. Mironov B.N. Traditional demographic behavior of peasants in the 19th – early 20th centuries. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR: sb. st. = Marriage, birth and mortality rates in Russia and the USSR: collected articles.* Moscow: Statistika, 1977:83–104. (In Russ.)
9. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1875 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1875. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1876:131. (In Russ.)
10. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1900 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1900. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1901:88. (In Russ.)
11. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1910 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1910. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1911:61. (In Russ.)
12. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1877 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu Penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1877. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1878:116. (In Russ.)
13. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1885 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1885. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1886:82. (In Russ.)
14. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1892 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1892. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1893:78. (In Russ.)
15. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1911 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu Penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1911. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1912:63. (In Russ.)
16. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1912 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1912. Appendix to the most humble report of the Penza Governor.* Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1913:66. (In Russ.)
17. *Obzor Penzenskoy gubernii za 1914 g. Prilozhenie ko Vsepoddanneysshemu otchetu penzenskogo gubernatora = Review of Penza Province for 1914. Appendix to the most*

- humble report of the Penza Governor*. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1915:68. (In Russ.)
18. *Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del: v 65 t. T. XXX. Penzenskaya guberniya. Po svedeniyam 1864 g. = Lists of settlements in the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs: in 65 volumes. Penza Province. According to the information of 1864*. Saint Petersburg: Tip. Karla Vul'fa, 1869:120. (In Russ.)
 19. *Penzenskaya eparkhiya. Istoriko-statisticheskoe opisanie. S kartoyu Penzenskoy gubernii = Penza Diocese. Historical and Statistical Description. With a Map of Penza Province*. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1907:321. (In Russ.)
 20. *Pamyatnaya knizhka Penzenskoy gubernii za 1911–1912 gg. = Memoir Book of the Penza Province for 1911–1912*. Penza: Penzenskiy gubernskiy statisticheskiy komitet, 1911:326. (In Russ.)
 21. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. T. XXX. Penzenskaya guberniya = The First General Population Census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes. Volume 30. Penza Province*. Saint Petersburg: Tip. kn. V.P. Meshcherskogo, 1903:257. (In Russ.)
 22. Kuklenko O.M. Social and legal status and marital status of women of the lower class of the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Nauchnyy al'manakh stran Prichernomor'ya = Scientific Almanac of the Black Sea Countries*. 2023;(9):53–59. (In Russ.)
 23. Stoyunin V.Ya. Education of Russian women (on the occasion of the 25th anniversary of Russian women's gymnasiums). *Istoricheskiy vestnik = Bulletin of history*. 1883;XII(4):125–153. (In Russ.)
 24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. 12 dekabrya 1825 – 28 fevralya 1881 gg. T. XXXV. Otdelenie 1. 1870 g. = Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. December 12, 1825 – February 28, 1881. Volume 45. Section 1. 1870*. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1874;(48406):701–705. (In Russ.). Available at: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 26.05.2025).
 25. *GAPO. F. 5. Op. 1. D. 5901 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 5901*. (In Russ.)
 26. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 516. Op. 1. D. 8 = State Archive of the Russian Federation. Fund 516. Item 1. File 8*. (In Russ.)
 27. Morozov S.D. *Tsentral'naya Rossiya v 1897–1917 gg.: problemy sotsial'noy struktury = Central Russia in 1897–1917: issues of social structure*. Moscow: IRI RAN; Penza: PGUAS, 2009:294. (In Russ.)
 28. Il'ina I.P. The impact of wars on the marriage rate of Soviet women. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR: sb. st. = Marriage, birth and mortality rates in Russia and the USSR: collected articles*. Moscow: Statistika, 1977:50–82. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Андреевна Коблова

соискатель, ассистент кафедры истории России и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nata_koblova@mail.ru

Nataliya A. Koblova

Applicant, assistant of the sub-department of history of Russia and methods of teaching history, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 02.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.07.2025

Принята к публикации / Accepted 15.08.2025

УДК 908(470+571)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-11

**Пензенская губернская конференция
по изучению производительных сил 1926 г.:
исторический анализ**

Д. А. Панфилов

Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия

panfa2000@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено историческому анализу Пензенской губернской конференции по изучению производительных сил, состоявшейся в 1926 г. В работе исследуются предпосылки созыва конференции, ее цели и задачи, а также состав участников. Особое внимание уделяется рассмотрению основных докладов и дискуссий, развернувшихся в ходе конференции. *Материалы и методы.* Работа основана на широком круге архивных источников из Государственного архива Пензенской области, материалах периодической печати (газета «Трудовая правда») и научных публикациях. Методологическую основу данного исследования составили принципы основных исторических методов исследования. Используя локальный метод исследования, автор анализирует письменные источники. *Результаты.* Была воссоздана целостная картина деятельности Пензенской губернской конференции по изучению производительных сил 1926 г. и оценен ее вклад в развитие региональной науки и экономики. *Выводы.* Конференция стала знаковым событием как в научной, так и в экономической жизни края. Представленные доклады отразили состояние региона, показывая его проблемы и пути их решения. Завершением конференции стало принятие резолюции, которая определила вектор дальнейшего развития краеведческой деятельности, акцентируя внимание на необходимости углубленного изучения Пензенской губернии. Важным моментом стало учреждение Губернского бюро краеведения, которое объединяло как хозяйственные и научные учреждения, так и отдельных ученых и экспертов, увлеченных идеей всестороннего исследования местного края. Таким образом, конференция не только подвела итоги предыдущей работы, но и заложила фундамент для дальнейших исследований Пензенского края.

Ключевые слова: Пензенская губерния, конференция, производительные силы, «золотое десятилетие советского краеведения», Пензенское общество любителей естествознания и краеведения, Губернская плановая комиссия, Губернское бюро краеведения

Для цитирования: Панфилов Д. А. Пензенская губернская конференция по изучению производительных сил 1926 г.: исторический анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 128–137. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-11

**Penza provincial conference on the study
of productive forces in 1926:
historical analysis**

D.A. Panfilov

© Панфилов Д. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Institute of regional development of Penza region, Penza, Russia
panfa2000@mail.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the historical analysis of the Penza Provincial Conference on the Study of Productive Forces, held in 1926. The paper examines the prerequisites for convening the conference, its goals and objectives, as well as the composition of the participants. Special attention is paid to the consideration of the main reports and discussions that unfolded during the conference. *Materials and methods.* The article is based on a wide range of archival sources from the State Archive of Penza region (GAPO), periodical press materials ("Trudovaya Pravda" newspaper) and scientific publications. The methodological basis of this study is based on the principles of the main historical research methods, using the local research method, the author analyzes written sources. *Results.* In the course of the research, a holistic picture of the activities of the Penza Provincial Conference on the Study of Productive Forces in 1926 was recreated and its contribution to the development of regional science and economics was assessed. *Conclusions.* The conference has become a landmark event both in the scientific and economic life of the region. The presented reports reflected the state of the region, showing its problems and ways to solve them. The conference concluded with the adoption of a resolution that determined the vector of further development of local history activities, emphasizing the need for in-depth study of Penza province. An important moment was the establishment of the Provincial Bureau of Local Lore, which brought together economic and scientific institutions, as well as individual scientists and experts who were passionate about the idea of a comprehensive study of the local region. Thus, the conference not only summed up the results of the previous work, but also laid the foundation for further research of the Penza Region.

Keywords: Penza province, conference, productive forces, "the golden decade of Soviet local history", Penza Society of Natural Science and Local History Lovers, Provincial Planning Commission, Provincial Bureau of Local History

For citation: Panfilov D.A. Penza provincial conference on the study of productive forces in 1926: historical analysis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):128–137. (Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-11

Революция 1917 г. оказала существенное влияние на сферу науки в России. Это событие коренным образом переформатировало весь научный ландшафт как в стране в целом, так и в провинциях в частности. Последствиями революции, с одной стороны, стало упразднение или реформирование старых центров объединения ученых. Так, была ликвидирована Пензенская ученая архивная комиссия, прекратил свое существование Пензенский губернский статистический комитет. С другой стороны, возникали новые структуры.

В 1919 г. была принята программа РКП(б). В одном из пунктов в области экономической деятельности отмечалось: «Как главное и основное, определяющее собою всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны» [1, с. 83]. Далее говорилось: «Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т.д.

РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны» [1, с. 86]. Разумеется, что вплотную подойти к выполнению этой задачи можно было только после окончания Гражданской войны.

В научной среде 1920-е гг. характеризуются как «золотое десятилетие советского краеведения». Государственные органы были заинтересованы в развитии краеведческого движения. Ученые-краеведы спасали и сохраняли памятники архитектуры, предметы искусства, архивы и библиотеки. Огромную роль в этой работе играли музеи [2, с. 35].

В первое десятилетие советской власти стала ощутимой необходимость научно-методической и организационной координации деятельности краеведов [3, с. 160]. Научно-исследовательских институтов в полном смысле этого слова в Пензе не было. Но в губернии имелись организации и учреждения, занимающиеся научно-исследовательской работой [4, л. 52]. Особо стоит выделить Пензенское общество любителей естествознания (ПОЛЕ), созданное в 1905 г. Главной задачей ПОЛЕ являлось изучение Пензенской губернии в естественно-историческом отношении и распространение соответствующих знаний. При Обществе была организована научная библиотека, а также создан естественно-исторический музей. В 1911–1929 гг. председателем совета Общества был известный ученый И. И. Спрыгин. В 1923 г. ПОЛЕ было реорганизовано в Пензенское общество любителей естествознания и краеведения (ПОЛЕКр), определившее для себя новые задачи: всестороннее изучение населения Пензенской губернии, а также охрана памятников природы, предметов старины и искусства. Росла и численность его членов: если на момент образования их было 54, то к 1923 г. – 180 [5, с. 198].

Важно отметить, что в систему научно-исследовательских учреждений, вокруг которых объединялись ученые, входили музеи. Так, в 1924 г. естественно-исторический музей был переименован в краеведческий. Важную роль в формировании коллекций музея, организации научно-исследовательской и экспозиционной работы играли члены ПОЛЕКр И. И. Спрыгин, Н. И. Спрыгина, А. А. Штукенберг, Е. К. Штукенберг, Н. Г. Заикин и Б. Н. Гвоздев [6].

В июне 1925 г. на заседании Губернской плановой комиссии (Губплана) обсуждались вопросы об открытии при музее промышленно-экономического отдела, а также об организационных мероприятиях по созыву конференции по изучению производительных сил губернии [7, л. 10]. После Гражданской войны было затруднено общение специалистов, близких по профессиональным интересам, а контакты с зарубежными коллегами и вовсе прерваны. Краеведческие конференции в таких условиях оказались особо важными для обмена научной информацией и координации научной деятельности в том или ином направлении [3, с. 158].

Губисполком по представлению Губплана утвердил созыв губернской конференции. Ее цель заключалась в том, чтобы «подвести итог всему, что известно нам о количестве местонахождений и размерах использования наших губернских богатств, а также наметить пробелы в этом отношении и указать пути в их пополнении». Также она имела задачу «расширить рамки происходящей в нашей губернии работы по изучению местного края, втянуть в эту работу новые широкие массы лиц, которые сейчас стоят вдали от нее,

не имеют никаких связей с краеведческими организациями, но могли бы оказать громадную услугу краеведению своими знаниями местной конкретной жизни, природы и хозяйства своего родного угла» [7, л. 21].

Пензенская губернская конференция по изучению производительных сил проходила с 31 января по 4 февраля 1926 г. [4, л. 52] во Дворце труда [8, л. 4] (ныне – здание Законодательного собрания Пензенской области). В общей сложности в ней приняли участие 232 делегата [9, с. 2]. На страницах газеты «Трудовая правда» писали: «Сошлись сюда во “Дворец труда”, трудовая интеллигенция губернии: агрономы, лесоводы, школьные работники, исследователи местного края, инженеры, врачи. Пришли и культурники земледобы. Пришли партийные и советские работники» [10, с. 3].

В час дня председатель Губплана К. С. Архангельский открыл заседание конференции: «Товарищи, Октябрьская революция разбила мертвые окопы как экономические, так и политические, и бытовые с рабочего класса. Она освободила труд, освободила науку и тем самым обеспечила прочный союз между наукой и трудом. Бурный рост нашего хозяйства, рост наших потребностей – все это ставит задачу реорганизации нашего народного хозяйства в смысле построения его на научно-технической основе. Наша губерния, экономически отсталая, страдающая от недостатка научных сил, должна обратить особенное внимание на успешное переустройство своего хозяйства, что невозможно без вовлечения в эту работу научных работников и создания нового кадра их. Особенно важно изучить наш край, его бытовые особенности, чтобы с меньшими затруднениями достичь больших успехов, внедряя социалистические начала в наше хозяйство. Настоящая конференция, под руководством компартии, должна явиться отправным пунктом в деле дальнейшего углубления нашего хозяйства» [10, с. 3].

После речи К. С. Архангельского был избран президиум в составе 21 человека. Затем был принят регламент конференции. Утренние заседания проходили с 10:00 до 14:00, вечерние – с 17:00 до 20:00 в составе трех секций: естественно-географической, социально-культурной и экономической. По принятию регламента представители партийных и государственных учреждений произнесли приветственные слова (от Губисполкома – тов. Лютин, от Средневолжской областной плановой комиссии – тов. Арапов и др.). Затем от имени ПОЛЕКр и Казанского общества естествоиспытателей участников конференции поприветствовал И. И. Спрыгин. Закончилось заседание чтением приветственной телеграммы от Главнауки [10, с. 3].

На вечернем заседании выступил заместитель Предгубплана М. М. Коновалов. В его докладе «Краеведение, его задачи и содержание» было определено понятие краеведения как научного изучения определенной территории, выделенной под названием «местного края» на основе физико-географических, территориальных, экономических или административных признаков концентрированными разного масштаба от села или города до губернии и области и организационно-объединяемое в губернских или областных административных границах.

Признавалась необходимость выделения краеведения в особую отрасль научной деятельности и определялась его задача – исследование взаимной связи различных объектов изучения, которая зависит от их территориального размещения в одной и той же местности. Отмечалось, что в отличие от географии

краеведение объединяет в один территориальный комплекс не только чисто географические особенности местного края, но и историко-этнологические, культурные, бытовые и др.

Под содержанием краеведения понимался единый комплекс – «местный край», который для детализации изучения мог разбиваться на ряд более мелких структур (волость, совхоз, деревня и т.п.). Задача краеведения же заключается в установлении органической связи между этими структурными единицами, возникающей вследствие их территориального существования в едином местном крае [4, л. 347–349].

Отмечалось, что в краеведческую систему должны быть включены плановые и статистические органы, а также общества, кружки и отдельные исследователи местного края. Для руководства работой первичных краеведческих организаций в направлении изучения производительных сил губернии и взаимосвязи их с государственными и хозяйственными учреждениями необходимо было создать губернский краеведческий орган [10, с. 3]. В резолюции признавалась актуальность положений доклада М. М. Коновалова. Пленум посчитал необходимым взять их за основу при создании губернской краеведческой организации [4, л. 141].

Вечернее заседание пленума 1 февраля было посвящено заслушиванию двух выступлений В. В. Геммерлинга и А. Е. Любимова. Профессор В. В. Геммерлинг был приглашен в Пензу Оргбюро конференции, чтобы представить доклад «Почвенный покров губернии». Докладчик отметил: «Изучение почвенного покрова имеет громадное практическое значение. Легко установить, какие мероприятия необходимы в смысле удобрения почвы в целях увеличения урожайности. В этом отношении ценны фосфориты, выходы которых наблюдаются во многих местах Пензенской губернии. Эффект удобрения почвы фосфоритовой мукой будет значительный для глинистых и суглинистых земель». Выступление сопровождалось демонстрациями редких геологических карт Пензенской губернии, сохранившихся в единственных экземплярах [11, с. 3]. Участники конференции посчитали необходимым в целях содействия подъему сельского хозяйства губернии добиться публикации почвенных исследований, произведенных экспедицией Н. А. Димо, а также провести опытные изучения применимости и рентабельности фосфоритных удобрений [4, л. 141].

А. Е. Любимов в докладе «Местные пензенские архивы и их значение в деле изучения края» затронул вопрос о постановке архивного дела в Советской России и о материалах местных архивов. В резолюции констатировали, что в Пензе, несмотря на объективные тяжелые условия архивной работы, осуществляется идея централизации архивного дела. Большинство фондов дореволюционной эпохи были включены в архивохранилища Губархбюро. Отмечалось, что в ближайшее время планируется приступить к планомерному и интенсивному разбору и описанию архивных материалов для их использования в изучении края [4, л. 142].

Несмотря на жесткий регламент и все старания президиума, конференция затянулась. Так, пленум 2 февраля вместо двух докладов заслушал лишь один доклад агронома Якунина «Пятилетние перспективы восстановления сельского хозяйства в Пензенской губернии», вызвавший оживленные прения [12, с. 2]. В резолюции было отмечено, что в целях достижения

полной реальности и конкретности плана необходима более полная его связь с научно-краеведческими данными о производительных силах различных районов губернии, учет условий сбыта, увязка с бюджетами крестьянских хозяйств, четкое выявление эффективности мероприятий и их порайонная раз-работка [4, л. 144].

На экономической секции 3 февраля выступил тов. Смагин с докладом «Кустарные промыслы в губернии» [12, с. 2]. Докладчик обратил внимание на необходимость вовлечения кустарей в кооперацию, устройства образцовых мастерских, создания кустарно-ремесленных классов и школ. Особый акцент делался на то, что дальнейшее восстановление и развитие кустарной промышленности должно проходить в полной увязке с государственной промышленностью и сельским хозяйством [4, л. 148].

На пленуме того же дня с докладом «Местные статистические учреждения и их роль в изучении местного края» выступил И. Н. Ратенек. Он отметил тесную связь между работой статистических учреждений и краеведением. Вторую часть выступления докладчик посветил Всесоюзной переписи населения 1926 г. По его словам, «перепись должна дать все элементы для исчисления продукции сельского хозяйства и промышленности, взаимной их связи и расходования получаемой продукции по классам и группам населения. В то же время перепись должна выявить все достижения советского государства на экономическом фронте, все завоевания в области улучшения и развития в отдельных отраслях народного труда. Перепись даст исчерпывающий материал и основные предпосылки для дальнейшего строительства хозяйства и планомерного осуществления целого ряда практических мероприятий: в деле районирования, ликвидации безграмотности, дорожного строительства, в области восстановления сельского хозяйства, садоводства, огородничества и т.д.» [13, с. 2]. Участники конференции признали исключительное значение переписи 1926 г. для изучения Пензенской губернии и сочли необходимым оказание содействия по ее проведению [4, л. 144]. Впоследствии в 1928 г. вышел труд «Перепись населения 1926 г. Поволостные и алфавитные списки населенных мест Пензенской губернии» [14].

В докладе «Краеведение в губернии» Е. К. Штукенберг отметила, что краеведческое движение в Пензенской губернии по сравнению с другими развивается успешнее. Краеведческие кружки строятся на добровольческих началах. В музеях при обществах проводится работа по изучению местного края. Далее она отметила большую роль ПОЛЕКр в развитии краеведческого движения. Основными проблемами Общества признавался недостаток активных работников и денежных средств. Далее Е. К. Штукенберг остановила внимание на описании работы краеведческого музея. Большим вопросом оказалась связь с местными музеями, потому что в губернии отсутствовал организующий центр – Губмузей при Губоно. Затем выступили содокладчики: тов. Симагин (от Нижнеломовского общества), тов. Котиков (от Головищенского кружка), тов. Поляков (от Саранского общества изучения родного края) и тов. Филимонов (от Наровчатского кружка) [13, с. 2]. После доклада пленум конференции, принимая во внимание затруднительные условия, в которых находятся краеведческие учреждения, подчеркнул необходимость «полной материальной и моральной поддержки... со стороны органов местной власти и других советских, партийных и общественных организаций, без чего

попытки краеведов будут обречены на неудачу и дело краеведения не получит нужного завершения и расцвета» [4, л. 143].

На утреннем заседании 4 февраля М. М. Коновалов выступил на тему «Вопросы районирования». Как сказал докладчик, «цель районирования – создать на основе производственной специализации и сходства в характере производительных сил административно-хозяйственную единицу, способную к восстановлению и развитию хозяйства во всех его отраслях». Далее отмечалось, что в работе районирования необходимо опираться на материалы краеведения. Предполагалось районирование трех видов: областное, окружное и волостное. По мнению докладчика, присоединение Пензенской губернии к Средне-Волжской области должно произойти через 1,5–2 года. Члены конференции выразили пожелание, чтобы краеведческие организации пришли на помощь к Губплану при районировании губернии [13, с. 2].

И. И. Спрыгин выступил с докладом «Охрана природы». Он рассказал о растительном покрове, климатических условиях и животном разнообразии края. Отдельное внимание было уделено организации заповедников как в Пензенской губернии, так и за ее пределами [13, с. 2]. В резолюции отмечалось, что охрана природы является одной из важнейших задач краеведения. Участники конференции выразили пожелание скорейшей публикации материалов по ботанико-географическому положению губернии, а также необходимости расширения и углубления исследования животного мира, который почти не изучен [4, л. 145].

В своем выступлении «Краеведение в школе» тов. Поляков подчеркнул, что «школьный работник должен установить связь с краеведческими организациями» [13, с. 2]. В резолюции говорилось, что школьное краеведение должно быть связано с жизненными запросами и нуждами местного края, а конечной целью должно стать поднятие народного хозяйства и улучшение общественно-культурных условий населения. Также было сказано, что для помощи школам необходимо издание краеведческих материалов, справочников и иных пособий [4, л. 146].

На последнем пленуме вечером 4 февраля тов. Тимофеев выступил с докладом «О военизации населения». В резолюции отмечалось, что СССР находится во вражеском окружении и что этот вопрос имеет огромное значение, и поэтому участники конференции считают долгом каждого сознательного гражданина приблизить эту идею к широким массам населения [4, л. 147].

Далее, согласно тезисам доклада Б. Н. Гвоздева «Охрана памятников старины», в резолюцию был внесен ряд мероприятий, среди которых значилось: воспрепятствовать уничтожению оборонительного вала и остатков городских укреплений, организовать поездки губернских специалистов на места с целью регистрации памятников старины и популяризации идеи их охраны, организовать вывоз наиболее ценных предметов старины в музейные хранилища, поддержать ходатайство ПОЛЕКр перед Главнаукой об ассигновании средств на продолжение раскопок в Наровчате летом 1926 г. и т.д. [4, л. 145].

«Настроение участников конференции выразилось шумом долгих аплодисментов, когда из-за стола президиума встал К. С. Архангельский», – писали в газете «Трудовая правда». Закрывая конференцию, он произнес: «Тот широкий отклик, какой нашел наш призыв, говорит, что этот вопрос

назрел. Вопросы, которые мы обсуждали на конференции, не выдуманы, а поставлены самой жизнью...». После объявления о закрытии конференции присутствующие поднялись со своих мест и исполнили «Интернационал» [9, с. 2].

Конференция стала значительным событием в научной и в экономической жизни края. Доклады ее участников помогли увидеть комплексное состояние региона. По окончании конференции была принята резолюция, направленная на расширение краеведческой деятельности и дальнейшее углубление изучения Пензенской губернии. Важным решением стало принятие положения о Губернском бюро краеведения [9, с. 2], председателем которого стал К. С. Архангельский [4, л. 1]. Губкраебюро объединило всех заинтересованных во всестороннем изучении местного края как хозяйственные и научные учреждения, так и отдельных ученых и специалистов [4, л. 52–52 об.].

В заключение стоит отметить, что современные пензенские краеведы продолжают дело Губернской конференции по изучению производительных сил, являющейся по своей сути первой региональной краеведческой конференцией. Многие вопросы, обсуждаемые в 1926 г., актуальны и на сегодняшний день. Подобные мероприятия позволяют ученым не только делиться своими исследованиями, но и обсуждать насущные проблемы. Так, 9 октября 2021 г. в Пензе на базе Института регионального развития состоялся Первый съезд краеведов Пензенской области [15, с. 77]. Как и на Губернской конференции, участники Съезда приняли резолюцию, определяющую перспективы развития краеведческого движения в регионе.

Список литературы

1. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК : в 16 т. М. : Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1983. Т. 2. С. 71–92.
2. Огородникова О. А., Фирсова О. Г. Почему 1920-е годы стали золотым десятилетием советского краеведения // Журнал исторических исследований. 2019. Т. 4, № 1. С. 34–38.
3. Шмидт С. О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 153–166.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3281.
5. Первушкин В. И. Пензенское общество любителей естествознания (ПОЛЕ) // Пензенская энциклопедия : в 2 т. 2-е изд., уточн. и доп. Пенза : Областной издательский центр, 2019. Т. 2. С. 198.
6. История музея // Пензенский государственный краеведческий музей. URL: <http://km-penza.ru/o-nas/istoriya/> (дата обращения: 24.04.2025).
7. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2817.
8. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3280.
9. На конференции по изучению производительных сил // Трудовая правда. 1926. № 30.
10. Губконференция по изучению производительных сил // Трудовая правда. 1926. № 26.
11. На губконференции по изучению производительных сил // Трудовая правда. 1926. № 27.
12. На конференции по изучению производительных сил // Трудовая правда. 1926. № 28.
13. На конференции по изучению производительных сил // Трудовая правда. 1926. № 29.

14. Перепись населения 1926 г. Поволостные и алфавитные списки населенных мест Пензенской губернии. Пенза : Типо-лит. им. тов. Воровского, 1928. 191 с.
15. Первушкин В. И. Первый съезд краеведов Пензенской области // Пензенское краеведение. 2021. № 3 (39). С. 77–79.

References

1. Program of the Russian Communist Party (Bolsheviks). *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i Plenumov TsK: v 16 t. = The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee: in 16 volumes*. Moscow: Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 1983;2:71–92. (In Russia)
2. Ogorodnikova O.A., Firsova O.G. Why the 1920s became the golden decade of Soviet regional studies. *Zhurnal istoricheskikh issledovaniy = Journal of Historical Research*. 2019;4(1):34–38. (In Russia)
3. Shmidt S.O. Local history in the scientific and social life of Russia in the 1920s. *Put' istorika. Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii = The Historian's path: Selected works on source studies and historiography*. Moscow, 1997:153–166. (In Russia)
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-2. Op. 1. D. 3281 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 3281*. (In Russia)
5. Pervushkin V.I. Penza Society of Natural Science Lovers (POLE). *Penzenskaya entsiklopediya: v 2 t. 2-e izd., utochn. i dop. = Penza Encyclopedia: in 2 volumes. The 2nd edition, revised and supplemented*. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr, 2019;2:198. (In Russia)
6. History of the museum. *Penzenskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey = Penza State Museum of Local History*. (In Russia). Available at: <http://km-penza.ru/onas/istoriya/> (accessed 24.04.2025).
7. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 2817 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 2817*. (In Russia)
8. *GAPO. F. R-2. Op. 1. D. 3280 = State Archive of Penza region. Fund R-2. Item 1. File 3280*. (In Russia)
9. At the conference on the study of productive forces. *Trudovaya pravda = Labor Truth*. 1926;(30). (In Russia)
10. Provincial Conference on the Study of Productive Forces. *Trudovaya pravda = Labor Truth*. 1926;(26). (In Russia)
11. At the provincial conference on the study of productive forces. *Trudovaya pravda = Labor Truth*. 1926;(27). (In Russia)
12. At the provincial conference on the study of productive forces. *Trudovaya pravda = Labor Truth*. 1926;(28). (In Russia)
13. At the provincial conference on the study of productive forces. *Trudovaya pravda = Labor Truth*. 1926;(29). (In Russia)
14. *Perepis' naseleniya 1926 g. Povolostnye i alfavitnye spiski naselennykh mest Penzenskoy gubernii = Population Census of 1926. Volost and alphabetical lists of populated areas of Penza province*. Penza: Tipo-lit. im. tov. Vorovskogo, 1928:191. (In Russia)
15. Pervushkin V.I. The first congress of local historians of the Penza region. *Penzenskoe kraevedenie = Penza regional studies*. 2021;(3):77–79. (In Russia)

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Александрович Панфилов

научный сотрудник Центра изучения истории Пензенского края, Институт регионального развития Пензенской области (Россия, г. Пенза, ул. Попова, 40)

E-mail: panfa2000@mail.ru

Dmitry A. Panfilov

Researcher at the Center of the study of the history of Penza region, Institute of regional development of Penza region (40 Popova street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 25.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 09.06.2025

Принята к публикации / Accepted 25.06.2025

РЕЦЕНЗИИ

CRITICAL REVIEWS

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-12

История Самарского Поволжья: новый этап исследований российского региона

В. Ю. Карнишин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
valerykarnishin@mail.ru

Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Леонтьева О. Б. [и др.]. Очерки истории Самарского Поволжья : коллективная монография / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара : САМАРАМА, 2025. 268 с.

Для цитирования: Карнишин В. Ю. История Самарского Поволжья: новый этап исследований российского региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 138–147. Рец. на кн.: Очерки истории Самарского Поволжья : коллективная монография / П. С. Кабытов, Э. Л. Дубман, О. Б. Леонтьева [и др.]. Самара : САМАРАМА, 2025. 268 с. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-12

History of Samara Volga region: new stage in research of the Russian region

V.Yu. Karnishin

Penza State University, Penza, Russia
valerykarnishin@mail.ru

Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontyeva O.B. et al. Essays on the history of Samara Volga region : collective monograph / editor-in-chief P.S. Kabytov. Samara : SAMARAMA, 2025. 268 p.

For citation: Karnishin V.Yu. History of Samara Volga region: new stage in research of the Russian region // University proceedings. Volga region. Humanities. 2025;(3): 138–147. A review of: Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontyeva O.B. et al. Essays on the history of Samara Volga region : collective monograph / editor-in-chief P.S. Kabytov. Samara : SAMARAMA, 2025. 268 p. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-12

© Карнишин В. Ю., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Изучение региональной истории, отразившейся в реализации многочисленных проектов и фундаментальных изданиях, стало знаковой тенденцией в современной российской историографии. Речь идет о постижении отечественной истории на основе анализа совокупности составляющих факторов социально-экономических, политических, этнических, социокультурных процессов в нашей стране на основе выявления общих и отличительных черт в долговременной и краткосрочной перспективе. Нельзя не согласиться с высказанным суждением о том, что «если ранее историки настойчиво искали в местном материале подтверждения общероссийских закономерностей, то на сегодняшний день они предпочитают видеть в нем не только самобытную страницу российской истории, но и относительно автономную величину ее “развития”» [1, с. 71–78]. Соглашаясь с тем, что региональная история стала составной частью современной историографической традиции, отметим, что методологические аспекты ее исследования составляют, на наш взгляд, основу для дискуссий и обобщений. На эту проблему в свое время обратила внимание Л. П. Репина, проанализировавшая противоречия в дефинициях региональной истории, подходы к изучению самой региональной идентичности, пограничных областей – «контактных зон», дающих основу для осмысления опыта совместного существования этнокультурных групп (последнее обстоятельство приобретает особое значение). Наконец, исследователями признается приоритет социокультурного измерения как в формировании окружающей среды и пространства регионов, так и в создании структур идентичности [2, с. 11]. Для всестороннего изучения региональной истории, как отмечает В. В. Кондрашин, принципиально важна консолидация исследовательского потенциала академической и университетской нации, при этом необходимо избавляться от описательности событий и мелкотемья [3, с. 9].

Изданные на протяжении последних десятилетий фундаментальные труды, посвященные многогранной истории Самарского Поволжья, заложили фундамент для системного анализа процессов социально-экономического, политического и социокультурной эволюции в широком хронологическом диапазоне [4–18]. Новая монография, изданная на основе многолетних научных исследований самарскими историками во главе с известным и авторитетным организатором науки, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, заведующим кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктором исторических наук, профессором Петром Серафимовичем Кабытовым, позволяет системно осмыслить траектории развития важного региона современной России.

Уникальность Самарского Поволжья определяется совокупностью факторов: значимостью региона в контексте формирования российской государственности и колонизации в условиях экстенсивного развития земледелия; необходимостью осмысления феномена ментальности, социального поведения представителей различных народов «леса и степи», вложивших колоссальные усилия для «превращения территории региона из территории фронта во “внутреннюю окраину” Российской империи, в “общую родину” для его многоликого населения» (с. 24).

П. С. Кабытов, Э. Л. Дубман, О. Б. Леонтьева сочли уместным подчеркнуть значимость точки зрения академика Российской академии наук

Л. В. Милова, указывавшего на необходимость тщательного изучения роли государства и его институтов как традиционного создателя и гаранта создания благоприятных условий для развития экономики в контексте формирования пограничных социумов (с. 6).

В палитре очерков, составивших содержание коллективной монографии, достаточно широкий круг исследовательских проблем: роль Самарского Поволжья в развитии российской государственности и процессе закрепления лесостепных пространств за Россией в условиях XVI – начала XVIII в.; динамика размещения населения на фоне развития рыночных отношений в пореформенной и позднеимперской России, эволюция местного управления и самоуправления в контексте взаимоотношений с представителями различных сословных групп; перемены в социокультурном облике провинциального общества. Ряд аспектов политической истории представлен в сюжетах, посвященных положению Самарской губернии в период установления власти Комуча и структурным особенностям деятельности местной ЧК.

На наш взгляд, заслуживают внимания высказанные наблюдения о феномене колонизации Самарского Поволжья. Отмечено, что здесь формировался «новый тип общества: модели, транслируемые из центра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения» (с. 10). Значимым является введенное в научный оборот понятие «обретение родины», под которым самарские историки понимают поэтапный процесс, для которого были характерны взаимовлияние природно-географических условий и антропогенного фактора; складывание сословно-классовой структуры сельского и городского сообществ; становление социокультурного своеобразия с учетом этнической полиэтничности и конфессионального многообразия (с. 11). В монографии отмечены этапы колонизационного процесса, тесно связанные с реалиями развития российской государственности. Авторы указывают на отличительные черты развития Самарского Поволжья: динамика урбанизации была связана в основном с развитием уже существовавших городов; более позднее формирование дворянских корпораций на фоне быстрых темпов становления торгово-промышленного предпринимательства; сохранение патриархальных традиций в городской среде; признание низкой динамики развития высших учебных заведений.

Анализируя особенности государственной колонизации лесостепного Правобережья во второй половине XVI – второй трети XVII в., Э. Л. Дубман справедливо отмечает скудность источниковой базы исследования, поскольку делопроизводство и архив Приказа Казанского дворца сохранились фрагментарно из-за гибели многих документов, последовавшей в связи с пожаром 1701 г. (с. 26). Вместе с тем исследовательский потенциал, накопленный в трудах ученых, позволил сделать ряд выводов. Во-первых, речь идет об активной роли государства в возведении городов-крепостей, острогов и засечных черт (с. 27–29). Во-вторых, отмечена особая роль в хозяйственном освоении служилого населения, концентрированного в слободах, преимущественно вдали от засечных черт. В-третьих, обстоятельно показана роль Самары, освоение которой позволило существенно укрепить оборонный потенциал Русского государства, оказывавшегося в условиях существенных рисков, связанных с агрессивными устремлениями кочевых сообществ (с. 36–37). Указанные

факторы в конечном итоге способствовали созданию благоприятных условий для активного заселения земель, формирования дворянского землевладения.

Скруплезный анализ демографического аспекта миграционного процесса в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в., представленный П. С. Кабытовым в третьей главе монографии, основан на изучении солидного корпуса источников. Это позволило аргументированно выявить этно-демографические периоды в общероссийском и региональном измерениях: вторая половина XIX в.; конец XIX в. – 1917 г. (с выделением двух этапов: конец XIX в. – 1906 г.; 1906–1914 гг.). Третий период включает хронологические рамки, связанные с событиями Первой мировой войны – вплоть до начала Великой российской революции. Автор справедливо отмечает взаимосвязь этно-демографического фактора с событиями, отражавшими нарастание общенационального кризиса (с. 58). Исследуя многообразие статистических данных, П. С. Кабытов отмечает своеобразие расселения этнических групп. Географическое размещение населения отражает содержание миграционных процессов: чередование проживания представителей различных национальностей как в компактно, так и в смешанных поселениях. Небезынтересно отметить, что в этнической палитре губернии достаточно ярко был выражен и компонент немецких колоний, население которых, помимо земледелия, занималось и промысловой деятельностью (с. 59–60). Отмечено возникновение новых явлений, определивших заселение территории Самарской губернии. Речь идет о влиянии аграрной реформы, связанной с именем П. А. Столыпина. Знаковой представляется информация, свидетельствующая об успехе в реализации преобразований: в июле 1907 – январе 1916 г. из общин вышло 48,2 % дворов в Самарской губернии (с. 70). Безусловно, рассматриваемые процессы способствовали формированию особой региональной идентичности (с. 71).

В четвертой главе «Губернская и городская администрация Самары» (автор – В. А. Тюрин) основное внимание уделено изучению учреждений городского самоуправления (с. 82–92). В. А. Тюрин отмечает огромный вклад в развитие образованной в 1850 г. Самарской губернии второго губернатора К. К. Грота (с. 73), рассматривает инновации, обусловленные влиянием Великих реформ, что отразилось в усложнении механизма местного управления. Автор констатирует ряд особенностей в практиках земских участковых начальников. Выясняется слабый интерес к сельской административной деятельности со стороны местного дворянства. Очевидно, было бы целесообразно указать, насколько деятельность представителей местного управления соответствовала новым вызовам в условиях нарастания революционного радикализма и катаклизмов Первой мировой войны на локальном уровне.

Представляют интерес авторские наблюдения о структуре дохода Самары, роли купечества в развитии начал местной инициативы, создании условий для формирования нового облика губернского центра, складывании сотрудничества коронной администрации и городского самоуправления.

Пятая глава монографии (авторы – П. С. Кабытов, Е. П. Барина, М. М. Леонов, О. Б. Леонтьева, М. Н. Матвеев, О. В. Турганова) – наибольшая по своему объему среди других очерков. Рассматривая различные аспекты деятельности самарского дворянства, авторы отмечают его активную роль в освоении Самарского Заволжья. Выясняется, что экономическая и полити-

ческая разобщенность сословия и слабое выражение общественной позиции обусловили и роль предводителей дворянства в реализации административных функций, большая часть которых возлагалась на них не своей корпорацией, а государственными структурами (с. 96). Справедливы выводы, связанные с изучением вопроса об адаптации «первого сословия» к реалиям рыночных отношений. Как и в соседних с Самарой губерниях, здесь проявлялись тенденции, связанные с неразвитостью рынка наемного труда, отсутствием доступного кредитования (к концу XIX в. власти ликвидировали Саратовско-Симбирский банк, деятельность которого оказалась провальной ввиду выявленных злоупотреблений со стороны членов его правления), неготовностью владельцев имений осваивать новые методы и способы хозяйствования (с. 99).

Впрочем, немногие представители крупных помещиков (А. Н. Карамзин, Г. Н. Костромитинов, граф В. Л. Толстой, Ю. Ф. Самарин) находили свои ниши в предпринимательской деятельности. Безусловно, следует напомнить о влиянии событий начала XX в. на мировоззрение и общественно-политические предпочтения дворянской корпорации. Данный сюжет обстоятельно и всесторонне был рассмотрен в исследованиях Е. П. Бариновой [19, 20].

Коллективный портрет самарского купечества, представленный в монографии (с. 113–141), удачно вписан в панораму социально-экономической и духовной жизни губернии. Бесспорен вклад купечества в хозяйственное освоение земель. При этом авторы отмечают неоднозначные аспекты в эволюции экономической активности. Речь шла о переходе от спекулятивного землепользования к переработке аграрной продукции, объединению хлебной торговли с производством муки, становлению биржевой торговли, что, в свою очередь, подняло планку коммуникаций между предпринимателями в различных губерниях Европейской России (с. 125). Конечно, было бы уместно обратить внимание на особенности политической самоидентификации части купечества в условиях избирательных кампаний в Государственную думу (справедливо отмечен яркий пример деятельности выходца из крестьянского сословия, ставшего известным предпринимателем, депутатом III Думы М. Д. Чельшова) (с. 135). «Заселенность» главы именами представителей содержания делового мира Самарской губернии (братья Константиновы, Башкировы, Соколовы, А. фон Вакао, А. С. Аржанов, М. Н. Назаров, П. С. Субботин, Н. Г. Неклютин, А. Н. Шихобалов) имеет принципиальное значение для осмысления их вклада в созидательную деятельность, направленную на создание благоприятной и комфортной среды, развитие городской инфраструктуры.

Проблемы изучения различных аспектов земского самоуправления – одна из особенностей региональной историографии. Авторами обобщен опыт земской деятельности в Самарской губернии (справедливо указано, что именно здесь в 1865 г. начало свою работу первое в России губернское земское собрание (с. 144)). Представляется значимым внимание к историографии проблемы. В этой связи, конечно же, уместно напомнить, что возрождение земского движения было связано с инициативами, выдвинутыми в Самаре в 1990-х гг., что нашло отражение в проведении научно-практической конференции по истории земства с участием А. И. Солженицына [21]. Опыт деятельности самарского земства, действительно, многогранен. Справедливо

отмечено, что «формирование волостных земств летом-осенью 1917 г. завершило создание системы местного самоуправления России» (с. 171).

Рассмотренные Л. А. Артамоновой и Ю. Н. Смирновым тенденции развития культуры Самарской губернии позволяют уяснить специфику переходного периода в истории Самарской губернии всей страны. Отмечая необходимость преодоления стереотипов в представлениях о Самарском Поволжье, порожденных дореволюционной публицистикой (добавим, и воздействием нормативной идеологией, влиявшей на оценочные суждения и выводы в работах советских историков), авторы внимательно анализируют содержание перемен в социокультурном пространстве: эволюцию сферы народного образования; подготовку квалифицированных преподавателей в учительском институте; новации в деятельности различных школ мусульман и иудеев (с. 184–185); распространение периодической печати и системы публичных библиотек. Отметим особую роль народных чтений (с. 191–196), приобщения населения к театру, музыке, кинематографу.

При отсутствии высших учебных заведений в просветительской деятельности неопределимой являлась роль общества народных университетов, которое консолидировало цвет интеллигенции, проявившей себя в подвижнической деятельности. Многообразие культурных традиций существенно расширилось в период Первой мировой войны, когда губерния приняла десятки тысяч беженцев территорий, ставших театром военных действий. Заметим, что в Самаре и уездах шел достаточно непростой процесс приобщения к культурным новациям представителей различных сословий и конфессий, что свидетельствовало о постепенном формировании основ гражданского общества.

Главы, посвященные феномену Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧа) (Н. Н. Кабытова) и становлению структур Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в губернии (П. А. Мистрюгов), представляют особый интерес ввиду ряда обстоятельств: во-первых, самарские историки внесли огромный вклад в преодолении стереотипов, характерных для историографии 1920-х гг.; во-вторых, выясняются существенные черты двойственности социально-экономической политики (с. 236–237); в-третьих, показана роковая роль декларативности и популизма в утверждении ценностей демократии, которые стали заложниками конфронтации, низкой политической культуры и потери управляемости на фоне нарастания недовольства населения применением КОМУЧем столь раздражающих инструментов насилия и произвола.

Введенные в научный оборот документы из фондов Центрального государственного архива Самарской области и Самарского областного государственного архива социально-политической истории позволили выделить этапы в становлении структур ВЧК (с. 246–247). Сформулирован перечень репрессивных полномочий по борьбе со сторонниками КОМУЧа (с. 247). Достаточно показательны статистические данные о репрессивной практике ГУБЧК в октябре 1918 г. – январе 1919 г. (с. 249), в том числе и о применении высшей меры наказания (с. 251). Большое внимание уделено борьбе с дезертирством, повстанческим движением. Вывод автора о двойственности роста влияния ЧК на локальном уровне («с одной стороны, как проявление антидемократическим тенденций... с другой стороны, – как слабость... органов власти, не способных противостоять народной стихии и решать управленческие

задачи» (с. 264)), конечно же, предполагает продолжение исследований с учетом весьма сложной ситуации в губернии.

Новая монография самарских ученых, бесспорно, развивает лучшие традиции российской исторической науки и имеет большое значение для продолжения изучения региона различными поколениями исследователей.

Список литературы

1. Хлынина Т. П. Историческая регионалистика: основные концепты и проблемы дисциплинарного роста // Былые годы. 2010. № 3 (17). С. 71–78.
2. Репина Л. П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5–16.
3. Кондрашин В. В. Региональное измерение истории России: к 80-летию П. С. Кабытова – исследователя и гражданина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 8–16.
4. Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Леонтьева О. Б. [и др.]. Очерки истории Самарского Поволжья : коллективная монография / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара : САМАРАМА, 2025. 268 с.
5. Кабытов П. С., Васильев И. Б., Дубман Э. Л. [и др.]. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. М. ; Самара : Слово, 2000.
6. Кабытов П. С., Васильев И. Б., Дубман Э. Л. [и др.]. Самарское Поволжье с древности до конца XIX века : сб. док. и материалов / сост.: В. Н. Зудина [и др.] ; РАН ; Самар. науч. центр. Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. 511 с.
7. Кабытов П. С., Васильев И. Б., Дубман Э. Л. [и др.]. Самарское Поволжье в XX веке : сб. док. и материалов / РАН ; Самар. науч. центр. Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. 504 с.
8. Классика самарского краеведения : антология. Вып. 1 / Администрация Самарской обл. ; отв. ред. П. С. Кабытов. Самара : Самарский ун-т, 2002. 275 с.
9. Классика самарского краеведения : антология. Вып. 2 / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. Самара : Самарский ун-т, 2006. 257 с.
10. Головкин К. П. Классика самарского краеведения : антология. Вып. 3: Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) / под науч. ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. Самара : Самарский ун-т, 2007. 431 с.
11. Шибраев В. Л. Классика самарского краеведения : антология. Вып. 4: Большая Царевщина: семейная хроника / под науч. ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. 3-е изд., доп. и испр. Самара : Самарский ун-т, 2008. 345 с.
12. Классика самарского краеведения : антология. Вып. 5: «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост.: Э. Л. Дубман, В. Н. Зудина ; под науч. ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара : Самарский ун-т, 2008. 462 с.
13. Классика самарского краеведения : антология. Вып. 6: Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева / под науч. ред. проф. П. С. Кабытова [и др.]. Самара : Самарский ун-т, 2019. 267 с.
14. Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Смирнов Ю. Н. [и др.]. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) : монография / под науч. ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова ; Федер. агентство по образованию ; Самар. гос. ун-т ; Ин-т истории и археологии Поволжья. Самара : Самарское отделение Литфонда, 2007. 327 с.
15. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) : монография : в 2 ч. Ч. 1: Очерки истории / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара : Самарский ун-т, 2013. 362 с.
16. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) : монография : в 2 ч. Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара : Самарский ун-т, 2014. 254 с.

17. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : монография : в 2 т. Т. 1. Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв. / гл. ред. П. С. Кабытов ; науч. ред.: Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов. 2-е изд., испр. и доп. Самара : Слово, 2020. 480 с.
18. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : монография : в 2 т. Т. 2. Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / гл. ред. П. С. Кабытов. 2-е изд., испр. и доп. Самара : Слово, 2020. 480 с.
19. Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара : Изд-во СамГУ, 2006. 379 с.
20. Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик : монография. М. : РОССПЭН, 2008. 351 с.
21. А. И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П. С. Кабытова ; Федеральное агентство по образованию. Самара : Изд-во Самарский университет, 2008. 139 с.

References

1. Khlynina T.P. Historical regional studies: key concepts and problems of disciplinary growth. *Bylye gody = Bygone years*. 2010;(3):71–78. (In Russ.)
2. Repina L.P. Regional history, or the “historian’s territory” after the spatial turn. *Dialog so vremenem = Dialogue with time*. 2019;(69):5–16. (In Russ.)
3. Kondrashin V.V. The regional dimension of Russian history: on the 80th anniversary of P.S. Kabitov – researcher and citizen. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Bulletin of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2021;27(2):8–16. (In Russ.)
4. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leont'eva O.B. et al. *Ocherki istorii Samarskogo Povolzh'ya: kollektivnaya monografiya = Essays on the history of Samara Volga region: collective monograph*. Samara: SAMARAMA, 2025:268. (In Russ.)
5. Kabytov P.S., Vasil'ev I.B., Dubman E.L. et al. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh времен do nashikh dnei: v 2 t. = History of Samara Volga region from ancient times to the present day: in 2 volumes*. Moscow; Samara: Slovo, 2000. (In Russ.)
6. Kabytov P.S., Vasil'ev I.B., Dubman E.L. et al. *Samarskoe Povolzh'e s drevnosti do kontsa XIX veka: sb. dok. i materialov = Samara Volga region from ancient times to the end of the 19th century: collected reports and materials*. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2000:511. (In Russ.)
7. Kabytov P.S., Vasil'ev I.B., Dubman E.L. et al. *Samarskoe Povolzh'e v XX veke: sb. dok. i materialov = Samara Volga region from ancient times to the end of the 20th century: collected reports and materials*. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2000:504. (In Russ.)
8. *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya. Vyp. 1 = Classics of Samara local history: anthology. Issue 1*. Samara: Samarskiy un-t, 2002:275. (In Russ.)
9. Kabytov P.S., Dubman E.L. (eds.). *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya. Vyp. 2 = Classics of Samara local history: anthology. Issue 2*. Samara: Samarskiy un-t, 2006:257. (In Russ.)
10. Golovkin K.P. *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya. Vyp. 3: Samara v kontse XVIII – nachale XX vv. (kraevedcheskaya kartoteka) = Classics of Samara local history: anthology. Issue 3: Samara in the late 18th – early 20th centuries (local history card index)*. Samara: Samarskiy un-t, 2007:431. (In Russ.)
11. Shchibraev V.L. *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya. Vyp. 4: Bol'shaya Tsarevshchina: semeynaya khronika = Classics of Samara local history: anthology. Issue 4: Great Tsarevshchina: family chronicle. 3rd edition, revised and expanded*. Samara: Samarskiy un-t, 2008:345. (In Russ.)
12. Dubman E.L., Kabytov P.S. (eds.). *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya. Vyp. 5: «Zolotoe desyatiletie» samarskogo kraevedeniya = Classics of Samara local*

- history: *anthology. Issue 5: The Golden Decade of Samara Regional Studies*. Samara: Samarskiy un-t, 2008:462. (In Russ.)
13. Kabytov P.S. et al. (ed.). *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya. Vyp. 6: Dnevnik i vospominaniya samarskogo gubernatora Aleksandra Dmitrievicha Sverbeeva = Classics of Samara local history: anthology. Issue 6: Diary and memoirs of Samara Governor Alexander Dmitrievich Sverbeev*. Samara: Samarskiy un-t, 2019:267. (In Russ.)
 14. Dubman E.L., Kabytov P.S., Smirnov Yu.N. et al. *Povolzh'e – «vnutrennyaya okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territoriy (konets XVI – nachalo XX vv.): monografiya = The Volga region – the “inner outskirts” of Russia: the state and society in the development of new territories (late 16th– early 20th centuries): monograph*. Samara: Samarskoe otделение Litfonda, 2007:327. (In Russ.)
 15. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leont'eva O.B. (eds.). «Obretenie rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.): monografiya: v 2 ch. Ch. 1: Ocherki istorii = “Finding a Homeland”: society and power in the Middle Volga region (second half of the 16th – early 20th centuries): monograph: in 2 volumes. Part 1: Essays on history*. Samara: Samarskiy un-t, 2013:362. (In Russ.)
 16. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leont'eva O.B. (eds.). «Obretenie rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.): monografiya: v 2 ch. Ch. 2: Zaselenie regiona i etnodemograficheskaya situatsiya = “Finding a Homeland”: society and power in the Middle Volga Region (second half of the 16th – early 20th centuries): monograph: in 2 parts. Part 2: Settlement of the region and the ethnodemographic situation*. Samara: Samarskiy un-t, 2014:254. (In Russ.)
 17. Kabytov P.S. (ed.). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: monografiya: v 2 t. T. 1. Samarskoe Povolzh'e v XVI – pervoy polovine XIX vv. = History of Samara Volga region from ancient times to the present day: monograph: in 2 volumes. Volume 1. Samara Volga region in the 16th – first half of the 20th centuries. 2nd edition, revised and expanded*. Samara: Slovo, 2020:480. (In Russ.)
 18. Kabytov P.S. (ed.). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: monografiya: v 2 t. T. 2. Samarskoe Povolzh'e vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka = History of Samara Volga region from ancient times to the present day: monograph: in 2 volumes. Volume 2. Samara Volga region in the second half of the 19th – early 20th century. 2nd edition, revised and expanded*. Samara: Slovo, 2020:480. (In Russ.)
 19. Barinova E.P. *Rossiyskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: sotsiokul'turnyy portret = The Russian nobility at the beginning of the 20th century: sociocultural portrait*. Samara: Izd-vo SamGU, 2006:379. (In Russ.)
 20. Barinova E.P. *Rossiyskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyy oblik: monografiya = Russian nobility at the beginning of the 20th century: economic status and socio-cultural appearance: monograph*. Moscow: ROSSPEN, 2008:351. (In Russ.)
 21. Kabytova P.S. (ed.). *A.I. Solzhenitsyn i Samara = A.I. Solzhenitsyn and Samara*. Samara: Izd-vo Samarskiy universitet, 2008:139. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Валерий Юрьевич Карнишин

доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории Отечества, государства
и права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Valeriy Yu. Karnishin

Doctor of historical sciences,
professor, head of the sub-
department of the history
of Russia, state and law, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 01.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 10.08.2025

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-13

Проблема интерпретации средневековых источников

В. В. Ставицкий

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

stawiczky.v@yandex.ru

Белорыбкин Г. Н., Мельниченко О. В., Осипова Т. В. [и др.]. Средневековые сокровища Пензенского края : монография. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 288 с.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-20415 «Этногенез народов Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов».

Для цитирования: Ставицкий В. В. Проблема интерпретации средневековых источников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 148–154. Рец. на кн.: Средневековые сокровища Пензенского края : монография / Г. Н. Белорушкин, О. В. Мельниченко, Т. В. Осипова [и др.]. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 288 с. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-13

The issue of interpreting medieval sources

V.V. Stavitskiy

Penza State University, Penza, Russia

stawiczky.v@yandex.ru

Belorybkin G.N., Melnichenko O.V., Osipova T.V. et al. Medieval treasures of Penza region : monograph. Penza: Penza Regional Institute of Regional Development, 2023. 288 p.

Financing: the work was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-20415 “Ethnogenesis of the peoples of the Middle Volga region in the era of the Great Migration of Peoples”.

For citation: Stavitskiy V.V. The issue of interpreting medieval sources // University proceedings. Volga region. Humanities. 2025;(3):148–154. A review of: Belorybkin G.N., Melnichenko O.V., Osipova T.V. et al. Medieval treasures of Penza region : monograph. Penza : Penza Regional Institute of Regional Development, 2023. 288 p. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-13

В 2023 г. Институтом развития Пензенской области издана монография «Средневековые сокровища Пензенского края», состоящая из двух примерно равных по объему разделов. Первая часть представляет собой исторический очерк по средневековой истории края, вторая – иллюстрированный каталог артефактов той же эпохи. Монография демонстрирует своеобразный «поворот» российской исторической науки на Восток, поскольку издана на рус-

ском, китайском и английском языках. В данном случае это вполне оправдано, так как западноевропейские сокровища в книге практически не представлены, а изделий, связанных с восточными странами, в каталоге немало. В нашей рецензии большее внимание уделено первой, текстовой части издания и меньшее – второй, иллюстративной.

Основными источниками по средневековой истории Пензенского края являются археологические материалы, поскольку письменные свидетельства ограничены, кроме того, существует проблема их соотнесения с народами, проживавшими на территории края. Поэтому реконструкция средневековой истории в основном связана с интерпретацией археологических данных, которые обычно носят многовариантный и гипотетический характер. При этом не всегда бывает достаточно аргументов для того, чтобы можно было отдать предпочтение одной из гипотез. Тем не менее, если исследователи уверены в своей правоте, они обычно делают это и не приводят других точек зрения по проблеме, решение которой представляется им однозначным и очевидным. В той части рецензируемой монографии, которая касается эпохи раннего Средневековья, ее авторы, как правило, приводят различные точки зрения на ту или иную проблему, а по позднему Средневековью обычно ограничиваются изложением одного варианта интерпретации как археологических, так и письменных данных. В ряде случаев подобная позиция вполне оправдана, но отдельные положения носят дискуссионный характер, и на них мы остановимся более подробно.

Изложение истории начинается со II в. н.э., когда территория Пензенского края становится одним из центров сложения древней мордвы. В монографии говорится о трех территориальных группах мордовского населения, которые отличаются друг от друга по некоторым элементам одежды, форме глиняных сосудов и погребальным обычаям. Различия в глиняной посуде имеют место, но они не столь существенны, а погребальные традиции у разных групп мордовского населения до VII в. весьма неустойчивы и подвержены систематическим изменениям. Нередко отличий в погребальной обрядности между двумя соседними могильниками наблюдается больше, чем с памятниками, находящимися от них за сотни верст. О костюме мордвы в эту эпоху можно судить только по комплексу украшений, набор которых демонстрирует абсолютное единство для всех территориальных групп мордовского населения. Все это свидетельствует о том, что на протяжении всего I тысячелетия н.э. мордва сохраняла свою этнокультурную общность [1].

Анализируя материалы 1-го Армиевского грунтового могильника, авторы монографии отмечают усиление милитаризации присурской мордвы и связывают данный факт с необходимостью организации защиты своих земель от вторжений кочевников. Однако следует отметить, что в поздних погребениях этого некрополя появляются палаши аварского типа с косо срезанным окончанием клинка и характерными Р-видными скобами на ножнах. Причем некоторые из них обнаружены в символических могилах без костяков – кенотафах, которые обычно сооружались для воинов, погибших вдалеке от своего дома [2]. Наиболее вероятным объяснением этого факта является их участие в военных походах авар, которые, как известно, широко привлекали автохтонное население других территорий, преимущественно славян, для участия в военных действиях на своей стороне.

Следующий важный этап в жизни мордвы авторы связывают с экспансией Хазарского каганата, в результате которого одна часть верхнесурской мордвы покинула свои исконные территории и переселилась на Вад и Цну, а другая попала под власть каганата. Однако судя по набору вооружения, а также по наличию ряда предметов, характерных для салтово-маяцкой культуры (серьги, воинские пояса), именно цнинско-вадская мордва испытала на себе особенно сильное влияние со стороны Хазарского каганата, что признается и авторами монографии. Поэтому существуют более веские основания полагать, что именно эти группы мордвы попали в вассальную зависимость от хазар. Оказавшись в составе данного раннефеодального образования, примокшанская мордва смогла существенно расширить свои этнические границы в южном направлении, сместившись по р. Цне до ее верховий. Возможно, что могло иметь место принудительное переселение, как, например, ранее хазары поступили с аланами, переселив их с Северного Кавказа на Дон.

Мордва, оставшаяся в Посурье, по-видимому, не только попала в зависимость, но и подверглась культурной ассимиляции, что наглядно иллюстрируют материалы 2-го Армиевского курганно-грунтового могильника. По ним хорошо видно, как меняется погребальная обрядность местного оседлого населения. Из употребления выходит ряд этнических элементов костюма (нагрудные пластинчатые бляхи, шейные серповидные гривны, шумящие подвески), с южной на западную и восточную меняется ориентировка могил, получают распространение кремации и вторичные захоронения, встречаются погребения, практически не содержащие вещей и костяков умерших. Данные изменения авторы связывают с появлением в крае буртасов. Однако следует отметить, что ближайшие аналогии такая своеобразная и сложная погребальная обрядность находит среди грунтовых могильников Северского Донца, которые авторы раскопок относят к донским болгарам [3].

По мнению авторов монографии, покойников сначала клали на помост, а затем останки тел складывались в могильную яму вместе с инвентарем, что характерно для зороастрийских верований. Однако зороастрийская религия не предполагает погребения в землю, поскольку кости человека ее оскверняют. На наш взгляд, захоронения 2-го Армиевского курганно-грунтового могильника иллюстрируют только процесс сложения представлений, аналогичных зороастрийским, а сформировались они здесь позже. В период со второй половины XI по первую половину XIII в. на территории Верхнего Посурья перестают совершаться грунтовые захоронения, следовательно, именно к этому времени подобные верования овладели массами местного населения.

Во второй половине X в. наблюдается новая волна миграции кочевников, которая привела к появлению на 2-ом Армиевском курганно-грунтовом могильнике подкурганных захоронений, что, по-видимому, ускорило ассимиляцию местного мордовского населения [4]. Данный хронологический период в истории края авторы монографии ассоциируют с буртасами, о которых имеются многочисленные письменные свидетельства в арабских источниках. Однако следует иметь в виду, что исследователями предлагаются и другие варианты археологической локализации буртасов, т.е. эта проблема все еще носит дискуссионный характер [5].

Наиболее сложным для интерпретации материалов археологических памятников является период XI – первая половина XIII в., когда в Посурье

практически неизвестны могильники. Исключение составляют всего два вскрытых мордовских захоронения в окрестностях Кривозерья. Авторы монографии связывают этот период истории со всесторонней экспансией Волжской Булгарии. Однако к этому времени волжские булгары уже приняли ислам, что подтверждается достаточно равномерным распространением мусульманских могильников на территории данного государства, число которых достигает 80 [6]. На территории Пензенского края известно около 100 селищ и городищ этого времени с красно-коричневой гончарной керамикой болгарского типа, два городища раскапывались большими площадями, но ни одного мусульманского погребения поблизости с ними не выявлено. Видимо, экспансия со стороны Волжской Булгарии преимущественно носила экономический характер, что отразилось на изменении облика материальной культуры верхнесурских городищ и селищ. Однако местное население сохраняло свои этнические и культурные традиции, сложившиеся здесь ранее. Об этом, например, свидетельствует наличие преемственности в навыках изготовления керамики. Присурские гончары восприняли ряд болгарских производственных новаций. Керамику стали изготавливать на гончарном круге и обжигать в горне, однако наряду с новыми формами сосудов, характерными для Волжской Булгарии, здесь по-прежнему бытовали и местные «армиевские» типы. Отсутствие мусульманских могильников на Суре и Мокше также свидетельствует о сохранении каких-то местных языческих верований, согласно которым умерших не хоронили в земле.

Выпадение кладов сокровищ чаще обычного происходит во время внешних набегов, когда отсутствует другая возможность для сохранения накопленных ценностей. Для народов Пензенского края это прежде всего было время монгольского завоевания, когда были взяты, сожжены и разрушены средневековые городища. По мнению И. Л. Измайлова, первое столкновение с монголами произошло под стенами Золотаревского городища, куда булгары в 1223 г. заманили в засаду монгольское войско Джебе и Субэдея [7]. Авторы монографии справедливо отказываются от этого предположения, но все же полагают, что данное сражение состоялось на территории Верхнего Посурья. На карте оно показано в районе Золотаревки (с. 71). На наш взгляд, монгольский поход 1223 г. был направлен против половцев, о чем имеются упоминания в русских и арабских источниках. Соответственно, боевые действия в основном разворачивались в районе летних половецких кочевий, которые не заходили на территорию лесного Засурья. Поэтому предложенная в монографии локализация битвы булгар с монголами представляется дискуссионной [8].

Ряд спорных моментов также содержится в интерпретации археологических материалов золотоордынского периода, но они уже были проанализированы ранее в рецензии на монографию В. А. и К. М. Винничек [9]. Однако дискуссионность отдельных положений не умаляет общего впечатления от издания, которое, на наш взгляд, по конкретности изложения материала превосходит соответствующий раздел монографии «История Пензенского края» [10], где порой на местную историю экстраполируются события, напрямую с ней не связанные.

Наибольший интерес читателя, конечно, привлечет раздел, в котором представлены фотографии и описание ювелирных украшений. Он открывается

описанием кладов, найденных на территории Юловского и Золотаревского городищ и 1-го Золотаревского поселения. В них представлены серебряные изделия местных и болгарских мастеров: шейные гривны, плетеные браслеты, височные трехбусинные кольца, перстни и серьги, а также бусы из янтаря, сердолика, агатоникса, горного хрусталя. Приведены метрические данные клада серебряных слитков. По монетнымкладам и находкам отдельных монет в монографии дана фрагментарная информация, поскольку их публикации предполагается посвятить отдельное издание.

Следующий раздел содержит каталог отдельных находок, которые отобраны с различных археологических памятников. Преимущественно это изделия из болгарского серебра, но наряду с ними представлены и украшения мордовского костюма из меди и бронзы: нагрудные бляхи, височные подвески, браслеты, застежки-сюльгамы и др. В каталоге представлены только наиболее выразительные, а также типичные мордовские украшения из фондов Пензенского краеведческого музея, отличающиеся хорошей сохранностью. В тексте приводится их описание, указываются материал изготовления и размеры, место находки, а также примерная датировка.

Монография напечатана на плотной мелованной бумаге, фотографии и рисунки даны в хорошем разрешении и качестве. Среди провинциальных российских изданий по качеству полиграфии и степени проработанности тематики со «Средневековыми сокровищами Пензенского края» могут сравниться только каталоги археологических древностей, изданные в г. Казани Институтом археологии Республики Татарстан. Хочется надеяться, что публикация археологического наследия народов нашего края будет продолжена на таком же высоком уровне.

Список литературы

1. Ставицкий В. В. Эрзя и мокша по данным археологии // Центр и периферия. 2016. № 1. С. 4–11.
2. Полесских М. Р. Боевое оружие и снаряжение из могильников Армиевского типа // Советская археология. 1968. № 1. С. 198–207.
3. Аксенов В. С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.) // Российская археология. 2006. № 2. С. 51–63.
4. Сафронов П. И., Ставицкий В. В. Курганы № 2 и № 3 Армиевского курганно-грунтового могильника (по материалам раскопок М. Р. Полесских 1969 г.) // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 3 (31). С. 23–32.
5. Ставицкий В. В. Историография «буртасской проблемы» второй половины XX – начала XXI в // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 84–91.
6. Измайлов И. Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 68–92.
7. Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера». Казань : Татарское книжное издательство, 2008. 206 с.
8. Ставицкий В. В. Проблема локализации битвы 1223 года монголов с волжскими булгарами // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 282–291. doi: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.282-291
9. Ставицкий В. В. Верхнее Посурье в эпоху Золотой орды // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3.

- C. 158–164. Рец. на кн.: Винничек В. А., Винничек. К. М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 88 с. doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-13
10. История Пензенского края : в 3 т. Т. 1. История Пензенского края с древнейших времен до конца XVIII века / под общ. ред. О. В. Мельниченко, Г. Н. Белорыбкина. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2022. 446 с.

References

1. Stavitskiy V.V. Erzya and Moksha according to archaeological data. *Tsentr i periferiya = Center and periphery*. 2016;(1):4–11. (In Russ.)
2. Polesskikh M.R. Combat weapons and equipment from the Armievsky type burial grounds. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet archeology*. 1968;(1):198–207. (In Russ.)
3. Aksenov V.S. Funeral rite of the Netailovsky burial ground (the 8th – 9th centuries). *Rossiyskaya arkheologiya = Russian archeology*. 2006;(2):51–63. (In Russ.)
4. Safronov P.I., Stavitskiy V.V. Mounds No. 2 and No. 3 of the Armievo burial mound and ground cemetery (by the excavation materials by M. R. Polesskikh, 1969). *Vestnik NII Gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 2014;(3):23–32. (In Russ.)
5. Stavitskiy V.V. Historiography of the “Burtas problem” of the second half of the 20th – beginning of the 21st century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2014;(1):84–91. (In Russ.)
6. Izmaylov I.L. Archaeology and Islam in the Middle Volga region in the 10th – 13th century: an attempt at a comprehensive analysis. *Povolzhskaya arkheologiya = Volga region archeology*. 2016;(2):68–92. (In Russ.)
7. Izmaylov I.L. *Zashchitniki «Steny Iskandera» = Defenders of the Iskander Wall*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008:206. (In Russ.)
8. Stavitskiy V.V. The issue of localizing the 1223 battle between the Mongols and the Volga Bulgars. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2024;12(2):282–291. (In Russ.). doi: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.282-291
9. Stavitskiy V.V. Upper Sura during the Golden Horde era. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(3):158–164. A review of: Vinnichек V.A., Vinnichек. K.M. Medieval antiquities of the Nikolskoye settlement. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2023:88. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-13
10. Mel'nichenko O.V., Belorybkin G.N. (eds.). *Istoriya Penzenskogo kraya: v 3 t. T. 1. Istoriya Penzenskogo kraya s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka = History of Penza region: in 3 volumes. Volume 1. History of Penza region from ancient times to the end of the 18th century*. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2022:446. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Вячеславович Ставицкий

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Vladimir V. Stavitskiy

Doctor of historical sciences,
associate professor, professor
of the sub-department of general
history and social science,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.05.2025

Принята к публикации / Accepted 25.06.2025

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц – прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год. Научные направления (отрасли науки и группы специальностей):

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; e-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата «___» _____ 20__ г.